

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Гаджиев Ибадулла Абдулаевич

**ДОКАЗЫВАНИЕ ПОДОЗРЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Костенко Роман Валерьевич

Краснодар – 2026

Оглавление

	стр.
Введение	3
Глава 1. Подозрение в современном российском уголовном процессе: сущность, понятие, проблемы нормативного регулирования, соотношение с обвинением	23
1.1. Доктринальные подходы к определению сущности и понятия подозрения	23
1.2. Проблемы нормативного регулирования подозрения	39
1.3. Соотношение подозрения с обвинением в уголовном процессе	59
Глава 2. Предмет и пределы доказывания подозрения в уголовном процессе .	80
2.1. Предмет доказывания подозрения в уголовном процессе	80
2.2. Пределы доказывания подозрения в уголовном процессе	100
Глава 3. Средства и способы доказывания подозрения в уголовном процессе	122
3.1. Средства доказывания подозрения в уголовном процессе	122
3.2. Способы доказывания подозрения в уголовном процессе	138
Заключение	153
Библиографический список использованных источников	159
Приложение № 1. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»	188
Приложение № 2. Анкета-интервью	191
Приложение № 3. Результаты обобщения анкетирования	194
Приложение № 4. Результаты изучения уголовных дел (материалов уголовных дел)	196

Введение

Актуальность темы исследования. Доказывание подозрения принадлежит к числу фундаментальных и вместе с тем недостаточно разработанных проблем российского уголовного процесса. Показательно, что подозрение, ежегодно затрагивающее процессуальные права сотен тысяч лиц, до настоящего времени не получило целостной доктринальной концепции доказывания. В связи с этим актуальность настоящего исследования определяется совокупностью взаимообусловленных теоретических, законодательных и правоприменительных факторов, образующих системную проблему, не допускающую частичного решения.

Теоретическое измерение проблемы связано с отсутствием в доктрине уголовного процесса научно обоснованной концепции доказывания подозрения, которая охватывала бы его предмет, пределы, средства и способы в их системном единстве. Несмотря на многократное использование термина «подозрение» в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, его содержание, гносеологическая природа и процессуальные параметры доказывания не имеют устоявшегося научного осмысления и порождают острые доктринальные дискуссии. Существующие в науке дефиниции акцентируют различные аспекты подозрения, формируя фрагментарное представление о его природе. Соответственно, отсутствие единого доктринального подхода создаёт методологические трудности в определении места и роли доказывания подозрения в системе уголовно-процессуального познания. Здесь возникает вопрос, от которого во многом зависит вся конструкция института: как совместить эффективность уголовного преследования с надлежащей защитой личности? Ошибка в любую сторону имеет ощутимые последствия. Преждевременное либо недостаточно обоснованное подозрение может привести к существенному ограничению конституционных прав граждан; чрезмерно высокий порог его обоснования, напротив, способен затруднить своевременное раскрытие и расследование преступлений. Поэтому нужны ясные научные

критерии обоснованности подозрения, учитывающие и гносеологическое содержание, и юридическую форму этого явления.

Если обратиться к законодательству, проблема становится ещё заметнее. В действующем УПК РФ регулирование доказывания подозрения не образует согласованной системы. Казалось бы, обязанность разъяснить лицу существо подозрения предполагает, что закон определяет и само понятие. Однако статьи 46, 103, 104, 105 и 106 УПК РФ такую обязанность предусматривают, а легального определения подозрения Кодекс не содержит. Получается, что правоприменитель должен разъяснить содержание категории, которую законодатель прямо не раскрыл. Это плохо согласуется с требованием правовой определённости и оставляет слишком широкое поле для усмотрения. Есть и другая трудность. Критерий обоснованности закон обозначает по-разному, причём практически в соседних нормах. Часть 2 ст. 140 УПК РФ говорит о «достаточных данных, указывающих на признаки преступления»; ст. 91 УПК РФ – о «данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления»; ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ – о «достаточных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления». По смыслу все три формулы близки. Терминологически – нет. Особняком стоит ч. 1 ст. 97 УПК РФ: содержащиеся в ней «достаточные основания полагать» обращены в будущее, к прогнозу поведения подозреваемого или обвиняемого, а вовсе не к тому, насколько доказана его причастность. Здесь есть нюанс, который в литературе обычно проговаривается вскользь: избрание меры пресечения само по себе уже предполагает обоснованное подозрение, то есть норма опирается на категорию, которую закон не определил. К этому добавляется ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Перечисленные в ней основания признания лица подозреваемым в единую систему процессуального закрепления подозрения не складываются – это скорее набор поводов, чем конструкция. Отсюда и вопрос, обойти который не удаётся: с какого момента и при каких условиях подозрение обретает юридически значимую форму?

Отдельного разговора заслуживает соотношение подозрения и обвинения в досудебном производстве. Российский уголовный процесс по-прежнему требует предъявлять обвинение уже в ходе предварительного следствия; эта конструкция унаследована от советской модели и с тех пор почти не пересматривалась. В состязательном судопроизводстве её необходимость перестала быть самоочевидной. Процедуру уголовного преследования она заметно утяжеляет, а рядом, в дознании, отдельного акта предъявления обвинения нет вовсе – и производство от этого не разрушается. Выходит, что объём процессуальных гарантий поставлен в зависимость от формы расследования, причём внятного объяснения такой дифференциации не находится. Показательна в этом отношении ст. 100 УПК РФ. Момент формулирования обвинения она привязывает не к завершению доказывания и сложившемуся внутреннему убеждению следователя, а к процессуальным срокам, которые сами обусловлены применением меры пресечения. По сути, срок начинает диктовать появление материального основания – логика перевернута. Зарубежный опыт заставляет вернуться к тому же сюжету. В ряде постсоветских государств предъявление обвинения упразднено, и подозрение осталось единственной формой уголовного преследования до суда. Во многих правовых системах обвинение работает как рубеж: оно отделяет расследование от судебного разбирательства, и вместе с этим переходом меняются объём гарантий и характер судебного контроля. На таком фоне отечественная модель, как представляется, нуждается в дополнительной оценке – хотя бы потому, что на практике граница между подозрением и обвинением нередко размывается до неразличимости.

Если говорить проще, практический вопрос сводится к одному: каких сведений достаточно, чтобы подозрение считалось обоснованным? Единого ответа следственная и судебная практика до сих пор не выработала, а крайности обнаруживаются противоположные. В одних случаях «достаточные данные» фактически приравниваются к полноценным уголовно-процессуальным доказательствам, и порог для признания лица подозреваемым поднимается

непомерно высоко. В других происходит обратное: основанием служит информация, которой явно мало, чтобы всерьёз говорить об обоснованности подозрения. Плох каждый из подходов, причём по-своему. Оба питают правовую неопределённость, делают результаты судебного контроля менее предсказуемыми и – что здесь важнее всего – по-разному сказываются на положении лиц, вовлечённых в уголовное преследование.

Перечисленные противоречия не существуют по отдельности: каждое подпитывает остальные. Латать их поодиночке бессмысленно. Требуется комплексное исследование всего механизма доказывания подозрения – его предмета, пределов, средств и способов – с последующей разработкой теоретически обоснованных и пригодных для законодательной реализации предложений.

Степень разработанности темы исследования. Тема подозрения давно находится в поле зрения отечественной уголовно-процессуальной науки. При этом разные её стороны изучены неравномерно. К вопросам сущности и понятия подозрения обращались Д.В. Власенко, И.С. Дикарев, Р.В. Мазюк, О.С. Морозова, И.А. Пантелеев, С.Б. Россинский, В.А. Семенцов, И.В. Смолькова, Е.В. Сопнева, А.А. Тарасов.

К проблемам статуса подозреваемого, оснований и порядка его приобретения обращались М.З. Абесалашвили, У.Н. Ахмедов, А.В. Калинин, О.В. Петрова, Т.В. Петровский, О.С. Поликарпова, О.А. Чабукиани, С.Д. Шестакова.

Соотношение подозрения и обвинения в связи с реформированием досудебного производства рассматривали А.С. Александров, Б.Я. Гаврилов, М.Ю. Колбеева, А.П. Кругликов, Л.В. Черепанова. В работах Н.С. Мановой и Д.С. Устинова подробно обсуждаются спорные вопросы нормативного выражения обвинения и его связи с другими формами уголовного преследования. Основания подозрения в отдельных аспектах изучали Н.В. Григорьева, А.О. Зайцев, С.Л. Никонович, А.В. Павлов, Л.Г. Татьяна, А.В. Федулов. Вопросы оценки доказательств и пределов доказывания на разных

этапах досудебного производства представлены в трудах А.А. Давлетова, Р.В. Костенко, И.В. Овсянникова, С.С. Скабелина.

Особый пласт – диссертационные работы, прямо посвящённые институту подозрения. В 2011 году Ю.В. Церковным защищена кандидатская диссертация «Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания». Автор сознательно ограничил себя одной формой предварительного расследования, и выводы получились точными, но частными: целостной концепции доказывания подозрения они не образуют. Годом позже появилась работа И.В. Петрова «Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России» – в ней обстоятельно разобраны сущность подозрения и основы процессуального статуса подозреваемого, тогда как предмет, пределы, средства и способы доказывания самостоятельной темой так и не стали. У А.В. Калинин («Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве», 2016 год) центр тяжести смещён на процессуальный порядок и гарантии личности. Гносеологические вопросы – различие вероятностного и достоверного знания, критерии достаточности данных – остались за рамками этой работы. Исследование Т.А. Николаевой 2021 года «Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование» посвящено процессуальному положению преследуемого лица и специально не рассматривает доказывание подозрения. В диссертации И.М. Абазалиева «Проблемы процессуального положения подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве» (2022 год) изучены права, обязанности и гарантии этих участников, но не обоснование подозрения как формы вероятностного знания. Наконец, О.С. Поликарпова в кандидатской диссертации 2025 года «Развитие процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве» сосредоточилась на эволюции и совершенствовании статуса подозреваемого. Доказательственные аспекты формирования и обоснования подозрения в ней также не получили самостоятельного рассмотрения.

Таким образом, несмотря на значительный объём научных работ, посвящённых отдельным аспектам института подозрения – его понятию, процессуальному статусу подозреваемого, соотношению с обвинением, – до настоящего времени не проводилось комплексного монографического исследования, специально посвящённого доказыванию подозрения в единстве его предмета, пределов, средств и способов. Не получили целостного доктринального осмысления гносеологические основания разграничения доказывания подозрения и доказывания обвинения, критерии достаточности данных для формирования обоснованного подозрения, а также нормативные механизмы, обеспечивающие процессуальную легитимность доказывания подозрения. Настоящая работа призвана восполнить указанный пробел.

Цель диссертационного исследования состоит в формировании научно обоснованной концепции доказывания подозрения в российском уголовном процессе, включающей определение его предмета, пределов, средств и способов, а также в разработке теоретических положений и законодательных предложений, направленных на совершенствование нормативного регулирования и правоприменительной практики в области доказывания подозрения.

Достижение поставленной цели предопределило необходимость решения следующих **задач**:

- систематизировать доктринальные подходы к определению понятия и сущности подозрения в уголовном процессе, выявить гносеологический и юридический компоненты его содержания и сформулировать авторскую дефиницию подозрения;
- выявить и проанализировать проблемы нормативного регулирования подозрения в действующем УПК РФ, включая отсутствие легального определения, терминологическую рассогласованность и неопределённость оснований признания лица подозреваемым;
- исследовать соотношение подозрения и обвинения в досудебном производстве с учётом сравнительно-правового анализа зарубежных моделей

уголовного преследования и обосновать концептуальную модель их разграничения;

- раскрыть содержание и структуру предмета доказывания подозрения, определив совокупность обстоятельств, подлежащих установлению для признания подозрения обоснованным;

- установить пределы доказывания подозрения, обосновать эпистемологические критерии достаточности данных для формирования подозрения и их отличие от пределов доказывания обвинения;

- исследовать средства доказывания подозрения, определив соотношение категорий «доказательства» и «достаточные данные» применительно к обоснованию подозрения;

- проанализировать способы доказывания подозрения, включая процессуальные и непроцессуальные формы познавательной деятельности, и определить роль и процессуальное значение результатов оперативно-розыскной деятельности в механизме доказывания подозрения;

- на основе полученных результатов разработать научно обоснованные предложения по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на устранение выявленных нормативных пробелов и противоречий в регулировании доказывания подозрения.

Объектом исследования выступает уголовно-процессуальная деятельность по доказыванию подозрения, а также уголовно-процессуальные отношения, возникающие в связи с формированием, обоснованием и проверкой подозрения в причастности лица к совершению преступления в ходе досудебного производства.

Предметом исследования являются нормы российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие институт подозрения и порядок его доказывания; соответствующие нормы уголовно-процессуального законодательства ряда зарубежных государств англосаксонской и континентальной правовых семей, а также постсоветских государств; правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ; доктринальные

концепции сущности подозрения, предмета, пределов, средств и способов его доказывания; материалы следственной и судебной практики; эмпирические данные, полученные в результате анкетирования.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектический метод познания, позволивший рассмотреть доказывание подозрения как динамическое правовое явление, развивающееся в единстве его гносеологического и юридического компонентов, во взаимосвязи и взаимообусловленности с иными институтами уголовно-процессуального права. Диалектический подход позволил проследить переход от первоначального вероятностного предположения к обоснованному процессуальному решению. На этом же основании исследовано противоречие, которое проходит через весь институт: эффективность уголовного преследования, с одной стороны, и защита прав личности – с другой.

Задачи в таком составе одним методом не решаются – понадобилось сочетание общенаучных и частнонаучных методов.

К анализу и синтезу пришлось обратиться там, где доктринальные подходы к сущности подозрения нуждались в упорядочении. Разрозненные суждения удалось свести к трём направлениям – процессуально-формальному, гносеологическому и интегративному, – а уже на этой основе сформулировать авторское определение, в котором познавательная природа подозрения соединена с его процессуально-правовой формой.

Системно-структурный метод был нужен для другого – увидеть связи между предметом, пределами, средствами и способами доказывания подозрения. Порознь каждый из этих элементов изучался и раньше; вместе, как части одного механизма, – практически нет.

Индукция и дедукция работали навстречу друг другу: от общих положений теории доказывания – к особенностям подозрения и в обратном направлении, от конкретных норм и правоприменительных ситуаций – к обобщениям.

Формально-юридический (догматический) метод применялся при толковании и систематизации норм, регулирующих институт подозрения.

Именно он и обнажил разноречивость формулировок УПК РФ о пределах доказывания подозрения, а заодно показал, что унификация здесь – вопрос правовой определённости.

Историко-правовой метод дал возможность проследить путь института от римского *suspicio* до нынешних процессуальных форм. В этом же контексте исследованы становление советской модели соотношения подозрения и обвинения и её последующее восприятие действующим УПК РФ.

Сравнительно-правовой анализ охватил модели доказывания подозрения и стандарты его обоснования в англосаксонских, континентальных и постсоветских правовых системах. Сопоставление позволило увидеть устойчивые тенденции и определить возможные направления реформирования российского уголовно-процессуального законодательства.

Эпистемологический анализ потребовался для раскрытия природы подозрения как вероятностного знания. С его помощью разграничены вероятное и достоверное знание в уголовно-процессуальном познании и определены критерии достаточности данных для обоснованного подозрения. Здесь есть принципиальный момент: доказывание подозрения отличается от доказывания обвинения прежде всего стандартом знания, лежащим в основе процессуального решения. Поэтому одного нормативного анализа для решения поставленной проблемы недостаточно.

Метод правового моделирования использован при подготовке проекта федерального закона о внесении изменений в УПК РФ, устраняющих выявленные пробелы и противоречия.

Основой конкретно-социологического анализа стало анкетирование следователей и дознавателей по ключевым вопросам доказывания подозрения. Статистический метод применён при обработке и интерпретации полученных данных.

Такое сочетание методов позволило соотнести теоретические выводы с нормативным материалом и эмпирическими данными. За счёт этого выводы получили доктринальное обоснование и практическую проверку.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды в нескольких взаимосвязанных предметных направлениях. Общетеоретическую базу в области уголовно-процессуального доказывания образуют работы Р.В. Костенко, В.А. Лазаревой, В.А. Семенцова, А.В. Смирнова. Проблемы пределов доказывания и соотношения категорий «достаточные данные» и «достаточные доказательства» изучались на основе работ Е.В. Брянской, С.С. Скабелина. Доктринальные подходы к сущности, понятию и процессуальному значению подозрения исследовались на основе изучения трудов Д.В. Власенко, И.С. Дикарева, А.В. Калинкина, О.С. Морозовой, И.А. Пантелеева, И.В. Петрова, О.С. Поликарповой, И.В. Смольковой, Е.В. Сопневой, Ю.В. Церковного; в части процессуальных оснований задержания и задержания подозреваемого – на основе работ С.Б. Россинского. Процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве анализировался путём изучения работ И.М. Абазалиева, М.З. Абесалашвили, Т.А. Николаевой, Л.Г. Татьяниной. Проблематика соотношения подозрения и обвинения, реформирования института предъявления обвинения и преобразования досудебного производства изучалась на основе трудов А.С. Александрова, Б.Я. Гаврилова, А.П. Кругликова, Н.С. Мановой, О.А. Чабукиани, Л.В. Черепановой, С.Д. Шестаковой. При исследовании эпистемологических аспектов доказывания подозрения – разграничении вероятностного и достоверного знания, обосновании дифференцированных стандартов доказывания – наряду с отечественными источниками привлекались зарубежные работы: Т. Mariniello, D. Giannouloupoulos, J. Rozenbergs и других.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют: Конституция Российской Федерации; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»; Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года – в части сравнительно-исторического анализа советской модели соотношения подозрения и обвинения, воспринятой

действующим законодательством; постановления Конституционного Суда Российской Федерации; постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В целях сравнительно-правового анализа исследовалось уголовно-процессуальное законодательство Федеративной Республики Германия (*Strafprozessordnung*), Французской Республики (*Code de procédure pénale*), Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Украины и Республики Грузия. Правовые стандарты обоснованного подозрения в государствах общего права – Великобритании и Соединённых Штатах Америки – анализировались на основе доктринальных источников и прецедентной практики. При этом учитывалось различие двух самостоятельных стандартов: решение Верховного суда США по делу «*Terry v. Ohio*» (1968) раскрывает *reasonable suspicion* как основание кратковременной остановки и поверхностной проверки, тогда как решение по делу «*Illinois v. Gates*» (1983) относится к *probable cause* и утверждает оценку по совокупности обстоятельств (*totality of the circumstances*) взамен двухзвенного теста Aguilar-Spinelli.

Эмпирическую базу диссертационного исследования образуют три взаимодополняющих компонента. Первый компонент – результаты авторского анкетирования 223 практических работников органов предварительного расследования: 79 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 74 следователей органов внутренних дел Российской Федерации и 70 дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации из 13 субъектов Российской Федерации (Республик Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чечня; Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей; Краснодарского и Ставропольского краёв). Анкета-интервью включала восемь вопросов, охватывающих ключевые проблемы исследования. Полученные результаты непосредственно верифицируют теоретические положения диссертации. Второй компонент – результаты изучения 214 уголовных дел (их материалов), рассмотренных судами Южного федерального округа и Северо-Кавказского

федерального округа в период с 2022 по 2025 год. Предметом изучения являлись процессуальные документы, отражающие возникновение и реализацию статуса подозреваемого, а также итоговые судебные решения. Географическая база охватывает 14 субъектов Российской Федерации в составе двух федеральных округов: ЮФО (Краснодарский край; Ростовская, Волгоградская, Астраханская области; Республики Адыгея, Калмыкия, Крым) и СКФО (Ставропольский край; Республики Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чечня, Ингушетия). Изучение дел проводилось по специально разработанной карточке с использованием восьми критериев классификации. Полученные данные содержат прямые практические свидетельства системных дефектов, выявленных в диссертационном исследовании. Третий компонент – судебно-практические материалы: опубликованная практика Верховного Суда РФ, включая Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ; кассационные и апелляционные постановления и определения судов общей юрисдикции различных уровней по вопросам обоснованности подозрения, законности задержания, применения мер пресечения и проверки законности процессуальных решений, принятых на основании подозрения; обзоры судебной практики по указанной проблематике.

Научная новизна диссертации определяется тем, что она представляет собой одно из первых в отечественной уголовно-процессуальной науке комплексное монографическое исследование, специально посвящённое доказыванию подозрения в российском уголовном процессе. В диссертации впервые:

- сформирована целостная концепция доказывания подозрения, охватывающая его предмет, пределы, средства и способы в их системном единстве;
- на доктринальном уровне осуществлено последовательное разграничение доказывания подозрения и доказывания обвинения на основании

эпистемологических критериев – различия между вероятностным и достоверным знанием в структуре уголовно-процессуального познания;

- разработана авторская дефиниция подозрения, интегрирующая гносеологический и юридический компоненты его сущности;

- выявлены, систематизированы и представлены в единой классификации нормативные пробелы и противоречия в регулировании института подозрения в действующем УПК РФ;

- разработана концептуальная модель реформирования досудебного производства и согласованный комплекс законодательных предложений, охватывающий понятие подозрения, гарантии подозреваемого, основания признания лица подозреваемым и обвиняемым, а также момент формулирования обвинения.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Сформулирована двухкомпонентная концепция сущности подозрения в уголовном процессе. Гносеологический компонент – вероятностное суждение о причастности лица к преступлению; юридический – процессуально-правовая форма существования подозрения с её требованиями законности, подконтрольности, предварительной квалификации деяния и обеспечения прав подозреваемого. Ценность такого разграничения не только в аналитической ясности. Пока каждый из сложившихся подходов улавливал лишь одну сторону явления, целостной картины не складывалось; соединение обоих компонентов в одной конструкции даёт единое методологическое основание для системного исследования механизма доказывания подозрения.

2. Предложено авторское определение: подозрение есть основанное на достаточных данных предварительное предположение управомоченного субъекта уголовного преследования о возможной причастности конкретного лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом, выраженное в предусмотренной законом процессуальной форме и подлежащее проверке в ходе дальнейшего производства по уголовному делу. Отсюда и предложение дополнить ст. 5 УПК РФ легальной дефиницией подозрения как предположения

о возможной причастности определённого лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом. Ключевое слово в этой конструкции – «причастность». Именно оно выполняет системообразующую функцию, связывая общие сведения о преступлении с подозрением, уже обращённым к конкретному лицу.

3. Предлагается дополнить п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ указанием на защиту личности от незаконного и необоснованного подозрения. Основанием служит нормативная асимметрия, которая обнаруживается при первом же сопоставлении норм. Подозрение влечёт задержание, применение меры пресечения, производство следственных действий, ограничивающих конституционные права, – а среди интересов, охраняемых назначением уголовного судопроизводства, не названо. Обвинение названо, подозрение – нет, хотя по правоограничительным последствиям они вполне сопоставимы.

4. Соотношение подозрения и обвинения предлагается выстраивать на последовательном разграничении этих форм. Пока идёт предварительное расследование, единственной формой уголовного преследования остаётся подозрение. Обвинение появляется только на выходе – в итоговом процессуальном документе. Доказано, что действующая редакция ст. 100 УПК РФ содержит методологическую ошибку, при которой процессуальные сроки применения мер пресечения определяют момент возникновения материальных оснований обвинения вместо того, чтобы самим определяться ими. На этом основании предложено признать утратившими силу ст. 171-175 УПК РФ, изложить ч. 1 ст. 47 УПК РФ в новой редакции с единственным основанием признания лица обвиняемым и согласовать с предлагаемой моделью ст. 100 и ч. 3 ст. 224 УПК РФ.

5. Предлагается авторская конструкция предмета доказывания подозрения как совокупности четырёх групп обстоятельств: связанных с событием преступления; указывающих на причастность конкретного лица к преступлению; характеризующих личность подозреваемого; определяющих характер и размер причинённого вреда. Установлено, что обстоятельства

причастности, составляющие центральный элемент данного предмета, принципиально отличаются от обстоятельств виновности – центрального элемента предмета доказывания обвинения. Группа обстоятельств причастности включает минимально необходимые для предварительной квалификации сведения о форме вины, а мотив и цель – при наличии у них юридического значения для оценки роли лица; окончательный вывод о виновности на данном этапе не формулируется. Выявлена концептуальная ошибка п. 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ, необоснованно исключающего из предмета доказывания подозрения обстоятельства субъективной стороны преступления.

6. Определяются пределы доказывания подозрения как вероятностный эпистемологический стандарт, качественно отличный от достоверного стандарта, требуемого для доказывания обвинения. При этом установлена терминологическая рассогласованность формул, обозначающих обоснованность подозрения (ч. 2 ст. 140, ст. 91, ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ), и обосновано, что «достаточные основания полагать» в ч. 1 ст. 97 УПК РФ относятся к прогностической оценке рисков поведения и самостоятельным стандартом доказанности причастности не выступают. Предложено введение в ст. 5 УПК РФ единого понятия «обоснованные предположения для подозрения», унифицирующего общий критерий обоснованности подозрения без устранения специальных условий отдельных процессуальных решений.

7. Обосновывается, что средствами доказывания подозрения выступают достаточные данные – самостоятельная и более широкая по объёму категория, охватывающая в том числе сведения, отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам, но к ним не сводимая. Методологически некорректным признано обратное: требование доказательств как обязательного и единственного средства обоснования подозрения, поскольку оно распространяет эпистемологический стандарт доказывания обвинения на качественно иную форму уголовного преследования. Вывод этот получен не умозрительно: он вытекает из системного толкования ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 140, ст. 91, 97, 223.1 УПК РФ.

8. Предлагается закрепить в УПК РФ институт негласных следственных действий – как процессуально урегулированный способ доказывания подозрения. Такой шаг снимает противоречие между познавательными потребностями досудебного производства и действующей моделью использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Сравнение право порядков склоняет к инкорпорационной постсоветской модели: она выглядит предпочтительнее интегративной англо-американской.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что предложенные в работе конструкции и выводы развивают положения науки уголовно-процессуального права по нескольким направлениям.

Начать стоит с двухкомпонентной концепции: подозрение раскрывается в ней через взаимосвязь гносеологического и юридического начал. Разрозненность доктринальных подходов при таком угле зрения перестаёт быть препятствием, и институт можно исследовать последовательно, а не по частям. На той же основе выстроено авторское определение подозрения, соединившее его познавательную природу с процессуально-правовой формой; прежним научным дефинициям как раз этого соединения и недоставало.

Ещё одно приращение относится к общей теории доказывания. Предмет доказывания подозрения рассмотрен самостоятельно – и с предметом доказывания обвинения, закреплённым в ст. 73 УПК РФ, он, как выяснилось, не совпадает. В центре первого стоят обстоятельства причастности, в центре второго – обстоятельства виновности. Различие здесь не терминологическое: именно оно объясняет, почему формы уголовного преследования на досудебном производстве качественно не равны друг другу.

Концепция пределов доказывания подозрения, построенная на эпистемологическом разграничении вероятностного и достоверного знания, развивает учение о стандартах доказывания применительно к различным этапам уголовно-процессуального познания. Обоснование достаточных данных как самостоятельной и более широкой по объёму категории средств доказывания

подозрения дополняет теорию доказательств положением о дифференциации средств доказывания в зависимости от эпистемологического стандарта принимаемого уголовно-процессуального решения.

Выводы о соотношении подозрения и обвинения, основанные на анализе модальных характеристик данных форм уголовного преследования и верифицированные сравнительно-правовым исследованием зарубежных правовых порядков, обогащают теорию уголовного преследования и могут послужить доктринальной основой для концептуального реформирования отечественного досудебного производства. Разграничение процессуальных и непроцессуальных способов доказывания подозрения, а также вывод о необходимости включить негласные следственные действия в УПК РФ уточняют научные представления о соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Есть и методологический результат. Эпистемологический анализ позволил рассмотреть уголовно-процессуальные решения, принимаемые при неполном знании, с позиции различия вероятностного и достоверного выводов. Для проблематики, которая десятилетиями осваивалась почти исключительно нормативно-догматическими средствами, такой ракурс открывает дополнительные аналитические возможности.

Полученные выводы пригодны для дальнейшей работы – по теории доказывания и уголовного преследования, по процессуальному статусу участников досудебного производства, по сравнительному уголовно-процессуальному праву.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что выводы и предложения работы адресованы вполне конкретным затруднениям – нормативным и правоприменительным, – с которыми доказывание подозрения сталкивается изо дня в день.

Для законотворчества главный результат – подготовленный проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Он составлен в виде готового законодательного

текста и может быть использован при подготовке инициатив, направленных на совершенствование досудебного производства.

Следователю и дознавателю работа предлагает критерии обоснованности подозрения в развёрнутом виде: перечень обстоятельств, образующих предмет доказывания подозрения; разграничение достаточных данных и уголовно-процессуальных доказательств как средств доказывания соответственно подозрения и обвинения; характеристику процессуальных и непроцессуальных способов такого доказывания. Четыре типовые ситуации – возбуждение уголовного дела, задержание, избрание меры пресечения, составление уведомления о подозрении – при опоре на эти критерии обосновываются единообразнее, чем сейчас.

Суду результаты исследования нужны прежде всего там, где проверяются законность и обоснованность мер уголовно-процессуального принуждения. Ходатайства о заключении под стражу – случай наиболее очевидный: без вывода об обоснованности подозрения такое решение попросту не может состояться.

В научной и образовательной работе материалы диссертации ложатся в курсы «Уголовный процесс» и «Доказательства и доказывание в уголовном процессе». Годятся они и для учебных и методических пособий, и для программ повышения квалификации следователей и дознавателей.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается тремя группами факторов, которые дополняют друг друга: методологией, источниковой базой и способами проверки полученных выводов.

Методологическая сторона держится на том, что методы подобраны под предмет, цель и задачи исследования, а не набраны для полноты перечня. Системно-структурный метод удержал концепцию доказывания подозрения как целое; формально-юридический отвечал за точность толкования нормативного материала; сравнительно-правовой позволил проверить авторские положения на материале восьми зарубежных правопорядков; конкретно-социологический и статистический – обработать и истолковать эмпирические данные.

Источниковая база – 229 наименований: монографии, диссертационные исследования, научные статьи отечественных и зарубежных авторов, нормативные правовые акты, акты судебного толкования, материалы правоприменительной практики. Доктринальный охват при таком составе достаточен для выводов, на которые работа претендует.

Эмпирическая база репрезентативна благодаря своей трёхчастной структуре – и параметрам каждой из частей в отдельности.

Проверка теоретических выводов шла на трёх уровнях. Доктринальный: авторские концепции сопоставлялись с существующими научными подходами, причём фиксировались и точки расхождения, и то, чем каждое расхождение обосновано. Нормативный: сверка проведена по действующему уголовно-процессуальному законодательству и правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Эмпирический: ключевые выводы сопоставлены с двумя независимыми массивами данных – результатами анкетирования и материалами изученных уголовных дел. Отдельно следует отметить одно совпадение. Законодательные предложения работы совпали с направлениями реформирования уголовно-процессуального законодательства, которые обнаружились при сравнительно-правовом анализе; схождение независимых линий рассуждения – дополнительный аргумент в пользу их обоснованности.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета. Результаты исследования докладывались на международных и всероссийских научно-практических конференциях: «Исследование и практика в социально-экономической и гуманитарной сфере» (Санкт-Петербург, 2023 г.); «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности» (Краснодар, 2024 г.); «Современные научные подходы в фундаментальных и прикладных исследованиях» (Санкт-Петербург, 2024 г.). По теме диссертации

опубликовано 10 научных работ, из которых 7 – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Результаты исследования внедрены в практическую деятельность правоохранительных органов и в учебный процесс образовательной организации, что подтверждается соответствующими актами о внедрении.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, объединяющих семь параграфов, заключения, библиографического списка использованных источников и четырёх приложений. Четыре приложения содержат проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», анкету-интервью, обобщённые результаты анкетирования и результаты изучения уголовных дел (материалов уголовных дел).

Глава 1. Подозрение в современном российском уголовном процессе: сущность, понятие, проблемы нормативного регулирования, соотношение с обвинением

1.1. Доктринальные подходы к определению сущности и понятия подозрения

На первый взгляд, категория подозрения в российском уголовном процессе не должна вызывать серьёзных разночтений: на практике к ней обращаются постоянно, а статус подозреваемого ежегодно приобретают сотни тысяч лиц. И всё же именно с определением сущности подозрения возникают трудности. Научные дефиниции расходятся, порой довольно заметно, поскольку исследователи выдвигают на первый план разные стороны этого многогранного явления. Поэтому спор имеет не только академическое значение. От выбранного понимания подозрения напрямую зависят решения правоприменителя и реальность гарантий участников уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, значение исследования сущности и понятия подозрения удобнее рассматривать в трёх взаимосвязанных плоскостях. Первая – теоретическая: без целостного представления об этой правовой категории трудно выработать единые критерии обоснованности подозрения и уверенно отграничить его от смежных институтов. Вторая плоскость – законодательная. Сохраняющаяся нормативная неопределённость допускает разное толкование одних и тех же положений, а вслед за этим возникают и правоприменительные ошибки. Наконец, есть практическая сторона вопроса – поиск разумного баланса между эффективностью уголовного преследования и гарантиями прав подозреваемого.

Начать стоит с самого слова «подозрение»: его происхождение уже указывает на познавательную природу рассматриваемого явления. Латинский глагол *suspicere*, образованный от *sub* («под») и *specere* («смотреть»), буквально означает «пристально рассматривать». Иными словами, в самой семантике

термина заложена не готовая оценка, а исследовательская работа – внимательное и критическое осмысление доказательственных данных.

История института подозрения была долгой и далеко не линейной; в ней хорошо видны общие изменения самого уголовного процесса. В римской правовой традиции *suspicio* служила исходной предпосылкой разбирательства, но самостоятельным процессуальным институтом ещё не являлась. Ни формализованных критериев, ни специальных гарантий та эпоха не знала. Для магистрата подозрение было практическим поводом начать преследование – не более того; мерилom служили привычные тогдашние представления о *crimen* как преступлении и *poena* как наказании.

Средневековье сместило акценты. С распространением инквизиционной модели процесса в континентальной Европе значение приобрела не проверяемая вероятность причастности лица, а сама возможность применить властное принуждение – по доносу, слуху, любому неполному сообщению о преступлении. Граница между предварительным предположением и выводом о виновности стиралась почти незаметно. Допрос, в том числе под пыткой, считался законным путём к истине. Что до процессуальных гарантий заподозренного лица, их либо не существовало вовсе, либо они были урезаны настолько, что говорить о них всерьёз не приходится.

Просвещение эту логику переломило – не сразу, но необратимо. Идеи правового государства, равенства перед законом и неприкосновенности личности потребовали развести три вещи, прежде сливавшиеся воедино: подозрение, обвинение и судебное установление виновности. Самодостаточным основанием для репрессии подозрение быть перестало. За ним закрепилось иное значение – начального процессуального вывода, который ещё предстоит проверить в установленной законом форме.

XIX и XX века закрепляли гарантии подозреваемых и обвиняемых всё отчётливее – и в романо-германской традиции, и в англосаксонской. Само подозрение к этому времени понимается как предварительный вывод о связи

лица с преступлением: вывод значимый, но не последний. Расследование должно его либо подтвердить, либо снять.

Если охватить эту историю одним взглядом, видна устойчивая линия: право училось различать степени процессуальной уверенности в причастности лица к преступлению. Подозрение переставало быть простым орудием репрессивного преследования и превращалось в институт, где эффективность правосудия обязана уживаться с защитой личности. Думается, именно в этой перемене яснее всего проступает общий переход от инквизиционной модели уголовного процесса к состязательной.

Современная российская доктрина единого понимания сущности и понятия подозрения не даёт, и это, если разобраться, закономерно: в самом феномене сплетены гносеологическая, процессуальная и правозащитная стороны, а исследователь неизбежно берёт за основу какую-то одну. Отсюда и способ разбора, который представляется наиболее продуктивным: сгруппировать научные позиции по признаку, оказавшемуся в каждой из них доминирующим.

Первую группу образуют концепции, где на первом плане стоит *процессуально-формальный аспект* подозрения. И.А. Пантелеев, например, характеризует подозрение как утверждение, сформулированное в постановлении соответствующего органа уголовного преследования, о предполагаемой причастности лица к совершению преступления при недостаточности доказательств для предъявления обвинения¹. Сильная сторона такого взгляда – акцент на формализованности подозрения и его процессуальной определённости: перед нами не интуитивная догадка, а процессуальный акт, связанный установленными законом процедурами. Но за этот акцент приходится платить. Сведённое к одной лишь форме, подозрение теряет познавательную природу, и вопрос о том, какие данные и в каком объёме нужны для его

¹ Пантелеев И.А. Подозрение в уголовном процессе России: учеб. пособие. Екатеринбург, 2001. С. 38.

формирования, остаётся без ответа. Риск формализма при этом вполне осязаем: документ безупречен, а фактического обоснования за ним нет.

Рядом стоит позиция Ю.В. Церковного: подозрение он определяет как аргументированное заявление органа предварительного расследования о вероятной причастности лица к деянию, содержащему признаки преступления¹. Слово «аргументированное» определение заметно усиливает. Другое дело, что мера аргументированности так и не названа: сколько доводов считать достаточными, из определения не следует.

Е.В. Сопнева тоже связывает подозрение с аргументированным предположением, получившим закрепление в процессуальном акте². У всей этой группы, как представляется, одна общая слабость: формальная сторона прописана ясно, а содержательные критерии обоснованности подозрения остаются в тени.

Вторая группа концепций повёрнута к *гносеологическому содержанию* подозрения. Д.В. Власенко называет его гипотезой следователя или дознавателя о потенциальной виновности лица, возникающей при решении вопроса о возбуждении уголовного дела либо уже в ходе расследования³. Достоинство здесь очевидно: видна познавательная и заведомо предварительная природа подозрения – гипотезу ещё предстоит проверить. Смущает, впрочем, сам термин. В строгом гносеологическом значении гипотеза есть научное предположение, которое вполне может быть выдвинуто без непосредственной опоры на эмпирический материал. На наш взгляд, применительно к уголовному процессу более корректно говорить об обоснованном предположении, императивно требующем наличия сведений доказательственного характера. Различие

¹ Церковный Ю.В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Церковный Юрий Викторович. М., 2011. С. 9.

² Сопнева Е.В. Назначение подозрения в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 207.

³ Власенко Д.В. Основания признания лица подозреваемым в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Власенко Денис Владимирович. Ставрополь, 2008. С. 7.

принципиально: умозрительная гипотеза недопустима в качестве основания подозрения, тогда как обоснованное предположение базируется на конкретной процессуальной информации.

Сходную позицию занимают А. Давлетов и И. Ретюнских, описывающие подозрение как «недозревшее» обвинение – вероятностный вывод о причастности лица к преступлению¹. Следует признать, что данная метафора удачно отражает динамический характер подозрения и его место в структуре уголовного преследования; вместе с тем остаётся открытым вопрос о критериях разграничения «недозревшего» и «созревшего» состояния, иными словами – о моменте перехода подозрения в обвинение.

Л.Г. Татьяна и К.Г. Бычкова рассматривают подозрение как деятельность органов предварительного расследования по определению причастности лица к преступлению, исходя из гипотезы о его возможном участии². Здесь, однако, возникает методологическая трудность. Установление причастности – процесс; подозрение как вывод о причастности – его результат. Отождествлять одно с другим едва ли оправданно. Тем убедительнее выглядят предложения чётче регламентировать и требования к обоснованности подозрения, и механизмы защиты прав подозреваемого при осуществлении уголовного преследования³.

Третью группу составляют концепции, нацеленные на *синтез процессуальных и гносеологических характеристик* подозрения. Показательна позиция И.В. Петрова: подозрение для него – сложное правовое явление, в структуре которого выделено сразу несколько связанных аспектов. Познавательный передаёт вероятностную природу подозрения; субъективный отражает оценочную деятельность следователя или дознавателя;

¹ Давлетов А., Ретюнских И. Подозрение и подозреваемый в современном уголовном процессе России // Уголовное право. 2008. № 6. С. 41, 43.

² Татьяна Л.Г., Бычкова К.Г. Место подозрения в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) // Вестник ОГУ. 2008. № 83. С. 22.

³ См.: Чабукиани О.А., Захарцев С.И. Защищены ли права и законные интересы подозреваемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве? // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 12. С. 103-110.

процессуальный требует установленного законом оформления; динамический предполагает дальнейшую проверку¹. Выигрыш очевиден – подозрение не сведено к одному формальному признаку. И всё же главный практический вопрос повисает: какие данные достаточны для возникновения подозрения и каким образом проверять его обоснованность.

У И.С. Дикарева подозрение – предположение о причастности лица к запрещённому уголовным законом деянию, основанное на надлежащих исходных сведениях и выдвинутое в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством². В одной формуле сведены два принципиальных требования: фактическая обоснованность и процессуальная легитимность. Ценно и обращение к качеству исходных данных – подозрение тем самым привязано к реальным обстоятельствам уголовного дела, а не к общему впечатлению следователя. Здесь есть один нюанс. Что считать надлежащими, или адекватными, данными, определение не поясняет; между тем критерии их оценки должны быть понятными, объективными и – это, пожалуй, главное – проверяемыми.

О.С. Морозова видит в подозрении процессуально оформленный вывод должностных лиц органов предварительного расследования, подтверждающий гипотезу о причастности лица к преступлению³. Перенос внимания на результат познавательной деятельности правоприменителя для анализа полезен. Другое дело, что «подтверждающий» звучит чересчур твёрдо. Причастность подозрением окончательно не устанавливается – оно лишь создаёт достаточную фактическую основу для того, чтобы возможную связь лица с преступлением проверять дальше. Итоговый вывод о виновности принадлежит уже доказыванию обвинения.

¹ Петров И.В. Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 9. С. 136.

² Дикарев И.С. Подозрение в уголовном процессе // Законность. 2013. № 8 (946). С. 20.

³ Морозова О.С. Подозрение в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сб. науч. ст. по итогам работы одиннадцатого круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 29- 30 ноября 2020 г. Т. Ч 1. Шахты: ООО "КОНВЕРТ", 2020. С. 169.

Рассмотренные позиции, при всём их несходстве, дают несколько общих признаков подозрения. *Во-первых*, это предварительное предположение о возможной причастности лица к преступлению, а не утверждение о виновности, каким выступает обвинение. *Во-вторых*, у подозрения обязана быть фактическая основа. Интуиции или отвлечённой версии тут мало: нужны сведения, которых достаточно, чтобы начать уголовное преследование, хотя полной доказательственной базы обвинения на этом этапе ещё нет. *В-третьих*, юридическое значение появляется только после надлежащего процессуального оформления – именно соответствующий акт задаёт и статус лица, и пределы последующей проверки. *В-четвёртых*, подозрение динамично по своей природе, а потому подлежит проверке в дальнейшем производстве по уголовному делу¹.

Казалось бы, итог очевиден: подозрение – сложный и многоаспектный правовой феномен. Беда в том, что каждый исследователь берёт преимущественно одну его грань, и целостная картина рассыпается на фрагменты. Собрать её заново позволяет, как думается, только интегративная концепция – та, что удерживает гносеологическую и юридическую природу подозрения одновременно.

Сущность подозрения раскрывается через два тесно связанных измерения – познавательное и юридическое. Первое показывает вероятностный характер сведений о возможной связи лица с преступлением. Второе отвечает на совсем иной вопрос: каким образом это предположение обретает процессуальное значение? Порог ни одно из них не работает. Фактическая версия нуждается в предусмотренной законом форме; процессуальный акт, в свою очередь, пуст без содержательной фактической основы.

Гносеологическая сторона подозрения – это прежде всего работа с информацией. Уполномоченный субъект уголовного преследования оценивает и

¹ См.: Гаджиев И.А. Некоторые современные научные подходы к сущности подозрения в отечественной уголовно-процессуальной доктрине // Исследования и практика в социально-экономической и гуманитарной сфере: сб. ст. XX Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, 14 июня 2023 года. СПб.: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦРАЗВИТИЕ», 2023. С. 45-47.

истолковывает процессуально значимые сведения, чтобы прийти к вероятностному суждению о причастности конкретного лица к преступлению. Следователь или дознаватель сопоставляет факты, нащупывает связи между ними, проверяет их достоверность и относимость к предмету доказывания. Подозрение и есть промежуточный итог такой работы – шаг, предшествующий формированию обвинительного тезиса.

Ключевая черта подозрения – его вероятностная природа, и это едва ли нуждается в оговорках. Достоверного вывода о виновности здесь нет; есть предварительное предположение о связи лица с преступлением, опирающееся на сведения доказательственного характера. При этом исходная информация уже должна быть объективной и проверяемой. До уровня подтверждённости, необходимого для предъявления обвинения, она, впрочем, пока не доходит. Отсюда и неизбежная неопределённость подозрения: устранить её способна только последующая проверка.

Вероятностная природа подозрения непосредственно связана с презумпцией невиновности. Сам факт возникновения подозрения не лишает лицо статуса невиновного: виновность должна быть доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Поэтому подозрение нельзя подменять выводом о виновности. Оно лишь указывает на данные, которые ещё предстоит проверить в условиях справедливого судебного разбирательства. Окончательное решение принимает суд после всестороннего исследования доказательств с соблюдением состязательности и непосредственности. При этом значим и более широкий вопрос – как создать процессуальные условия, побуждающие участников производства давать правдивые показания. О.А. Чабукиани справедливо отмечает, что содействие раскрытию и расследованию преступления должно поощряться государством независимо от процессуального статуса лица,

поскольку это расширяет возможности установления фактических обстоятельств дела¹.

Другое дело, что одной вероятности для подозрения недостаточно. Оно должно быть обоснованным и не может возникать из произвольного предположения, субъективной интуиции должностного лица или случайного совпадения отдельных обстоятельств. Требуются конкретные доказательственные данные, указывающие на возможную причастность лица к преступлению: процессуально допустимые, относящиеся к расследуемому событию и достаточные для предварительного, но проверяемого вывода. Обоснованность в этом контексте – не отвлечённое требование, а практическая гарантия. Она мешает втянуть человека в уголовное преследование произвольно и удерживает равновесие между задачами преследования и защитой прав личности.

Неизменным подозрение не бывает: новые данные его меняют. По ходу расследования первоначальный вывод конкретизируется, уточняется, а случается – отпадает вовсе. Дополнительные доказательства могут его усилить и вывести к обвинению; с тем же успехом они способны его опровергнуть, и тогда уголовное преследование прекращается. Это закономерно. Познание в уголовном процессе складывается постепенно: сведения собираются, проверяются и сопоставляются, поэтому оценка причастности лица также меняется вместе с доказательственной картиной дела.

Выдвижение подозрения требует критической оценки доказательственной информации. Прежде чем предпринимать процессуальные действия, затрагивающие права лица, следователь (дознатель) обязан проверить обоснованность своих предположений, руководствуясь гносеологическим принципом методического сомнения: ни одно предположение не является окончательным, любое может быть пересмотрено при появлении новых данных.

¹ См.: Чабукиани О.А. Поощрение правдивых показаний участников уголовного судопроизводства // Поощрение как метод уголовно-процессуального регулирования: сб. материалов Всеросс. кругл. стола с междунар. участием, Санкт-Петербург, 04 февраля 2023 года. СПб.: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2023. С. 158-164.

Соответственно, задача следователя (дознателя) не сводится к поиску подтверждений выдвинутой версии – напротив, он обязан активно выявлять факты, способные опровергнуть подозрение, что является единственным способом обеспечить действительную объективность расследования и избежать обвинительного уклона.

Субъективность подозрения проявляется в том, что оно формируется конкретным должностным лицом органа уголовного преследования на основе его оценки имеющихся данных: при одной и той же совокупности фактов различные следователи (дознатели) могут прийти к неодинаковым выводам о наличии или отсутствии оснований для подозрения. Вместе с тем эта субъективность ограничена объективными критериями обоснованности и требованием процессуального оформления, что создаёт возможность проверки правильности сформулированного подозрения.

Подозрение по своей природе предварительно: оно предшествует формальному обвинению и обозначает переход от расследования события как такового к уголовному преследованию конкретного лица. Отсюда вытекает и его временный характер. Подозрение либо перерастает в обвинение, когда собрана достаточная совокупность доказательств, либо отпадает, если первоначальная версия не подтверждается. На наш взгляд, ограничение этого состояния во времени связано с самой функцией подозрения. Уголовно-процессуальный закон устанавливает срок, в течение которого оно должно быть конкретизировано в обвинении или отвергнуто; такая темпоральная определённость не позволяет надолго оставлять человека в состоянии правовой неопределённости.

Юридическая сторона подозрения раскрывается через его процессуально-правовую форму. Познавательное предположение приобретает правовое значение лишь тогда, когда сформировано и оформлено по правилам УПК РФ. Здесь, однако, речь идёт не об одной формальности, а о нескольких взаимосвязанных элементах, каждый из которых характеризует правовую природу подозрения.

Во-первых, подозрение должно быть законным, то есть соответствовать материальным и процессуальным нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сформулировать его можно только применительно к деянию, в котором усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Процессуальная сторона весит не меньше: порядок возбуждения уголовного дела, проведения следственных действий и документирования полученных сведений должен быть соблюден. Отступление от этих требований бьёт по законности подозрения и делает недопустимыми доказательства, на нём основанные.

Во-вторых, подозрение должно оставаться подконтрольным, и проверка здесь многоступенчата. Первый фильтр – руководитель следственного органа либо начальник подразделения дознания: он оценивает законность и обоснованность решения о выдвижении подозрения. Второй – прокурорский надзор, где предметом становится не одна лишь процедура, но и действительная обоснованность мер принуждения: хватает ли данных для задержания, соразмерна ли избранная мера пресечения тяжести предполагаемого деяния. Третий – суд, куда действия следователя или дознавателя могут быть обжалованы. Когда речь идёт о мерах пресечения, связанных с лишением свободы, судебный контроль оказывается последним рубежом защиты от незаконного или необоснованного уголовного преследования.

В-третьих, юридическое содержание подозрения включает предварительную уголовно-правовую квалификацию. Уже на начальном этапе нужно понять, признаки какого состава преступления усматриваются в деянии. Окончательной такая квалификация, разумеется, не является: она опирается на первоначальные сведения и меняется по мере того, как фактические обстоятельства прикладываются к уголовно-правовой норме. Практический вес её тем не менее велик – ею определяются направление проверки, круг устанавливаемых обстоятельств, а порой и подследственность уголовного дела.

В-четвёртых, юридическое значение подозрение приобретает лишь после надлежащего процессуального оформления. Казалось бы, чистая формальность

– но именно документ переводит предварительное предположение в разряд процессуальных фактов. Статус подозреваемого УПК РФ связывает с возбуждением уголовного дела в отношении конкретного лица, задержанием по правилам ст. 91-92 УПК РФ, избранием меры пресечения до предъявления обвинения либо направлением уведомления о подозрении в совершении преступления. У каждой из этих ситуаций свой документ: постановление о возбуждении уголовного дела, протокол задержания, постановление об избрании меры пресечения, уведомление о подозрении.

Процессуальное оформление решает сразу несколько задач. Прежде всего, оно официально сообщает лицу о возникшем подозрении и определяет его процессуальный статус. Одновременно документ фиксирует фактические и юридические пределы дальнейшего уголовного преследования. И, что особенно важно, надлежащее оформление создаёт основу для реализации права на защиту, ознакомления с материалами уголовного дела и обжалования действий и решений органов расследования. Наконец, документальная фиксация подозрения позволяет осуществлять контроль за законностью и обоснованностью уголовного преследования, создавая возможность проверки соответствия фактических обстоятельств уголовного дела формулировке подозрения. Когда процессуальный документ составлен формально или небрежно, страдает не только бюрократическая корректность: в частности, сторона защиты лишается возможности эффективно оспаривать подозрение, если из процессуального документа неясны его фактические основания; подозреваемый не понимает, что именно ему инкриминируется; следователь или дознаватель, привыкший к шаблонным формулировкам, рискует упустить значимые обстоятельства. Так небрежность в оформлении порождает содержательные ошибки в расследовании.

В-пятых, юридическая природа подозрения неразрывно связана с гарантиями защиты лица, вовлечённого в уголовное преследование. Статус подозреваемого порождает комплекс процессуальных прав: знать содержание подозрения, давать объяснения и показания, пользоваться помощью защитника,

представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, а также обжаловать решения и действия органов расследования. Именно эти гарантии позволяют подозреваемому участвовать в проверке версии обвинения и снижают риск следственной ошибки.

Вместе с тем анализ действующего уголовно-процессуального законодательства выявляет существенный пробел в нормативном закреплении назначения уголовного судопроизводства. В п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ к назначению уголовного судопроизводства отнесена защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. При этом о защите от незаконного и необоснованного подозрения законодатель не говорит. Такая асимметрия, на наш взгляд, концептуально не оправдана.

Правовые последствия подозрения весьма серьёзны и по своей значимости сопоставимы с последствиями обвинения. Речь идёт о задержании на срок до сорока восьми часов, применении меры пресечения – вплоть до заключения под стражу, производстве обыска, выемки, освидетельствования и других следственных действий, ограничивающих конституционные права. Этим дело не исчерпывается. Добавляются репутационные издержки: сведения о возбуждении уголовного дела или задержании нередко становятся публичными. Да и само по себе долгое пребывание в статусе подозреваемого действует на человека тяжело.

При этом степень подтверждённости сведений на этапе подозрения объективно ниже, чем при предъявлении обвинения. Обвинение опирается на совокупность доказательств, позволяющую утверждать: преступление совершено конкретным лицом. Подозрение говорит лишь о вероятной связи лица с деянием. Отсюда и вывод: защита от необоснованного подозрения должна существовать как самостоятельная гарантия, прямо вытекающая из конституционных положений о свободе, личной неприкосновенности и судебной защите.

Закрепление защиты от незаконного и необоснованного подозрения в назначении уголовного судопроизводства имело бы смысл вполне практический, а не декларативный. *Во-первых*, органы расследования обрели бы прямой

ориентир: подозрение, выдвинутое при недостатке данных или с нарушением процедуры, недопустимо. *Во-вторых*, правоприменитель получил бы более ясный критерий оценки обоснованности подозрения, а позиция защиты стала бы сильнее: при обжаловании можно было бы ссылаться не только на отдельные нормы УПК РФ, но и на назначение уголовного судопроизводства в целом. В связи с изложенным представляется целесообразным дополнить п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ указанием на защиту личности от незаконного и необоснованного подозрения¹.

Процессуальный статус подозреваемого охватывает права, обязанности и законные интересы лица, в отношении которого оформлено подозрение. Он возникает после принятия одного из решений, указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, и прекращается при предъявлении обвинения, прекращении уголовного преследования либо истечении установленных законом сроков. Специфика такого положения состоит в сочетании защитных возможностей с ограничениями, связанными с применением мер процессуального принуждения.

В связи с этим оформленное подозрение способно повлечь последующие процессуальные действия и решения: допрос, очную ставку, предъявление для опознания, проверку показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования, применение мер пресечения до предъявления обвинения, арест имущества или временное отстранение от должности. Стоит совершить любое из них без надлежащей фактической и процессуальной основы подозрения – и возникает риск: сами действия признают незаконными, а полученные результаты – недопустимыми доказательствами.

Гносеологический и юридический компоненты подозрения, стало быть, друг от друга неотделимы. Познавательная работа следователя (дознателя) – анализ данных, построение версий, оценка причастности лица – наполняет подозрение конкретным содержанием, однако вся эта мыслительная работа юридически нейтральна до момента процессуального оформления. Верно и

¹ См.: Приложение № 1.

обратное: безусловно составленное постановление о возбуждении уголовного дела ничего не стоит, если подозрение выдвинуто произвольно, без анализа признаков совершённого преступления. Форма без содержания – пустая оболочка; содержание без формы не порождает правовых последствий. Полноценный процессуальный институт, в котором познавательная обоснованность соединена с правовыми гарантиями, возникает только на их стыке. Разрыв даёт один из двух дефектов: либо необоснованное подозрение, облечённое в процессуально корректные документы, либо обоснованное предположение, оставшееся без надлежащей процессуальной формы и потому юридически бессильное.

С учётом сказанного подозрение в уголовном процессе можно определить как основанное на достаточных данных предварительное предположение уполномоченного субъекта уголовного преследования о связи конкретного лица с преступлением, выраженное в предусмотренной законом процессуальной форме и подлежащее последующей проверке. Формула эта, как представляется, удерживает обе стороны института – познавательную и юридическую – и потому годится в качестве рабочего инструмента при дальнейшем анализе: нормативного регулирования подозрения, его соотношения с обвинением, предмета и пределов доказывания.

Теория здесь имеет вполне ощутимый практический выход. Познавательная природа подозрения обязывает органы расследования разбирать данные внимательно – до того, как подозрение выдвинуто. Юридическое значение процессуальной формы требует держаться установленной процедуры и обеспечивать права подозреваемого. Вероятностный характер вывода предостерегает от преждевременных утверждений о виновности и понуждает проверять все версии, включая оправдывающие. Отсюда и общий ориентир: совершенствовать законодательное регулирование института подозрения следует на основе концепции, где эффективность уголовного преследования не противопоставлена защите личности.

Сказанное позволяет сформулировать несколько выводов.

1. Единой концепции подозрения современная российская уголовно-процессуальная наука пока не выработала. Каждый автор берёт свою сторону явления, и отдельные определения дают скорее фрагменты общей картины, чем целостное представление о его природе. Разобщённость эта, впрочем, доктриной не ограничивается: она отзывается и в законодательном регулировании, и в практике его применения.

2. Доктринальные позиции укладываются в три основных подхода. Процессуально-формальный детально описывает процедурную оболочку подозрения, но его познавательную природу почти не затрагивает. Гносеологический, напротив, раскрывает вероятностный характер предположения о причастности лица, зато процессуальную сторону учитывает слабее. Интегративный пытается свести обе линии вместе – и он, как представляется, наиболее перспективен, хотя критерии обоснованности подозрения и способы его проверки в нём ещё предстоит разработать.

3. Методологически корректное понимание подозрения требует различать в нём два фундаментальных компонента. Гносеологический представляет подозрение как вероятностное суждение о причастности лица к преступлению, основанное на анализе доказательственных данных и предшествующее обвинительному тезису. Юридический описывает процессуально-правовую форму такого суждения: законность, подконтрольность, предварительную квалификацию деяния, обязательное оформление, обеспечение прав подозреваемого. Существуют они только в связке. Познавательный вывод обретает юридическое значение после процессуального оформления; форма же без фактического обоснования смысла лишена.

4. Вероятностная природа отделяет подозрение от обвинения как утверждения о виновности – и она же повышает риск следственной ошибки там, где доказательственных данных недостаёт. Отсюда потребность в усиленной правовой защите подозреваемого. Действующий закон обеспечивает её непоследовательно: п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ называет защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, а об аналогичной защите от

подозрения молчит. Между тем задержание, меры пресечения, следственные действия, репутационные потери наступают уже при подозрении – ограничения серьёзные и с последствиями обвинения вполне сопоставимые. Такая нормативная асимметрия с требованием защищать права личности на всех стадиях уголовного процесса, по нашему убеждению, не согласуется.

5. По итогам проведённого анализа подозрение в уголовном процессе предлагается понимать как основанное на достаточных данных предварительное предположение уполномоченного субъекта уголовного преследования о связи конкретного лица с преступлением, выраженное в предусмотренной законом процессуальной форме и подлежащее последующей проверке. В таком определении познавательный и юридический аспекты института соединены, что делает его пригодным для исследования нормативного регулирования подозрения, соотношения с обвинением, а также предмета и пределов доказывания.

6. Теоретическое осмысление подозрения отзывается в практике напрямую. Понимание познавательной природы ориентирует органы расследования на тщательную проверку данных до выдвижения подозрения; внимание к юридической форме заставляет соблюдать процессуальные гарантии; признание вероятностного характера удерживает от преждевременных выводов о виновности. Дальнейшее совершенствование законодательства, следовательно, должно опираться на научно обоснованную концепцию – такую, где задачи эффективного уголовного преследования согласованы с безусловным требованием защиты прав личности.

1.2. Проблемы нормативного регулирования подозрения

В предыдущем параграфе мы пришли к выводу, что единое понимание подозрения в российской уголовно-процессуальной науке пока не сложилось. Причина, на наш взгляд, кроется в разном понимании его познавательной природы. Одни исследователи рассматривают подозрение прежде всего как

познавательную категорию, другие сосредоточены на его процессуально-правовой стороне, третьи пытаются соединить оба подхода. Эти разногласия отражаются и на законодательстве. Показательно, что УПК РФ употребляет термин «подозрение» не менее семнадцати раз, но так и не определяет его. Для категории, с которой связаны вполне конкретные процессуальные решения и ограничения прав, такая неопределённость имеет ощутимые последствия: практика становится противоречивой, а гарантии участников уголовного судопроизводства оказываются уязвимыми.

Казалось бы, содержание подозрения должно быть ясно уже потому, что ряд норм УПК РФ требует разьяснять его существо (ст. ст. 46, 103, 104, 105, 106). Однако самого законодательного определения нет. Возникает вполне практический вопрос: на какое понимание подозрения должен опираться следователь или дознаватель, выполняя эту обязанность? Ему остаются доктринальные положения, а они, как мы уже показали, далеко не единообразны. На наш взгляд, в этом и состоит трудность: эффективно применять норму, содержание которой остаётся неопределённым, невозможно. В уголовном судопроизводстве последствия особенно серьёзны, поскольку неясность регулирования позволяет расширительно толковать полномочия государственных органов в ущерб правам личности.

О том, как этот пробел сказывается на работе, позволяют судить результаты проведённого нами анкетирования следователей и дознавателей. С трудностями из-за отсутствия чёткого определения подозрения непосредственно сталкиваются 43,5% респондентов. Ещё 27,4% оценили влияние пробела как минимальное, а 19,7% затруднились определить, насколько он отражается на их деятельности. Лишь 9,4% считают, что отсутствие легальной дефиниции никак не влияет на их работу¹. Обратим внимание на первую группу: о затруднениях сообщает значительная доля опрошенных практических работников. Это даёт нам основание рассматривать проблему как системную.

¹ См.: Приложение № 3.

Ясность, точность и предсказуемость закона необходимы для его справедливого и последовательного применения. Применительно к подозрению это требование приобретает вполне конкретный смысл: речь идёт о категории, которая влечёт серьёзные ограничения прав человека. Без чёткого понимания её содержания нельзя гарантировать защиту личности и обеспечить единообразное применение процессуальных норм¹.

Чтобы определить место подозрения в уголовно-процессуальной деятельности, обратимся к нормам об уголовном преследовании. Часть 2 ст. 21 УПК РФ обязывает уполномоченные органы и должностных лиц при выявлении признаков преступления принять меры к установлению самого события и выявлению причастного к нему лица. В п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование раскрывается через деятельность стороны обвинения, направленную на изобличение подозреваемого или обвиняемого. Тем самым законодатель отводит изобличению центральное место. Впрочем, всей досудебной процессуальной деятельности оно не исчерпывает.

Сведение цели уголовного преследования к изобличению вызывает обоснованные возражения в научной литературе: за пределами такой формулировки остаётся задача защиты от необоснованного преследования². Мы разделяем эту критику. Для дальнейшего исследования поэтому важно проследить, как устроена законодательная модель уголовного преследования и какую роль в ней играет подозрение.

Изобличение, положенное законодателем в основу уголовного преследования, разворачивается постепенно. Сначала органы предварительного расследования собирают сведения о лице или лицах, причастных к деянию,

¹ К примеру, существующее выражение «подозревать хуже, чем обвинять» является распространённой фразой, которая подразумевает, что ощущение неопределённости и непонимания своего положения, связанного с подозрением, может быть более тяжёлым и дискомфортным для человека, нежели прямое обвинение.

² См.: Гапонова В.Н. Основные понятия уголовного процесса: критический анализ содержания статьи 5 УПК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 124-131; Синкин К.А., Емельянова Д.А. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве России // Российско-Азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 36-42.

запрещённому уголовным законом. Эти сведения дают основу для подозрения и приобретения лицом статуса подозреваемого. Дальнейшее изобличение может привести к предъявлению обвинения и изменению процессуального статуса. Впоследствии уголовное преследование получает продолжение в поддержании государственного обвинения в суде. Для нас эта последовательность важна потому, что позволяет определить момент возникновения подозрения, раскрыть его содержание и проследить, чем оно завершается.

Для формирования подозрения необходимы сведения двух видов. Прежде всего органы уголовного преследования должны получить информацию о возможном совершении деяния, запрещённого уголовным законом. Затем нужны данные, связывающие это деяние с конкретным лицом. Именно такое сочетание придаёт подозрению персонифицированный характер. По отдельности эти сведения процессуально-правового подозрения не образуют: информация о преступлении без указания на лицо позволяет вести расследование по факту, а сведения о лице без связи с определённым преступным деянием не дают оснований для его уголовного преследования. При этом оба элемента меняются в ходе расследования. По мере собирания доказательств уточняется картина преступного события, а данные о возможной причастности лица становятся точнее и убедительнее.

Изменчивость подозрения, по нашему мнению, помогает раскрыть концепция потенциала¹. Её смысл здесь состоит в том, что подозрение допускает два исхода. При подтверждении первоначальных предположений оно может перерасти в обвинение; при установлении непричастности лица подозрение опровергается и отпадает. Иными словами, в нём заключена возможность как обвинения, так и его отсутствия. Это различие имеет прямое отношение к презумпции невиновности на предварительном расследовании. Если видеть в подозрении только предстоящее обвинение, вопрос о виновности фактически

¹ Философско-методологическое понимание потенциала, разработанное в отечественной доктрине и развитое применительно к правовым явлениям, предполагает наличие возможности различных исходов развития правоотношения.

окажется предрешённым ещё до завершения расследования. Между тем исход проверки заранее неизвестен. Именно эта неопределённость выражает предварительный характер вывода о возможной причастности лица к запрещённому уголовным законом деянию и требует от органов расследования проверять альтернативные версии, искать и изобличающие, и оправдывающие доказательства.

В определении подозрения мы отводим центральное место категории «причастность». Само слово восходит к славянскому корню «часть» и обозначает участие, вовлечённость в действие, событие или процесс. В уголовном судопроизводстве его значение вполне предметно: через причастность общая информация о преступном деянии связывается с определённым лицом, и уголовное преследование становится персонифицированным.

В науке уголовного процесса содержание причастности трактуют по-разному. Одни исследователи видят в ней фактическую связь лица с событием преступления. Формы этой связи могут быть различными: непосредственное выполнение объективной стороны деяния, участие в его подготовке, совершении или сокрытии¹. Другие охватывают этим понятием любую форму участия в преступном событии, установленную в ходе расследования с той или иной степенью достоверности². Есть и более узкое толкование, при котором причастность ограничивается ролью исполнителя, организатора, подстрекателя либо пособника³.

Применительно к нашему исследованию причастность означает вероятную связь конкретного лица с инкриминируемым деянием. Отвлечённого

¹ См.: Дворжицкая М.А., Писаревская Е.А. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве: учеб. пособие. Казань: изд-во «Бук», 2024. 64 с.

² См.: Обоснованность подозрения в причастности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/obosnovannost_podozreniya_v_prichastnosti/ (дата обращения: 19.05.2026).

³ См.: Широ́ва Э.Х., Вытовтов А.Е. Рассуждения о неотъемлемом праве на квалифицированную юридическую помощь лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 3. С. 252-263.

предположения о том, что преступление могло быть совершено, здесь недостаточно. Требуется соотнести сведения о событии с определённым субъектом: тогда они становятся основанием для подозрения, а в дальнейшем – для проверки обвинительной версии. Пока такая связь не установлена, расследование ведётся по факту и ещё не направлено против конкретного лица. По сути, категория причастности и позволяет перейти от общей версии о преступном событии к процессуальной оценке поведения определённого человека.

УПК РФ употребляет понятия «причастность» и «непричастность», когда речь идёт о наличии либо отсутствии связи лица с совершением преступления. Однако раскрытия их содержания мы в законе не находим. В п. 20 ст. 5 УПК РФ непричастность описывается через неустановленность причастности либо установленную непричастность лица к преступлению. На наш взгляд, это определение методологически неполно: из него нельзя понять, в чём состоит сама причастность. Одно понятие фактически объясняется через другое, содержание которого также не раскрыто. Такое построение даёт основания говорить о логической ошибке в определении.

Поэтому применительно к подозрению мы считаем точной формулировку «возможная причастность». Она передаёт вероятностный характер вывода: имеющиеся данные позволяют предположить связь лица с преступлением, но это предположение ещё не стало обвинением. Последнее определяется как «утверждение о совершении определённым лицом деяния, запрещённого уголовным законом». Различие состоит в характере знания. Подозрение опирается на вероятность, а обвинение выражает утверждение, которое требует доказанности. Здесь уместно обратиться к модальной логике: в подозрении выражена возможность («лицо могло совершить преступление»), в обвинении – действительность («лицо совершило преступление»). Переход между ними предполагает качественное изменение доказательственной базы: от данных, указывающих на причастность, к доказательствам, достоверно устанавливающим совершение преступления конкретным лицом.

С учётом изложенного предлагаем определить подозрение как предположение о возможной причастности определённого лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом. В этой формулировке соединяются познавательный и юридический компоненты, рассмотренные в предыдущем параграфе. Слово «предположение» передаёт вероятностный характер знания; указание на определённое лицо – его персонифицированность; причастность обозначает познавательную направленность, а деяние, запрещённое уголовным законом, – правовое основание. Закрепление такой дефиниции в УПК РФ позволило бы устранить неопределённость и дать правоприменителю общий ориентир. В связи с этим целесообразно дополнить ст. 5 УПК РФ новым пунктом, определяющим подозрение как предположение о возможной причастности определённого лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом¹.

Результаты проведённого нами анкетирования свидетельствуют о поддержке данного предложения практическими работниками. Большинство респондентов (66,4%) высказались за включение предложенного определения в УПК РФ. Против выступили 18,8% опрошенных; варианты ответов «не знаю» (9,4%) и «иное» (5,4%) отражают либо неопределённость позиции, либо желание предложить альтернативные формулировки. Характерно, что ряд участников анкетирования самостоятельно сформулировал понимание подозрения: «наличие достаточных оснований полагать, что конкретное лицо может быть причастно к совершению преступления на основе собранных данных»; «первоначальное предположение о причастности лица к преступлению, требующее дальнейшего подтверждения»; «прямые или косвенные указания на возможную виновность лица, включая наличие мотива или возможности совершения преступления». Эти формулировки, при различиях в деталях, подтверждают общее понимание практическими работниками вероятностной природы подозрения и необходимости его фактического обоснования².

¹ См.: Приложение № 1.

² См.: Приложение № 3.

С точки зрения формальной логики, подозрение должно предшествовать признанию лица подозреваемым. Данный постулат основан на принципе *causa efficiens*, сформулированном ещё Аристотелем и развитом применительно к правовым явлениям в работах современных логиков права: причина всегда предшествует следствию, а подозрение выступает причиной, тогда как признание лица подозреваемым – её следствием. Подозрение возникает из информации о предполагаемой связи лица с преступным событием и служит необходимым и достаточным основанием для приобретения им процессуального статуса подозреваемого; без подозрения невозможно определить подозреваемого. В то же время в основе процессуального статуса всегда лежит материальное содержание – предположение о возможной причастности к совершению деяния, запрещённого уголовным законом. В связи с этим критически важно подчеркнуть, что попытки конструировать процессуальный статус подозреваемого в отрыве от этого материального основания приводят к формализму и создают риск необоснованного вовлечения лиц в сферу уголовного преследования.

Однако действующая редакция ч. 1 ст. 46 УПК РФ устанавливает четыре основания признания лица подозреваемым, связывая этот статус исключительно с процессуальными действиями и решениями: возбуждением уголовного дела в отношении конкретного лица (п. 1), задержанием по подозрению в совершении преступления (п. 2), применением меры пресечения до предъявления обвинения (п. 3), уведомлением о подозрении в совершении преступления (п. 4). В п. п. 1-3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ смешивается основание процессуального статуса с формой его процессуального оформления: законодатель допускает методологическую ошибку, ставя возникновение статуса подозреваемого в зависимость от совершения процессуальных действий и игнорируя необходимость предварительного формирования подозрения. Процессуальные действия и решения – возбуждение уголовного дела, задержание, избрание меры пресечения – не выступают самим подозрением: они могут выступать формой его выражения, но не способны заменить его содержание. Поэтому трудно

согласиться с позицией тех авторов, которые полагают, что сам факт возбуждения уголовного дела в отношении лица или его задержания презюмирует наличие подозрения¹. На наш взгляд, здесь меняются местами основание и следствие. Перечисленные действия и решения следуют из подозрения, но не раскрывают его содержания. Презумпция также не способна восполнить отсутствующее фактическое основание процессуального статуса: она освобождает от доказывания определённых обстоятельств, однако самих этих обстоятельств не создаёт.

Иную последовательность мы видим лишь в п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Если дело возбуждено по факту преступления и в ходе дознания получены достаточные данные, дающие основание подозревать определённое лицо, дознаватель составляет письменное уведомление о подозрении. Здесь материальное основание действительно предшествует процессуальной форме. Сначала из собранных данных складывается подозрение, затем оно получает оформление, после чего лицо приобретает соответствующий статус. Именно эту последовательность мы считаем согласующейся с логикой доказывания и позволяющей соотнести задачи уголовного преследования с гарантиями прав личности. Другое дело, что законодатель проводит её лишь в одном из четырёх оснований признания лица подозреваемым.

Первым среди прав подозреваемого в п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ закреплено право знать, в чём он подозревается. При этом в регулировании его прав отсутствует обязанность разъяснить ему сущность подозрения². Показательно, что в отношении других участников такая обязанность установлена прямо. Существо подозрения необходимо разъяснять поручителю (ч. 3 ст. 103 УПК РФ),

¹ Дикарев И.С., Никонович С.Л. Выдвижение подозрения в уголовном процессе // Вестник военного права. 2021. № 3. С. 11.

² Реализация подозреваемым права на получение копии постановления о возбуждении уголовного дела, либо копии протокола задержания, либо копии постановления о применении к нему меры пресечения, либо копии уведомления о подозрении в совершении преступления, не является панацеей в решении проблемы понимания существа подозрения, поскольку исходя из указанных решений и их копий всё равно остаётся не ясным и не известным, что же такое подозрение и какова его сущность.

командованию воинской части (ч. 1 ст. 104 УПК РФ), родителям, опекунам, попечителям, иным заслуживающим доверия лицам, а также должностным лицам специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний подозреваемый (ч. 2 ст. 105 УПК РФ). То же требование действует в отношении лица, вносящего залог (ч. 6 ст. 106 УПК РФ).

Получается, что закон требует объяснять сущность подозрения широкому кругу лиц, но не закрепляет такого права за самим подозреваемым – человеком, чьи интересы затронуты непосредственно. Логика нормативной конструкции, требующей разъяснения правовой информации всем, кроме непосредственно заинтересованного лица, не согласуется с принципом обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве.

В то же время право лица знать, в чём оно подозревается, и разъяснение сущности подозрения, будучи взаимосвязанными, относятся к различным аспектам уголовно-процессуальной деятельности и преследуют разные цели. Право знать, в чём подозревается лицо, обеспечивает формальную осведомлённость о предмете подозрения – о конкретных действиях или бездействии, составляющих предмет уголовного преследования, и о статье, части, пункте УК РФ, применимых к этим действиям или бездействию. Разъяснение же сущности подозрения может рассматриваться как более сложную процедуру, охватывающую содержательное раскрытие оснований и логики выдвинутого подозрения: изложение фактов и обстоятельств, служащих основанием для подозрения; раскрытие логической связи между собранными данными и выводом о предполагаемой связи лица с преступным событием; разъяснение юридического значения квалификации деяния и возможных правовых последствий. Такое разъяснение требует от правоприменителя не просто воспроизведения формальной информации, но и обеспечения действительного понимания подозреваемым своего процессуального положения с использованием юридической терминологии в доступной для него форме.

Подозреваемый, имеющий полное понимание сущности подозрения, оказывается лучше осведомлён о характере и серьёзности предъявляемых

уголовно-правовых претензий. Это знание создаёт необходимую основу для эффективной реализации права на защиту: защита может быть действенной лишь при условии, что лицо понимает, от чего именно оно защищается. Более того, разъяснение сущности подозрения способствует соблюдению принципа презумпции невиновности, поскольку позволяет подозреваемому своевременно выявить слабости в позиции обвинения и эффективно их оспорить, – бремя доказывания как самого подозрения, так и опровержения доводов в защиту подозреваемого лежит на стороне обвинения.

В свете изложенного представляется необходимым законодательное закрепление права подозреваемого на разъяснение ему сущности подозрения в дополнение к праву знать, в чём он подозревается. Право подозреваемого знать сущность подозрения должно корреспондировать с обязанностью субъекта, осуществляющего уголовное преследование, эту сущность разъяснять. Поэтому в п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ целесообразно предусмотреть право подозреваемого знать, в чём он подозревается, и сущность подозрения, которая должна быть обязательно ему разъяснена, получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения¹.

По нашему мнению, разъяснение сущности подозрения должно складываться из следующих взаимосвязанных элементов. Первый – объяснение конкретных действий или бездействия подозреваемого, которые могут быть квалифицированы как признаки преступления: данный элемент обеспечивает фактическую определённость подозрения и позволяет подозреваемому понять, какие именно его действия вызвали подозрение. Второй – указание на конкретные статьи УК РФ, применимые к этим действиям или бездействию, что обеспечивает юридическую определённость и позволяет оценить возможные правовые последствия. Третий – объяснение данных, вызывающих подозрение в том, что именно данное лицо могло совершить преступление: этот элемент

¹ См.: Приложение № 1.

раскрывает доказательственную базу подозрения и позволяет подозреваемому сформулировать позицию по существу.

Разъяснение сущности подозрения не должно сводиться к формальному сообщению лицу его процессуального статуса. Разъяснение требует, *с одной стороны*, устно сообщить подозреваемому содержание подозрения, а *с другой* – надлежащим образом отразить его в процессуальных документах. Устное объяснение имеет самостоятельную ценность: оно позволяет выяснить, понимает ли человек, о каком событии идёт речь и какие фактические обстоятельства связывают с ним. Особенно это важно, когда юридические термины могут быть поняты неверно или не полностью. Поэтому завершаться разъяснение должно проверкой понимания. Следователь или дознаватель обязан удостовериться, что подозреваемый осознал содержание сообщённого ему подозрения.

Судебная практика также придаёт этой обязанности существенное значение. Кассационные суды указывают: показания подозреваемого нельзя признать допустимым доказательством, если до их получения ему не разъяснили, в чём именно он подозревается. Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции признал недопустимыми показания подозреваемого, поскольку ему не были сообщены конкретное содержание подозрения и фактические обстоятельства, положенные в его основу¹. Данный подход свидетельствует о том, что разъяснение содержания подозрения не является формальной процедурой, а выступает существенным условием соблюдения прав подозреваемого и обеспечения допустимости получаемых доказательств.

В контексте определения сущности подозрения требуют критического анализа предусмотренные в ч. 1 ст. 46 УПК РФ четыре случая появления подозреваемого, сопровождаемые вынесением соответствующих

¹ См.: Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2022 г. № 77-1510/2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=7138C7D0FA784ADB439461C70BA14E85&mode=fullsplus&SORTTYPE=0&BASENODE=28674-3&ts=KgGJJRTaufzCYySs&base=KSOJ002&n=75767&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1#U4LRJRTI71ajpMqR> (дата обращения 19.05.2026).

процессуальных документов: постановления о возбуждении уголовного дела против конкретного лица¹, протокола задержания, постановления об избрании меры пресечения до предъявления обвинения, уведомления о подозрении в совершении преступления. Вместе с тем содержание этих документов урегулировано неодинаково. Так, из ч. 2 ст. 146 УПК РФ следует, что в постановлении о возбуждении уголовного дела должны быть указаны повод и основание для его принятия, а также пункт, часть и статья УК РФ, по которым возбуждается дело. Однако специального требования о раскрытии существа подозрения в отношении конкретного лица данная норма не содержит. В итоге лицо уже вовлечено в уголовное преследование, а из процессуального документа ему не всегда ясно, какие фактические обстоятельства и какая правовая оценка лежат в основе подозрения. На наш взгляд, требования к его содержанию при возбуждении дела в отношении конкретного лица необходимо уточнить. *Во-первых*, нужны данные о самом лице, в отношении которого возбуждено дело. Персонификация здесь выражает требование личной ответственности: каждый отвечает за собственные действия или бездействие. *Во-вторых*, следует сообщить подозреваемому, какие конкретно действия либо бездействие ему вменяются и какие признаки преступления в них усматриваются. Принцип *nullum crimen sine lege* требует, чтобы человек понимал, какое деяние связывают с его уголовным преследованием и почему считают его уголовно наказуемым. *В-третьих*, необходимо указать пункт, часть и статью УК РФ, по которым

¹ В теории уголовного процесса небезосновательно отстаивается точка зрения об упразднении стадии возбуждения уголовного дела и, в связи с этим целесообразности во всех случаях возникновения необходимости признания лица подозреваемым выносить решение (постановление) о возбуждении уголовного преследования. См., например: Мазюк Р.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 124-125; Поликарпова О.С. Институт подозрения и начальная стадия уголовного процесса: взаимосвязанные перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 128-129. Данная позиция находит поддержку в современной доктрине, где обосновывается необходимость единых общих условий формирования доказательств как в досудебном, так и в судебном производстве, что будет способствовать решению задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. См., например: Чабукиани О.А., Павлик М.Ю., Шепелева О.Р. Общие условия формирования доказательств в ходе предварительного расследования и в суде: понятие, тенденции // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 3 (73). С. 93-107.

предварительно квалифицируется описанное поведение. Это даёт подозреваемому возможность понять правовую оценку деяния и то, какие обстоятельства могут повлечь уголовно-правовые последствия. *В-четвёртых*, ему должны быть сообщены фактические данные, полученные при проверке сообщения о преступлении и послужившие основанием для возбуждения дела. Именно из них складывается фактическая основа подозрения.

Мы рассматриваем разъяснение сущности подозрения при вручении копии постановления о возбуждении уголовного дела как самостоятельную процессуальную гарантию. Следователь или дознаватель обязан в понятной форме объяснить содержание принятого решения: какое событие расследуется, какие действия либо бездействие предполагаются со стороны лица, как они предварительно квалифицируются и на каких фактических данных основано решение. Вручение документа само по себе ещё не означает, что человек всё это понял. Особенно заметна разница, если у подозреваемого низкий уровень образования, он недостаточно владеет русским языком или затрудняется в понимании юридических терминов. Поэтому объяснение должно прямо связывать предполагаемые действия или бездействие с применимыми пунктом, частью и статьёй УК РФ. Затем следователю или дознавателю необходимо убедиться, что подозреваемый усвоил разъяснение. Само постановление также должно раскрывать существо подозрения: подробно описывать деяния, содержать ссылки на соответствующие статьи УК РФ и обстоятельства, которыми обосновывается подозрение.

Не менее важно незамедлительно уведомить лицо о возбуждении в отношении него уголовного дела. Неисполнение этой обязанности может причинить ущерб конституционным правам подозреваемого и стать предметом судебного обжалования¹.

¹ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 03.08.2020 г. по делу № 10-13810/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1302522#6CesbtTOKHRgEgY> (дата обращения 19.05.2026).

Необходимость наличия подозрения в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, выступает обязательным условием уголовно-процессуального задержания в порядке ст. 92 УПК РФ. Законодательное определение задержания подозреваемого, предусмотренное п. 11 ст. 5 УПК РФ, базируется на том, что такая мера принуждения допускается на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления¹. Однако действующая формулировка п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, как отмечалось нами ранее, некорректна: она связывает статус подозреваемого исключительно с фактом задержания, не учитывая наличие обоснованного подозрения в причастности лица к совершению преступления. Основания задержания, перечисленные в ст. 91 УПК РФ, могут носить ориентирующий характер и указывать на обстоятельства, свидетельствующие о предполагаемой связи лица с преступным событием, однако сами по себе они ещё не образуют подозрения в полном смысле этого слова. Задержание должно быть не основанием для признания лица подозреваемым, а процессуальным следствием уже сформировавшегося подозрения. В связи с этим в п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ целесообразно изложить следующую формулировку: «в отношении которого имеется обоснованное подозрение о причастности к совершению преступления и которое в связи с этим было задержано в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса»².

После доставления лица к дознавателю или следователю на составление протокола задержания отводится три часа. Через этот документ оформляется процессуальный статус лица. В нём фиксируют разъяснение прав подозреваемого по ст. 46 УПК РФ, указывают дату и время составления протокола, момент, место, причины и обстоятельства задержания, результаты личного обыска. Вносятся и другие сведения, позволяющие проверить законность применённой меры.

¹ См. более подробно: Гаджиев И.А. Проблемы нормативного регулирования подозрения // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 3. С. 68-72.

² См.: Приложение № 1.

Однако развёрнутого изложения существа подозрения в протоколе задержания закон не требует. Статья 92 УПК РФ фактически ограничивается обстоятельствами задержания и процессуальными правами лица. Прямой обязанности объяснить, в совершении какого именно преступления оно подозревается и какие данные лежат в основе этого подозрения, норма не устанавливает.

Между тем уже в момент задержания человеку необходимо понимать существо подозрения, чтобы осознанно пользоваться своими правами. Прежде всего это касается объяснений и показаний по поводу подозрения: допрос должен состояться не позднее 24 часов с момента фактического задержания¹. В зарубежной уголовно-процессуальной доктрине право быть проинформированным о природе и причине подозрения является общепризнанным². Оно позволяет понять характер и основания подозрения, а тем самым подготовиться к защите. Для российского процесса вопрос имеет особую остроту из-за сжатого срока, установленного ч. 2 ст. 46 УПК РФ. До

¹ В академическом дискурсе в России акцентируется внимание на том, что недостаточно чёткое регулирование правового статуса «фактического задержания» может быть использовано некоторыми представителями правопорядка, действующими не в полной мере соблюдая закон, в качестве инструмента для оказания неправомерного давления на лиц, подвергшихся задержанию. См., например: Майорова Л.В., Плошкина Я.М. Соотношение понятий «задержание» и «подозрение» в уголовном процессе России и Германии // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч., Красноярск, 2-3 апреля 2020 г. Т. 1. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2020. С. 175.

² См., например: Leo, R.A. (1996). Inside the Interrogation Room. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 86(2), 266-303. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.jstor.org/stable/1144028?origin=crossref> (дата обращения 19.05.2026); Zedner, L. (2005). Securing Liberty in the Face of Terror: Reflections from Criminal Justice. *Journal of Law and Society*, 32(4), 507-533. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.academia.edu/67202895/Securing_Liberty_in_the_Face_of_Terror_Reflections_from_Criminal_Justice (дата обращения 19.05.2026); Roewer, L. (2013). DNA fingerprinting in forensics: past, present, future. *Investigative Genetics*, 4(1), 22. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://investigativegenetics.biomedcentral.com/articles/10.1186/2041-2223-4-22> (дата обращения 19.05.2026); Cohen, Dov Gilad. "The Extent and Scope of a Suspect's Caution as a Basis for Invalidating Confessions, Dropping or Converting Charges." *SSRN Journal*. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3308696 (дата обращения 19.05.2026).

допроса у задержанного остаётся не более 24 часов, и время на подготовку ограничено.

Знание сущности подозрения позволяет лицу избежать непреднамеренной самоинкриминации: если задержанный не понимает, в чём именно его подозревают, он может невольно предоставить информацию, впоследствии использованную против него. «Информационная асимметрия» между органом расследования и подозреваемым создаёт риск манипуляций и получения показаний, которые подозреваемый не дал бы, понимая истинные масштабы подозрения. Недостаточно чёткое регулирование правового статуса задержанного лица в момент фактического задержания может быть использовано недобросовестными представителями правоохранительных органов для неправомерного давления на подозреваемого. Категорически недопустима практика, когда лиц фактически лишают свободы под видом «доставления для дачи объяснений», проводят с ними беседы без участия защитника и лишь затем процессуально оформляют задержание: такая практика грубо нарушает конституционные права личности и требует законодательного пресечения.

В связи с изложенным представляется целесообразным дополнить ч. 1 ст. 92 УПК РФ новым предложением о том, что после задержания лица по подозрению в совершении преступления орган дознания или следователь устно объявляет задержанному, по подозрению в совершении какого преступления оно задержано, разъясняет сущность подозрения и права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ¹. Данное дополнение создало бы дополнительные гарантии защиты прав подозреваемого на самом раннем этапе уголовного преследования.

Отдельного рассмотрения заслуживает правовая позиция, выраженная в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых

¹ См.: Приложение № 1.

действий». В п. 2 указанного постановления Пленум разъясняет, что «обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершённомu преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на такое лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нём или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.)»¹. Пленум Верховного Суда РФ, по существу, отождествляет причастность лица к совершённомu преступлению с основаниями задержания, перечисленными в ст. 91 УПК РФ. Между тем подозрение не должно рассматриваться исключительно через призму задержания, поэтому обоснованными представляются критические замечания исследователей, негативно оценивающих отождествление оснований задержания с основаниями подозрения². Основания задержания и основания подозрения – это различные правовые категории, хотя и взаимосвязанные: их отождествление приводит к тому, что подозрение утрачивает самостоятельное значение и превращается в атрибут процессуального действия. Как справедливо отмечает И.В. Овсянников, первостепенной задачей органа уголовного преследования должна быть формулировка конкретного подозрения в отношении определённого субъекта; после этого закрепляется процессуальный статус данного лица как

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (действующая редакция) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий». [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ab71000913c606e8727d1a4cae1ad5e23511d954/ (дата обращения 19.05.2026).

² См.: Зайцев А.О. Международно-правовые стандарты относительно избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16, № 3. С. 59-64; Зайцев А.О. Отдельные аспекты международно-правового стандарта обоснованности принятия судом решения о заключении лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, под стражу // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 167; Куций В.В. Проблемы действия института обоснованного подозрения при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные вопросы публичного права: сб. труд. конф. XVIII Всеросс. науч. конф. молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 31 октября 2019 года. Екатеринбург: ФГБОУ ВО "Уральский государственный юридический университет", 2019. С. 594-601.

подозреваемого, и лишь при наличии законно установленных предпосылок допустимо применение к нему мер пресечения¹.

Избрание меры пресечения к лицу, равно как и его задержание, не делает его подозреваемым автоматически. Для признания лица подозреваемым требуется наличие подозрения; при отсутствии такового, несмотря на избрание меры пресечения, лицо не может быть признано подозреваемым. Мера пресечения выступает процессуальным следствием подозрения, а не его основанием. Следовательно, п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ должен быть изложен следующим образом: «3) в отношении которого имеется обоснованное подозрение о причастности к совершению преступления и к которому в связи с этим применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьёй 100 настоящего Кодекса»². Смысл предлагаемой редакции состоит в том, чтобы прямо связать признание лица подозреваемым с обоснованным подозрением о его причастности к преступлению. Само по себе избрание меры пресечения такого основания не заменяет.

Сформулируем выводы, к которым приводит проведённый анализ.

1. В нормативном регулировании подозрения сохраняется системный дефект: УПК РФ многократно употребляет этот термин, но не даёт его легального определения. При этом от правоприменителя требуется разъяснять сущность подозрения. Такое сочетание требований, на наш взгляд, внутренне противоречиво: содержание разъясняемой категории остаётся законодательно неопределённым.

2. Содержание подозрения складывается из двух связанных элементов: сведений о возможном совершении деяния, запрещённого уголовным законом, и данных о вероятной причастности к нему конкретного лица. Одних сведений о преступлении достаточно лишь для расследования по факту; информация о лице без связи с конкретным преступным событием также не даёт самостоятельного

¹ См.: Овсянников И.В. Можно ли наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого путём применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения? // Закон и право. 2004. № 3. С. 42-45.

² См.: Приложение № 1.

основания для уголовного преследования. Оба элемента уточняются по мере расследования, поэтому подозрение допускает два исхода. При подтверждении первоначальных предположений оно может перерасти в обвинение, при установлении непричастности лица – быть опровергнуто.

3. Центральное место в определении подозрения занимает причастность: именно она связывает общую информацию о преступлении с определённым лицом. Законодатель, однако, не раскрывает её позитивного содержания, ограничиваясь определением через отрицание в п. 20 ст. 5 УПК РФ. Мы считаем такой способ методологически уязвимым. Применительно к подозрению следует говорить о возможной причастности лица к преступному деянию. В терминах модальной логики это модальность возможности, тогда как обвинение выражено в модальности действительности. Переход от одной к другой требует качественного изменения доказательственной базы.

4. В ч. 1 ст. 46 УПК РФ, по нашему мнению, смешаны материальное основание статуса подозреваемого и процессуальные формы его оформления. Пункты 1-3 связывают возникновение статуса с действиями и решениями, хотя логически подозрение должно предшествовать признанию лица подозреваемым. Возбуждение дела, задержание и избрание меры пресечения могут следовать из подозрения и выражать его, но не заменяют его содержания. Последовательный приоритет материального основания над процессуальной формой проведён лишь в п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Считаем необходимым распространить этот подход на все основания признания лица подозреваемым.

5. Право подозреваемого на информацию урегулировано непоследовательно. Пункт 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ закрепляет право знать, в чём лицо подозревается, но не предусматривает обязанности разъяснять ему сущность подозрения. В отношении ряда других лиц такая обязанность установлена. Между тем знание предмета подозрения и понимание его сущности различаются: первое даёт формальную информацию о том, что вменяется лицу, второе раскрывает основания и логику подозрения. Поэтому разъяснение должно включать описание конкретных действий или бездействия

подозреваемого, указание на применимые статьи УК РФ и данные, которыми подозрение обосновывается.

6. Для устранения выявленных недостатков предлагаем согласованные изменения УПК РФ. В ст. 5 следует закрепить определение подозрения как предположения о возможной причастности определённого лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом. Редакции п. 2 и 3 ч. 1 ст. 46 должны прямо выражать первичность подозрения по отношению к процессуальным действиям и решениям. В п. 1 ч. 4 ст. 46 необходимо предусмотреть обязанность разъяснять подозреваемому сущность подозрения, а в ч. 1 ст. 92 – требование устно объявить задержанному, по подозрению в совершении какого преступления он задержан, и разъяснить сущность подозрения. Вместе эти поправки создадут последовательную систему гарантий прав подозреваемого и обеспечат единообразное применение закона благодаря более чёткому регулированию.

1.3. Соотношение подозрения с обвинением в уголовном процессе

Разграничивая подозрение и обвинение, мы решаем вопрос об устройстве уголовного преследования в целом. Спор о терминах здесь имеет вполне конкретные последствия: от принятого разграничения зависят основания перехода от одного процессуального статуса к другому и гарантии прав лица, в отношении которого ведётся производство.

В континентальной правовой доктрине подозрение и обвинение традиционно связывают с разными уровнями процессуального знания о причастности лица к преступному событию. За этим различием стоят неодинаковая степень доказанности, разные юридические последствия и объём процессуальных гарантий. Подозрение выражает предварительный, вероятностный вывод: имеющиеся сведения позволяют предположить, что лицо могло быть причастно к преступлению. Для обвинения этого уже недостаточно.

Оно предполагает более высокий уровень обоснованности и выражает сформулированную позицию стороны уголовного преследования.

В российской модели уголовного процесса последовательно провести это разграничение мешают внутренние противоречия её регулирования. На наш взгляд, оценивать их следует прежде всего с точки зрения защиты прав личности. Как мы показали ранее, подозрение отличается от обвинения меньшей степенью доказанности. Это различие должно иметь самостоятельное юридическое выражение: отражаться в процессуальных формах, правах участников, порядке принятия решений, а также в судебном и ведомственном контроле. Если закон и практика смешивают подозрение с обвинением, возникают риски необоснованного ограничения прав. Одновременно снижается и эффективность самого уголовного преследования, поскольку основания процессуальных решений теряют определённую ясность.

Для дальнейшего анализа необходимо установить, по каким критериям подозрение переходит в обвинение. Само по себе увеличение числа доказательств ещё не объясняет этого перехода. Меняется качество знания: орган расследования приходит к убеждению в виновности лица, которое позволяет направить уголовное дело в суд. Поэтому момент перехода, по нашему мнению, следует связывать с объективными критериями достаточности доказательств. Формальное совершение процедурного действия такого критерия не заменяет.

Понять, как сложилась современная российская модель, помогает история института предъявления обвинения. В советском уголовном процессе была подробно урегулирована процедура привлечения лица в качестве обвиняемого. Она обозначала переход от предварительного исследования обстоятельств дела к формулированию окончательных выводов о виновности. По УПК РСФСР 1960 года лицо признавалось обвиняемым только после вынесения постановления о привлечении в этом качестве; постановление предъявлялось с разъяснением прав и предоставлением возможности ознакомиться с материалами дела¹. Мы

¹ Согласно ч. 1 ст. 46 УПК РСФСР, обвиняемым признавалось лицо лишь в единственном случае, если в отношении него в установленном настоящим Кодексом порядке вынесено

усматриваем в этой конструкции инквизиционные черты советского процесса: предъявление обвинения служило скорее средством процессуального контроля над личностью, чем гарантией права на защиту. Здесь существенно и другое. Советский уголовно-процессуальный закон не предусматривал иных процедур «появления» обвинения и обвиняемого – рассматриваемый институт не имел альтернативы.

С принятием УПК РФ 2001 года был провозглашён переход к состязательному уголовному судопроизводству. Впрочем, институт предъявления обвинения сохранился почти без изменений. Новые принципы оказались соединены с прежними, архаичными процедурами досудебного производства, что и породило концептуальное противоречие. При этом основной сферой применения процедуры привлечения в качестве обвиняемого осталось предварительное следствие, тогда как для дознания законодатель предусмотрел иной порядок.

Причины деформации института предъявления обвинения обсуждаются в научной литературе¹. Остановимся на тех, которые непосредственно связаны с предметом нашего исследования. *Во-первых*, приоритет прав человека и их защиты заставляет вновь оценить назначение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и последующего предъявления обвинения. Эти процедуры нередко воспринимаются как избыточные и не всегда отвечающие интересам правосудия. *Во-вторых*, критика касается их содержания. Предъявление обвинения может сохранять внешнюю форму гарантии прав, но на практике сводиться к ритуальному действию и даже становиться инструментом давления на обвиняемого. *В-третьих*, мы согласны с замечанием О.С. Поликарповой и

постановление о привлечении в качестве обвиняемого. См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 19.05.2026).

¹ См.: Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2010. Вып. 5. С. 329-335; Кругликов А.П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2 (122). С. 106-112.

С.Д. Шестаковой: на этом этапе внутреннее убеждение следователя в виновности обвиняемого нередко опирается на предвзятое отношение к делу, а не на достаточную доказательственную базу. Отсюда риск ошибочного обвинения и нарушения прав личности¹. В-четвёртых, сокращение роли данного института рассматривается как попытка перейти к более гибким и оперативным процедурам, согласующимся с международными стандартами прав человека.

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует принципиально иные подходы к решению проблемы соотношения подозрения и обвинения в зарубежных правовых системах. В системе общего права статус обвиняемого присваивается лицу по завершении досудебного уголовного процесса, исходя из того, что обвинение должно формулироваться лишь при наличии достаточных доказательств для его поддержания в суде. В Великобритании, например, решение о предъявлении обвинения (*charge*) принимается полицией или Королевской прокурорской службой после оценки достаточности доказательств по стандарту «реалистичной перспективы осуждения» (*realistic prospect of conviction*). Предъявление обвинения знаменует переход от расследования к судебному производству, и лицо с этого момента именуется обвиняемым (*accused*).

Континентальные правовые системы также демонстрируют устойчивую тенденцию к дифференциации досудебной и судебной стадий через институты подозрения и обвинения. Так, в немецкой уголовно-процессуальной системе отсутствует чёткая дифференциация процессуальных статусов лиц, подвергающихся уголовному преследованию, что существенно отличает её от российской модели. Уголовно-процессуальное законодательство ФРГ оперирует четырьмя различными категориями субъектов²: *Verdächtiger* обозначает лицо, в

¹ См.: Поликарпова О.С., Шестакова С.Д. Развитие института подозрения как предпосылка к отказу от института предъявления обвинения // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 325-329.

² Уголовно-процессуальный кодекс Германии (*Strafprozeßordnung, StPO*) (от 1 февраля 1877 г. (*RGBl. S. 253*); в редакции объявления от 7 апреля 1987 г. (*BGBI. I S. 1074, 1319*); с изм.,

отношении которого имеются фактические основания предполагать причастность к преступлению; *Beschuldigter* применяется после возбуждения производства по делу (*Ermittlungsverfahren*) в отношении конкретного лица; *Angeschuldigter* используется в предварительном судебном производстве (*Zwischenverfahren*), когда прокурор направил обвинительное заключение в суд, но разбирательство ещё не открыто; наконец, *Angeklagter* обозначает лицо после открытия судебного разбирательства (*Hauptverfahren*)¹. Переход от одного статуса к другому происходит автоматически при наступлении соответствующих процессуальных условий – без специальных процедур ознакомления и разъяснения прав, которые уже были реализованы на более ранних этапах. В германском уголовном процессе, таким образом, не существует формального предъявления обвинения в российском понимании: обвинительный акт сам по себе олицетворяет обвинение², а подозрение играет центральную роль на всём протяжении предварительного расследования³.

Французская система уголовного процесса также исходит из градации процессуальных статусов⁴. На стадии предварительного расследования, проводимого полицией под надзором прокурора (*enquête*), лицо может быть задержано для дачи объяснений (*garde à vue*), не приобретая формального статуса обвиняемого. При передаче дела следственному судье (*juge d'instruction*)

действующими по состоянию на 11.01.2026) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/> (дата обращения: 19.05.2026).

¹ Как справедливо отмечает А.Ю. Чекотков, эти термины представляют собой сложный объект для точного перевода на русский язык, что усложняет их сравнительно-правовой анализ. См.: Чекотков А.Ю. Перманентная дискуссия о процессуальном статусе уголовно преследуемого лица: возможно ли поставить точку? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 4. С. 65-83.

² См.: Плошкина Я.М. Учение о подозрении в уголовных процессах России и Германии // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 36-43; Черепанова А.А. Подозрение в германском и английском уголовных процессах // Студенческие научные исследования: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. В 2 частях, Пенза, 20 мая 2022 года. Том 2. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 68-71.

³ Плошкина Я.М. Подозрение в немецком уголовном процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2 (75). С. 93-97.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Франции (Code de procédure pénale) (действующая редакция; version en vigueur au 29.01.2026) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/ (дата обращения: 19.05.2026).

лицо получает статус *mis en examen*, присваиваемый при наличии серьёзных или согласующихся улик (*indices graves ou concordants*), указывающих на его участие в инкриминируемых деяниях. По завершении судебного следствия следственный судья либо прекращает дело, либо направляет его в обвинительную палату апелляционного суда, которая принимает решение о передаче дела в суд. Лишь с момента открытия судебного заседания лицо именуется обвиняемым (*accusé*) или подсудимым (*prévenu* – в зависимости от тяжести преступления). Французское уголовно-процессуальное законодательство, таким образом, чётко дифференцирует статусы лиц, подвергающихся уголовному преследованию, а формулирование окончательного обвинения происходит не органом расследования, а судебной инстанцией.

Соответственно, в системе романо-германского уголовно-процессуального права обвинение играет ключевую роль в разделении досудебного и судебного производства. По сути, формирование обвинения обозначает переход от расследования к судебному разбирательству. В традиционном понимании орган уголовного преследования тем самым утверждает, что собраны доказательства, достаточные для признания лица виновным и для поддержания этого тезиса в суде.

К упрощению досудебных процедур и отказу от института предъявления обвинения обращаются и постсоветские государства. Показателен опыт Республики Казахстан, УПК которой последовательно проводит идею единого статуса лица, подвергающегося уголовному преследованию до суда¹. Основания признания лица подозреваемым, закреплённые в ст. 64 УПК Казахстана, по существу сходны с российскими. Дальнейшее регулирование, однако, иное. Казахстанский законодатель отказался от института обвиняемого в ходе досудебного расследования: по ст. 65 обвиняемым признаётся лицо, в отношении которого прокурор вынес обвинительный акт по завершении

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения: 19.05.2026).

расследования. Значит, переход к обвинению обозначает окончание расследования, а не один из его промежуточных этапов. Утверждая обвинительный акт и направляя дело в суд, прокурор принимает на себя ответственность за достаточность доказательств и готовность поддерживать обвинение в судебном разбирательстве.

Аналогичный подход реализован в УПК Украины¹. Статья 42 УПК Украины определяет обвиняемого как лицо, обвинительный акт в отношении которого направлен в суд; на досудебном производстве лицо имеет статус подозреваемого. Украинский законодатель также отказался от процедуры предъявления обвинения в ходе расследования, исходя из того, что она не соответствует состязательной модели уголовного процесса и создаёт искусственные барьеры для эффективного расследования. Упразднение процедуры признания лица обвиняемым в ходе предварительного расследования и переход к подозреваемому как единственному субъекту, подвергаемому уголовному преследованию до суда², в ряде постсоветских государств стало ответом на потребность общества в более справедливом и эффективном уголовном судопроизводстве.

Обобщая опыт рассмотренных зарубежных правовых порядков, можно констатировать общую тенденцию к использованию института обвинения для демаркации досудебного и судебного производства. Обвинение рассматривается не как промежуточный акт в процессе расследования, а как окончательный вывод органа уголовного преследования, свидетельствующий о готовности представить уголовное дело суду и поддерживать обвинительный тезис в

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Украины (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения 19.05.2026).

² Результаты анкетирования респондентов по вопросу об упразднении процедуры признания лица обвиняемым в ходе предварительного расследования и переходе к подозрению и подозреваемому, как единственному субъекту, подвергаемому уголовному преследованию до суда, в процентном соотношении следующие: ответ «да», согласны с предложением: 44,84%; ответ «нет», не согласны с предложением: 46,64%; ответ «не знаю»: 8,52%. Можно отметить также, что многие респонденты (более 90%) заняли определенную позицию по этому вопросу, при этом небольшое количество из числа опрошенных не согласны с таким предложением. См.: Приложение № 3.

условиях состязательности. Подозрение, напротив, характеризует весь период досудебного производства, в течение которого орган расследования собирает и проверяет доказательства, не будучи связанным окончательными выводами о квалификации деяния и объёме виновности лица. Для российского процесса такое разграничение необходимо выразить в ясных нормах, учитывающих особенности отечественного уголовно-процессуального законодательства. Неопределённость статуса преследуемого лица способна ослабить и его процессуальные гарантии. В уголовном судопроизводстве, где речь идёт в том числе об ограничении прав, оставлять эту неопределённость особенно опасно¹.

В связи с этим стоит обратиться к позиции авторов, считающих юридическую терминологию условной и отдающих приоритет правозащитному содержанию нормы перед её словесной формой². Такой взгляд помогает сосредоточиться на том, какие права и гарантии действительно получает участник процесса. Выбор названия сам по себе этой задачи не решает. Вместе с тем гибкость толкования не должна лишать уголовно-процессуальный закон формальной определённости. *С одной стороны*, содержательный подход позволяет учитывать многообразие ситуаций, возникающих на практике. *С другой стороны*, та же гибкость может допускать произвольное толкование и тем самым подрывать правовую стабильность. На наш взгляд, задача состоит в том, чтобы согласовать определённость формы с правозащитным содержанием нормы. Одним из возможных путей мы считаем дополнительные механизмы квалифицированной правовой экспертизы и учёта правоприменительной практики.

Непоследовательность российской модели особенно заметна при сопоставлении оснований признания лица обвиняемым. Часть 1 ст. 47 УПК РФ предусматривает три таких основания: вынесение постановления о привлечении

¹ См.: Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Коновалов Сергей Геннадьевич. М., 2018. С. 166-167.

² См.: Тарасов А.А. К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Евразийская адвокатура. 2015. № 2 (15). С. 32-41.

в качестве обвиняемого, вынесение обвинительного акта и составление обвинительного постановления. В первом случае статус возникает в ходе расследования, в двух других – по его завершении. Казалось бы, переход от подозрения к обвинению должен отражать достижение определённого уровня доказанности. Однако при таком регулировании он зависит от формы досудебного производства и решений следователя или дознавателя. Именно в этом мы видим проблему: содержательная граница между подозреваемым и обвиняемым размывается.

Ещё отчётливее это противоречие проявляется в правилах предъявления обвинения при предварительном следствии. По ст. 100 УПК РФ обвинение необходимо предъявить не позднее десяти суток с момента применения к подозреваемому меры пресечения. Если же он был задержан, а затем заключён под стражу, тот же срок исчисляется с момента задержания. Часть 2 ст. 100 увеличивает срок до сорока пяти суток для обвинений в преступлениях террористической направленности и наиболее тяжких посягательствах, а также в тяжких и особо тяжких преступлениях в условиях военного положения. Для нашего анализа важно, с чем законодатель связывает эти сроки. Отправной точкой служит применение мер принуждения, а не завершение доказывания и формирование убеждения следователя в виновности лица. В результате момент формулирования обвинения подчиняется сроку, заданному процессуальной мерой.

При таком регулировании предъявление обвинения нередко получает двойное назначение. *С одной стороны*, оно должно выражать уже сформированную обвинительную позицию, а *с другой* – становится условием дальнейшего применения мер принуждения, прежде всего содержания под стражей. Следователь может оказаться в ситуации, когда срок требует предъявить обвинение, хотя доказательственная база ещё недостаточно сформирована. Тогда обвинение утрачивает значение завершённого обвинительного тезиса и приобретает черты промежуточного предположения. По мере расследования его можно уточнять и изменять. Возможность

неоднократного изменения обвинения, предусмотренная ст. ст. 171 и 175 УПК РФ, подтверждает, что закон фактически допускает такой предварительный характер обвинения до суда. Тем самым обвинение концептуально сближается с подозрением, хотя по своей правовой природе должно выражать более высокий уровень доказанности.

Анализ правоприменительной практики подтверждает, что институт предъявления обвинения на стадии предварительного следствия используется преимущественно для процессуального оформления решений о продлении срока содержания под стражей, а не для обеспечения права лица на защиту. Судебная практика изобилует примерами, когда суды при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу руководствуются исключительно тяжестью инкриминируемого деяния, не приводя конкретных данных о невозможности применения иной, менее строгой меры. Президиум Верховного Суда РФ неоднократно указывал на недопустимость подобной практики, подчёркивая, что тяжесть обвинения сама по себе не может служить единственным основанием для заключения под стражу и должна оцениваться в совокупности с иными обстоятельствами, характеризующими личность обвиняемого и конкретные обстоятельства уголовного дела¹. Однако системный характер выявляемых нарушений свидетельствует о том, что действующая модель создаёт предпосылки для формализации процессуальных решений и недооценки альтернатив содержанию под стражей.

Концептуальную несостоятельность действующей в УПК РФ модели соотношения подозрения с обвинением подтверждает и регламентация производства дознания. Часть третья статьи 224 УПК РФ устанавливает, что обвинение предъявляется при дознании только в случае невозможности составления обвинительного акта в установленные сроки и только в отношении лиц, содержащихся под стражей. Такое положение фактически признаёт

¹ См., например: Постановление Президиума Верховного Суда РФ о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств от 12 апреля 2023 г. по делу № 137-П22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/vsrf/doc/H1HK1Jl2poQC/> (дата обращения 19.05.2026).

необязательность процедуры предъявления обвинения для обеспечения прав лица, подвергающегося уголовному преследованию: подозреваемый при дознании получает все процессуальные гарантии без изменения статуса. Законодатель тем самым исходит из того, что права подозреваемого, предусмотренные ч. 4 ст. 46 УПК РФ, выступают достаточными для обеспечения защиты, а специальная процедура предъявления обвинения требуется лишь в исключительных случаях. Нормативное содержание ч. 3 ст. 224 УПК РФ вызывает дискуссии в юридическом сообществе именно в силу этой двойственности¹.

На наш взгляд, наличие в УПК РФ двух различных моделей – с предъявлением обвинения при производстве предварительного следствия и без такой процедуры при дознании – не имеет достаточного концептуального обоснования. Различия между этими формами расследования связаны прежде всего со сложностью дел, объёмом полномочий следователя и дознавателя, а также процессуальными сроками. Однако они не должны влиять на базовые права лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Право знать, в чём лицо подозревается или обвиняется, право на защиту, право на обжалование процессуальных решений должны обеспечиваться в равной степени независимо от формы расследования. Сохранение института предъявления обвинения только для предварительного следствия создаёт искусственную дифференциацию уголовно-процессуальных гарантий, не обусловленную объективными различиями в процессуальном положении подозреваемого и обвиняемого на досудебном производстве.

Гносеологический анализ подозрения и обвинения позволяет выявить их сущностное различие, служащее основой для правового регулирования. Как было обосновано в предыдущих параграфах, подозрение представляет собой

¹ К примеру, А.В. Павлов утверждает, что для действующего УПК РФ правильнее будет закрепить тезис не о том, что лицо может быть признано подозреваемым только в исключительных случаях, а о том, что без предварительной постановки в статус подозреваемого переход в статус обвиняемого допускается только в исключительных случаях. См.: Павлов А.В. Развитие правового статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 134-141.

обоснованное предположение о возможной причастности лица к совершению преступления, характеризующееся вероятностной природой познавательного вывода. Вероятностный характер подозрения обусловлен ограниченностью доказательственной базы на начальных этапах расследования и необходимостью дальнейшей проверки первоначальных версий: подозрение выражается в модальности возможности – «лицо могло совершить преступление на основании имеющихся данных», – однако этот вывод требует верификации.

Обвинение, напротив, должно выражаться в модальности действительности: «лицо совершило преступление». В этой формулировке заключена позиция органа расследования, располагающего достаточными доказательствами для её утверждения перед судом. Поэтому переход от подозрения к обвинению мы связываем с изменением качества процессуального знания. Вероятности причастности уже недостаточно. Первоначальная версия должна быть проверена в ходе расследования и подтверждена совокупностью установленных обстоятельств уголовного дела.

Впрочем, сводить обвинение к накоплению доказательств до некоторого условного предела было бы неверно. Оно может рассматриваться как итоговая процессуальная позиция стороны обвинения, в которой факты, доказательства и юридически значимые обстоятельства получают общую оценку и складываются в единую картину инкриминируемого деяния. Именно эта оценка позволяет обосновать вывод о виновности конкретного лица в той степени, которая необходима для дальнейшего движения уголовного дела.

Полагаем, что уточнить это различие позволяет категория стандарта доказывания. Для подозрения нужны данные, дающие разумные основания полагать, что лицо причастно к преступлению. Этот стандарт обозначается как «разумное подозрение» (*reasonable suspicion*) и предполагает наличие конкретных доказательственных данных, а не простых догадок или интуитивных предположений. Обвинение требует значительно более высокого стандарта доказанности, который в континентальной традиции может быть обозначен как «внутреннее убеждение в виновности, основанное на совокупности достаточных

доказательств»: орган расследования оценил все доказательства в их совокупности и пришёл к выводу о доказанности всех элементов состава преступления и причастности к нему конкретного лица.

Принципиальное различие между подозрением и обвинением проявляется также в субъектах, осуществляющих проверку соответствующих тезисов. Подозрение формулируется и проверяется одним и тем же органом – следователем или дознавателем, ведущим расследование. Здесь возникает риск предвзятости: выдвинув версию о причастности лица, следователь или дознаватель склонен искать её подтверждения и может недооценить опровергающие сведения. Противодействовать этому призвано требование всесторонности и объективности предварительного расследования, которое следует из анализа ч. 2 ст. 154 УПК РФ. Оно предполагает исследование и изобличающих, и оправдывающих обстоятельств. Однако само требование не устраняет психологических трудностей. Исследования принятия решений показывают устойчивость эффекта подтверждения (*confirmation bias*): человек непроизвольно отдаёт предпочтение информации, согласующейся с его прежними убеждениями. Следователь, уже сформулировавший обвинение, психологически связан этим выводом и склонен истолковывать новые доказательства в его пользу. Эффект приверженности ранее принятому решению (*commitment bias*) может усиливаться и организационно. Если руководство воспринимает изменение обвинения или отказ от него как признание ошибки либо некомпетентности, пересмотреть первоначальный вывод становится ещё труднее.

Обвинение, в отличие от подозрения, должно подвергаться проверке со стороны иного субъекта, не участвовавшего в расследовании и способного осуществить независимую оценку достаточности доказательств. Таким субъектом может выступать прокурор, который, получив уголовное дело с обвинительным заключением, оценивает обоснованность выводов следователя и принимает решение о направлении дела в суд либо иные процессуальные решения. Утверждая обвинительное заключение, прокурор принимает на себя

ответственность за поддержание обвинения в суде и тем самым реализует функцию процессуального фильтра, отсеивающего недостаточно обоснованные обвинения. Окончательная же проверка обвинения осуществляется судом в условиях состязательности, когда сторона обвинения обязана доказать каждый элемент обвинительного тезиса, преодолевая возражения стороны защиты и критическую оценку суда.

На наш взгляд, представленное разграничение функций проверки подозрения и обвинения соответствует общей логике построения уголовного процесса как системы последовательных фильтров, обеспечивающих минимизацию судебных ошибок. Подозрение проверяется в ходе расследования самим органом, его формулировавшим, что допустимо на начальных этапах, когда речь идёт о выдвижении версий и сборе первичной доказательственной информации. Обвинение должно проходить многоуровневую проверку: сначала прокурорскую, затем судебную при подготовке к судебному заседанию, и наконец судебную в условиях состязательного непосредственного исследования доказательств. Нарушение этой логики, когда обвинение формулируется в процессе расследования и не подвергается независимой проверке до его окончания, девальвирует само понятие обвинения, концептуально сближая его с подозрением.

В этой связи продуктивен взгляд на подозрение и обвинение как на формы осуществления уголовного преследования, обладающие относительной автономией и влияющие на характер и направленность преследования¹. В начале уголовного преследования его доминирующей формой является подозрение; по мере накопления достаточных доказательств для формулирования обвинения подозрение утрачивает адекватность как инструмент избоблительной деятельности и уступает место обвинению. Вместе с тем порядок привлечения лица в качестве обвиняемого по действующему УПК РФ, как отмечает ряд

¹ См.: Калинин А.В. Подозрение и обвинение как формы осуществления уголовного преследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 193-198.

исследователей, функционирует скорее как институционализация подозрения¹: поскольку расследование доминирует в модальности индуктивного познания – вероятностных умозаключений на основе неполного набора сведений, – любое категоричное утверждение о виновности может быть преждевременным и ошибочным, если оно не прошло необходимой верификации.

По мнению некоторых авторов, подозрение отличается от обвинения тем, что является характерным сугубо для розыскного типа уголовного процесса, в котором отсутствует явное разделение на стороны. В таком типе уголовного процесса лицо, находящееся в статусе подозреваемого, не функционирует как сторона, а выступает в роли объекта следственных действий. В этой связи на первый план выходит вопрос о необходимости обеспечения процессуальных гарантий и прав подозреваемого, поскольку его статус не предполагает активного участия в процессе доказывания².

В исследованиях подозрения и обвинения встречается и подход, при котором их различие сводится к степени эмпирической обоснованности вывода о причастности лица к преступлению. Основное внимание в этом случае уделяется гносеологической стороне обеих категорий³.

Мы считаем, что для разграничения подозрения и обвинения необходимо учитывать прежде всего порядок их формулирования и проверки. В рассматриваемой модели орган расследования утверждает, что лицо совершило преступление, по окончании досудебного производства, направляя дело прокурору. Проверка тезиса о виновности переходит к суду и требует строгого соблюдения состязательного порядка доказывания. У подозрения иная

¹ Петров И.В. Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 9. С. 135.

² См.: Антонов И.А., Горленко В.А. Цели уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальной реформы на современном этапе развития российского государства // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3. С. 7-12; Макаров Л.В., Портнов Ю.А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве – наследие прошлого или осознанная необходимость? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2010. Вып. 5. С. 191-192.

³ См.: Демин Д.В., Алексеев И.М. К вопросу об институционализации подозрения // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 124-127.

особенность: предположение о возможной причастности выдвигает и проверяет один субъект – следователь или дознаватель. Такое совпадение и порождает рассмотренные выше риски субъективизма¹.

С этим рассуждением согласуется предложение ряда учёных изменить порядок завершения досудебного производства. В предлагаемой ими модели составление обвинительного заключения одновременно инициирует привлечение лица в качестве обвиняемого, после чего материалы дела направляются прокурору для окончательного решения². Такой порядок способен решить практические затруднения, связанные с переквалификацией деяния и «перепривлечением» лиц в качестве обвиняемых. Он также позволяет рациональнее организовать досудебный этап и сократить возможности для злоупотреблений. Другое дело, что применение этой модели требует учёта особенностей российской правовой системы и рисков, сопровождающих адаптацию зарубежных процессуальных механизмов.

Разграничение подозрения и обвинения позволяет точнее оценить и порядок приобретения соответствующих статусов. По действующему УПК РФ лицо становится подозреваемым на ранних этапах уголовного преследования вследствие действий и решений, перечисленных в ч. 1 ст. 46. Для признания обвиняемым ч. 1 ст. 47 предусматривает вынесение постановления о привлечении в этом качестве, вынесение обвинительного акта либо составление обвинительного постановления. Доктрина предлагает различные варианты реформирования.

Одни авторы предлагают модернизировать имеющуюся процедуру привлечения в качестве обвиняемого, объединив в единый синкретичный процесс вынесение постановления, предъявление обвинения и разъяснение

¹ См. более подробно: Гаджиев И.А. Соотношение подозрения с обвинением // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 147-151.

² См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А.С. Александров и др. М.: изд-во «Юрлитинформ», 2015. 299 с.

возникающих прав и обязанностей¹. Другие настаивают на более радикальных подходах к реформированию досудебного этапа² – в частности, предлагается стандартизировать критерии для инициации подозрения, интегрировав уведомление о подозрении в процедурные рамки предварительного следствия; реформировать институт привлечения в качестве обвиняемого, отказавшись от его конструкции, определённой в гл. 23 УПК РФ; перенести предъявление обвинения на завершающий этап предварительного расследования; установить, что обвинительный акт, составленный после ознакомления сторон с материалами дела и утверждённый прокурором, является ключевым документом, направляемым в суд независимо от формы расследования; определить статус обвиняемого как лица, в отношении которого обвинительный акт утверждён прокурором³.

М.Ю. Колбеева настаивает на необходимости радикальной перестройки гл. 23 УПК РФ, предлагая адаптировать процессуальные нормы дознания для регулирования механизма уведомления лица о подозрении – подход, который, по её мнению, обеспечит информированность лица о возложенных обвинениях, не создавая препятствий для реализации права на защиту⁴. А.В. Калинин, в свою очередь, считает необходимым распространить действующую нормативную базу (ст. 223.1 УПК РФ) на уголовные дела, расследуемые в форме предварительного следствия⁵, с тем чтобы решение о признании лица

¹ См.: Абазалиев И.М. Проблемы процессуального положения подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Абазалиев Ильяс Муратович. Нижний Новгород, 2022. С. 192-193.

² См.: Гаврилов Б.Я. Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в XXI веке // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 17-18 апреля 2014 г. / под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2014. С. 20-21.

³ Черепанова Л.В. Процессуальный порядок придания уголовно преследуемому лицу статуса обвиняемого: сравнительный анализ современных российских процедур // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1(33). С. 143.

⁴ См.: Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Колбеева Марина Юрьевна. М., 2013. С. 155-156.

⁵ Калинин А.В. Сущность и история становления института подозрения в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 241.

подозреваемым было универсальным, не связанным ни с возбуждением уголовного дела, ни с задержанием, ни с избранием мер пресечения.

На наш взгляд, концептуальная реформа института обвинения в российском уголовном процессе должна исходить из последовательного разграничения подозрения и обвинения в структуре уголовного преследования. Подозрение должно характеризовать весь период досудебного производства, в течение которого орган предварительного расследования собирает доказательства, проверяет версии, устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию. Лицо, в отношении которого ведётся расследование, должно иметь статус подозреваемого независимо от применяемой формы расследования и мер уголовно-процессуального принуждения. Этот статус должен обеспечивать полный объём процессуальных прав, необходимых для защиты, — включая право знать существо подозрения, давать показания, пользоваться помощью защитника, представлять доказательства, заявлять ходатайства, обжаловать процессуальные решения.

Обвинение, по нашему мнению, следует формулировать только по завершении предварительного расследования. К этому моменту следователь или дознаватель должны прийти к внутреннему убеждению в виновности лица и собрать доказательства, достаточные для направления дела в суд. Процессуально этот переход необходимо связать с подготовкой итогового документа — обвинительного заключения, обвинительного акта либо обвинительного постановления. Именно тогда лицо должно приобретать статус обвиняемого. Орган расследования уже завершил собирание и проверку доказательств и сформулировал тезис, который предстоит проверить суду. Положение лица качественно меняется: прежде в отношении него проверялось подозрение, теперь сторона обвинения готова представить уголовное дело суду.

Предлагаемая модель предполагает упразднение института привлечения в качестве обвиняемого на стадии предварительного расследования, предусмотренного главой 23 УПК РФ. Статьи 171-175 УПК РФ, регламентирующие порядок привлечения в качестве обвиняемого и изменения

обвинения, должны быть исключены из УПК РФ. Часть первая статьи 47 УПК РФ должна устанавливать единственное основание признания лица обвиняемым: составление в отношении него обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления по завершении предварительного расследования.

Возможное возражение о том, что отказ от предъявления обвинения в ходе расследования лишит лицо важных процессуальных гарантий, поскольку оно не будет знать окончательной формулировки обвинения до завершения досудебного производства, не учитывает следующего. Подозреваемый уже обладает правом знать, в чём он подозревается, и это право, как было обосновано нами ранее, должно включать разъяснение существа подозрения – то есть конкретных действий или бездействия, вменяемых лицу, их юридической квалификации и фактических оснований. Тем самым объём информационных гарантий подозреваемого не уступает объёму гарантий обвиняемого при действующей системе, но при этом устраняются искусственные барьеры, порождаемые институтом промежуточного предъявления обвинения.

Сформулируем основные выводы по итогам параграфа.

1. История российской модели соотношения подозрения и обвинения позволяет увидеть противоречие между провозглашённой состязательностью и сохранением архаичных досудебных процедур советского периода. На наш взгляд, институт предъявления обвинения в ходе предварительного расследования, закреплённый в гл. 23 УПК РФ, сохраняет инквизиционные черты прежней системы и не отвечает современным стандартам уголовного судопроизводства. Законодатель частично отказался от него при дознании, но сохранил для предварительного следствия. Рационального основания для обусловленного этим различия процессуальных гарантий мы не находим.

2. В рассмотренных зарубежных правовых порядках прослеживается общая тенденция: обвинение служит границей между досудебным и судебным производством. В описанной англосаксонской модели его формулируют по стандарту «реалистичной перспективы осуждения», обозначая переход от

расследования к суду. В континентальных системах, в том числе германской и французской, период досудебного расследования характеризуется подозрением, а обвинение формируется по его завершении либо судебной инстанцией. Опыт ряда постсоветских государств, на наш взгляд, также подтверждает возможность и целесообразность отказа от предъявления обвинения в ходе расследования. Вместо этой процедуры используется единый статус подозреваемого на досудебном производстве.

3. Последовательно разграничить подозрение и обвинение в российском процессе мешают системные недостатки их регулирования. Часть 1 ст. 47 УПК РФ предусматривает несколько оснований признания лица обвиняемым и тем самым размывает содержательную границу между двумя статусами. Особенно показательным правило ст. 100: момент предъявления обвинения здесь связан со сроками, обусловленными применением мер принуждения, а не с завершением доказывания и формированием убеждения следователя в виновности лица. Мы усматриваем в этом ту же методологическую проблему, что и в ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Процессуальные действия и решения должны следовать из материального основания – подозрения либо обвинения. Сами по себе они не способны определять возникновение этого основания или изменение статуса лица.

4. С познавательной стороны подозрение и обвинение можно разграничить через категории модальной логики. Подозрение выражает возможность причастности лица к преступному событию; вероятностный характер этого вывода обусловлен ограниченностью доказательственной базы в начале расследования. Обвинение должно соответствовать модальности действительности и объединять установленные обстоятельства в целостную картину преступного деяния. Поэтому переход между ними нельзя объяснить только увеличением числа доказательств. Требуется качественное изменение знания: первоначальная версия должна получить достаточное подтверждение для формулирования обвинения. Если этого не произошло, её необходимо пересмотреть.

5. Для разграничения подозрения и обвинения важно также, кто выдвигает и кто проверяет соответствующий тезис. Подозрение формулирует и проверяет следователь или дознаватель. Такое совмещение создаёт риск когнитивных искажений, прежде всего эффекта подтверждения и приверженности ранее принятому решению. Обвинение должно проходить несколько уровней независимой проверки: прокурорскую при утверждении обвинительного заключения, акта или постановления; судебную при подготовке к судебному заседанию; наконец, окончательную судебную проверку в условиях состязательного и непосредственного исследования доказательств. Мы рассматриваем эту последовательность как систему процессуальных фильтров, позволяющую свести к минимуму судебные ошибки.

6. Недостатки действующей модели затрагивают и уголовное преследование, и защиту. Когда обвинение предъявляют в ходе расследования ради процессуального оформления меры пресечения, оно теряет значение завершённого тезиса и превращается в промежуточное предположение. По существу, его уже трудно отличить от подозрения. Одновременно сосуществуют два порядка: с предъявлением обвинения при предварительном следствии и без такой процедуры при дознании. Возникающее различие гарантий не имеет достаточного обоснования. При этом сам порядок дознания подтверждает, что обеспечить права преследуемого лица можно и без указанной процедуры.

7. Предлагаемая нами реформа основывается на последовательном разграничении подозрения и обвинения. Подозрение должно охватывать весь период досудебного производства, а соответствующий статус – обеспечивать права, необходимые для защиты, независимо от формы расследования и применённых мер принуждения. Обвинение следует формулировать только после завершения предварительного расследования, при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта либо обвинительного постановления. Для этого необходимо отказаться от действующей гл. 23 УПК РФ и закрепить в ч. 1 ст. 47 единое основание признания лица обвиняемым.

Глава 2. Предмет и пределы доказывания подозрения в уголовном процессе

2.1. Предмет доказывания подозрения в уголовном процессе

В первой главе мы рассмотрели сущность подозрения, его нормативное регулирование и соотношение с обвинением. Теперь необходимо выяснить, какие обстоятельства должны быть установлены, чтобы подозрение имело достаточное основание? От ответа на этот вопрос зависит и обоснованность уголовного преследования, и защита прав личности в самом начале производства по делу. Казалось бы, различие между предположением о возможной причастности лица и утверждением о совершении им преступления уже определено. Но провести его последовательно можно лишь тогда, когда ясно, что именно подлежит доказыванию при формировании подозрения.

Предмет доказывания относится к основным понятиям уголовно-процессуальной науки. Впрочем, единого понимания его содержания нет: многое зависит от правовой системы, законодательной модели и теоретических позиций исследователя. В доктрине преобладает определение предмета доказывания как системы фактов и обстоятельств, которые необходимо установить в уголовном процессе для разрешения материально-правовых вопросов. Главный из них – применение норм уголовного законодательства об уголовной ответственности¹. Эти обстоятельства, индивидуализированные в зависимости от специфики конкретного преступления, служат основой для

¹ См.: Семенцов В.А., Цацуру В.А. Трансформация научных представлений о предмете доказывания в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 6. С. 881-885; Чурилов С.Н. Предмет доказывания в уголовном процессе: проблемы, пути решения // Образование и право. 2020. № 11. С. 281-285; Шаров Д.В. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48). С. 2604; Петровский З.М. Предмет доказывания в уголовном процессе: понятие и содержание // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 1. С. 105-110.

реализации уголовной ответственности и обеспечения законности уголовного преследования.

Однако, предмет доказывания не выступает статичным конструктом: он модифицируется в соответствии с характером и сложностью уголовного дела, а также стадией производства¹. Указанная динамичность предопределяет необходимость дифференцированного подхода к его пониманию применительно к различным этапам уголовного преследования. В качестве общей модели для расследования и рассмотрения преступлений ст. 73 УПК РФ устанавливает перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, который охватывает событие преступления, виновность лица в его совершении, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер вреда, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, а также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

В существующих доктринальных подходах, на наш взгляд, остаётся нерешённой одна существенная проблема. Предмет доказывания обычно рассматривают применительно к обвинению; подозрение как самостоятельное процессуальное состояние получает заметно меньше внимания². Отсюда и связь предмета доказывания с выдвинутым обвинением, в частности с привлечением лица в качестве обвиняемого³. Между тем подозрение и обвинение выражают качественно разные этапы развития знания о причастности лица к преступлению. Если свести предмет доказывания к обстоятельствам, обосновывающим

¹ На указанную черту предмета доказывания обращается внимание в целом ряде научных работ. См., например: Бирюков С.Ю. Понятие, цель, предмет и пределы доказывания // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики, Волгоград, 13 ноября 2020 г. Волгоград: ИП Черняева Ю.И., 2020. С. 47-52; Горбачев К.Н. Понятие и предмет уголовно-процессуального доказывания // Молодой ученый. 2020. № 17 (307). С. 184-187; Цапуру В.А. Предмет доказывания в теории и практике современного уголовного судопроизводства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 70-76.

² Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Изд-во «Высш. образование», 2009. С. 137.

³ См.: Валиуллина А.А. Привлечение лица в качестве обвиняемого в соотношении с предметом доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 132-135.

обвинение, за пределами такого понимания останется начало уголовного преследования, когда ещё только требуется обосновать подозрение. Мы считаем такое сужение методологически неверным: оно не позволяет в полной мере объяснить познавательную деятельность на этом этапе процесса. Первоначально необходимо установить минимальный, но достаточный для начала уголовного преследования круг фактов. Речь идёт о времени и месте предполагаемого преступления, основных характеристиках самого события, первых данных о причастности определённого лица и предварительной оценке причинённого вреда.

Эмпирические данные, полученные в ходе настоящего исследования, подтверждают практическую значимость разграничения предмета доказывания подозрения и предмета доказывания обвинения. Проведённое нами анкетирование следователей и дознавателей показало, что подавляющее большинство респондентов (87%) признают существование принципиальной разницы между этими категориями; лишь 12,1% опрошенных не усматривают между ними различия¹. Столь высокий удельный вес практических работников, констатирующих дифференциацию, свидетельствует о том, что разграничение предмета доказывания на различных этапах уголовного преследования отражает реальные потребности правоприменительной практики, а не является абстрактной теоретической конструкцией.

Предмет доказывания подозрения тесно связан с правом подозреваемого на защиту, что придаёт ему дополнительное процессуально-правовое значение. Подозреваемый должен знать, на основе каких обстоятельств и фактов сформировано подозрение, – лишь в этом случае он располагает возможностью эффективно защищаться от выдвинутых в его адрес предположений. Правильное установление предмета доказывания подозрения способствует достижению баланса между необходимостью точного и обоснованного подозрения для эффективного уголовного преследования и правом подозреваемого знать

¹ См.: Приложение № 3.

конкретные обстоятельства и факты, это подозрение образующие. В этом проявляется диалектическое взаимодействие права на защиту и требований эффективного уголовного преследования: обстоятельства, входящие в предмет доказывания подозрения, определяют параметры, в рамках которых подозреваемый осуществляет защиту, обеспечивая реализацию принципа состязательности на досудебном производстве. Адекватное определение предмета доказывания подозрения обеспечивает тем самым соблюдение конституционного положения о том, что ограничение прав и свобод лица допустимо лишь в той мере, в какой это требуется для достижения законных целей уголовного преследования.

Предмет доказывания подозрения служит также отправной точкой для последующих процессуальных действий и решений, затрагивающих права подозреваемого, – в том числе для применения мер уголовно-процессуального принуждения и проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права. Он выступает связующим звеном между подозрением и обвинением, и его правильное определение значимо для обеспечения законности всего предварительного расследования. Поэтому уже в начале уголовного преследования необходимо внимательно оценить доступные сведения и определить, какие обстоятельства они позволяют установить. Подозрение должно опираться на реальные, проверяемые факты. Именно такая основа позволяет избежать произвольного или необоснованного подозрения¹.

В отечественной уголовно-процессуальной доктрине обоснованно отмечается, что юридические факты, с которыми связано приобретение статуса подозреваемого, должны непосредственно относиться к самому подозрению, а значит, и к предмету его доказывания². При обращении к закону, однако,

¹ См. более подробно об этом: Гаджиев И.А. О предмете доказывания подозрения // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 210-213.

² См.: Майорова Л.В. Обоснованность подозрения в российском уголовном процессе // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь-Алушта, 24-25 апреля 2015 года. Симферополь-Алушта: Издательство Диайпи, 2015. С. 48-50; Сопнева Е.В. Основания принятия решения о подозрении и подозреваемом // Библиотека криминалиста.

обнаруживается несогласованность. По логике законодателя возбуждение дела в отношении конкретного лица должно сопровождаться формулированием подозрения в его адрес. Но ч. 2 ст. 146 УПК РФ, устанавливающая содержание постановления о возбуждении уголовного дела, не требует изложения существа этого подозрения. Такое противоречие свидетельствует об отсутствии корреляции между юридическими фактами, определяющими статус подозреваемого согласно УПК РФ, и предметом доказывания подозрения, что порождает различное толкование требований уголовно-процессуального законодательства в правоприменительной практике.

Судебная практика демонстрирует диаметрально противоположные подходы к решению данного вопроса. В апелляционном постановлении от 17 декабря 2020 года по делу № 3/10-237/2020 Ставропольский краевой суд констатировал, что при проверке законности и обоснованности решения о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ судья не может делать выводы о фактических обстоятельствах уголовного дела и юридической квалификации совершённого деяния, поскольку на данной стадии закон не предполагает необходимости установления конкретного состава преступления¹. Напротив, в апелляционном постановлении от 25 мая 2022 года по делу № 3/10-5/22 Ярославский областной суд констатировал законность и обоснованность постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, поскольку оно содержало указание на наличие уголовно наказуемого деяния и его квалификацию, приводило конкретные действия лица, время и обстоятельства их совершения². Указанная противоречивость подтверждает

Научный журнал. 2016. № 6 (29). С. 119-126; Дикарев И.С., Никонович С.Л. Выдвижение подозрения в уголовном процессе // Вестник военного права. 2021. № 3. С. 7-12; Калинкина Л.Д. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по заявлению, рассмотрению и разрешению ходатайств о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 93-96.

¹ Апелляционное постановление № 22К-6337/2020 Ставропольского краевого суда от 17 декабря 2020 г. по делу № 3/10-237/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/dKA503DP01gP/> (дата обращения 20.05.2026).

² Апелляционное постановление № 22-1037/2022 22К-1037/2022 Ярославского областного суда от 25 мая 2022 г. по делу № 3/10-5/22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ZcrLee3Z5f65/> (дата обращения 20.05.2026).

отсутствие единообразного понимания предмета доказывания подозрения на этапе возбуждения уголовного дела. Как указывает И.В. Смолькова, при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица констатируется лишь предположение, которое в ходе дальнейшего расследования станет утверждением или будет опровергнуто, – тогда как вынесение постановления о возбуждении уголовного дела не выступает утверждением о совершении лицом деяния, запрещённого уголовным законом¹.

На наш взгляд, при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица требуется располагать достаточными данными как минимум о трёх группах обстоятельств, составляющих предмет доказывания подозрения на этом этапе: о наличии деяния, содержащего признаки объективной стороны состава преступления; об участии конкретного лица в совершении этого деяния; о данных, позволяющих индивидуализировать это лицо. Структурирование названных обстоятельств в указанном виде детализирует подозрение при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица и способствует обеспечению его обоснованности.

Другое дело – возбуждение уголовного дела по заявлению потерпевшего или его законного представителя, поданному в суд. Часть 5 ст. 318 УПК РФ требует указать в заявлении событие преступления, место, время и обстоятельства его совершения, а также сведения о лице, в отношении которого ставится вопрос об уголовной ответственности. По нашему мнению, эти обстоятельства должны определять содержание подозрения и входить в предмет его доказывания. При этом сама процедура, предусмотренная ст. 318 УПК РФ, скорее свидетельствует о возникновении частного обвинения, чем о формировании подозрения в полном процессуальном смысле. Преследование направлено против конкретного лица, но соотношение подозрения и частного обвинения в этой процедуре остаётся концептуально неопределённым.

¹ Смолькова И.В. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица как основание его признания подозреваемым (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4. С. 71.

Связь с предметом доказывания подозрения прослеживается и в основаниях задержания, закреплённых в ст. 91 УПК РФ. Задержание допустимо лишь при наличии подозрения в совершении преступления, а значит, к этому моменту у органа дознания, дознавателя или следователя уже должны иметься сведения, указывающие на возможную причастность лица к преступному деянию. Только при наличии предусмотренных ст. 91 УПК РФ оснований такое подозрение может повлечь применение задержания как меры процессуального принуждения¹. Основания задержания, предусмотренные ч. 1 ст. 91 УПК РФ, имеют не только процессуальное, но и доказательственное значение. Они выражают конкретные фактические обстоятельства, позволяющие связать определённое лицо с событием преступления и тем самым входят в содержание предмета доказывания подозрения. Так, задержание лица, застигнутого при совершении преступления либо непосредственно после его совершения, опирается на факт его физического присутствия в месте и времени, непосредственно связанных с преступным событием. Указание потерпевших или очевидцев на конкретное лицо также образует значимый источник сведений о возможной причастности, поскольку персонализирует подозрение и даёт возможность направить дальнейшую проверку на определённого субъекта. Обнаружение явных следов преступления на лице, его одежде, при нём либо в его жилище свидетельствует о наличии материальных признаков, требующих последующей проверки и оценки. Такие обстоятельства сами по себе ещё не означают доказанности виновности, однако они способны подтвердить связь лица с преступным событием, его местом, последствиями либо иными фактическими элементами расследуемого деяния. Следовательно, основания задержания не подменяют предмет доказывания подозрения, а конкретизируют его отдельные стороны: присутствие лица на месте преступления или рядом с ним, указание на него со стороны потерпевших и очевидцев, наличие следов

¹ См.: Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 9-16.

преступления, а также возможную предварительную связь лица с расследуемым событием.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о предмете доказывания при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого. В уголовно-процессуальной теории предлагается выделять «специальный» предмет доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом, перспективная природа оснований которого предопределяет необходимость отражения объективных сведений, указывающих на высокую степень вероятности противоправного поведения подозреваемого в будущем¹. В частности, прогноз поведения подозреваемого предлагается строить на трёх группах установленных обстоятельств. Одни указывают на причастность конкретного лица к преступлению, другие обосновывают целесообразность избрания меры пресечения, третьи характеризуют личность подозреваемого².

О.Г. Иванова предлагает несколько иначе сгруппировать обстоятельства, которые требуется доказать при избрании меры пресечения. В её классификации обоснованность подозрения связывается с тяжестью и общественной опасностью возможно совершённого преступления. Наряду с этим выделяются факты уже предпринятых противоправных действий: сокрытия следов преступления, воздействия на свидетелей и потерпевших, уклонения от органов уголовного преследования и суда. Отдельную группу составляют факты, указывающие на высокую вероятность таких действий в будущем³. Центральное

¹ См.: Бурцев С.Н., Якупова С.Р. Оценка обоснованности подозрения при принятии судом решения об избрании меры пресечения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы межвуз. науч.-практ. конф., Тула, 16 марта 2020 года / отв. ред. Н.В. Кабакова. Тула: Тульский государственный университет, 2020. С. 37-42.

² См.: Колпакова Л.А. Предмет доказывания при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий // Актуальные проблемы предварительного расследования: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 17 апреля 2020 г. / составители Т.В. Валькова, В.В. Долгаев. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2020. С. 81- 85; Джафарова Э.С. Предмет доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом // сб. ст. IV Междунар. науч.-исслед. конкурса в 2 частях, Пенза, 12 июня 2021 г. Том Ч. 2. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 129-132.

³ См.: Иванова О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванова Ольга Геннадьевна. Красноярск, 2019. С. 82, 113.

место в предмете доказывания при судебном избрании меры пресечения автор отводит причастности лица к преступлению: именно она позволяет оценить степень обоснованности подозрения. Н.А. Симагина, в свою очередь, предлагает учитывать более широкий круг обстоятельств при решении вопроса о мере пресечения¹.

Положение п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, согласно которому лицо признаётся подозреваемым при применении к нему меры пресечения до предъявления обвинения, представляется внутренне несогласованным с содержанием ст. 100 УПК РФ. Последняя допускает избрание меры пресечения уже в отношении подозреваемого. Кроме того, п. 13 ст. 5 УПК РФ определяет избрание меры пресечения как принятие соответствующего решения в отношении подозреваемого либо обвиняемого. Следовательно, появление статуса подозреваемого не должно выводиться из самого факта применения меры пресечения; напротив, такая мера может быть избрана лишь при наличии уже сформированного подозрения. Такое внутреннее противоречие ещё раз свидетельствует о концептуальной ошибке законодателя, смешивающего материальное основание процессуального статуса с процессуальными формами его оформления, – на что уже обращалось нами внимание ранее.

Позиция Верховного Суда РФ подтверждает центральное значение обоснованности подозрения для принятия решений о применении мер уголовно-процессуального принуждения. В обзоре практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей акцентируется необходимость наличия обоснованного подозрения для принятия решения о данной мере пресечения; отмечается, что при недостаточности данных, подкрепляющих обстоятельства подозрения, суды правильно отказывают в удовлетворении соответствующих ходатайств. В то же время подчёркнуто, что доказывание

¹ Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Симагина Наталья Анатольевна. М., 2019. С. 128.

подозрения не может ограничиваться только фактами, подтверждающими событие преступления, но должно включать данные о связи конкретного лица с этим событием¹.

В теории высказывается точка зрения о том, что в отечественном УПК вопрос о конкретных обстоятельствах, подлежащих доказыванию к моменту выдвижения подозрения, законодательно разрешён только в случае, когда лицо получает статус подозреваемого в связи с уведомлением о подозрении в совершении преступления². В связи с этим предлагается распространить институт уведомления о подозрении и на расследование в форме предварительного следствия, сделав его универсальным основанием присвоения лицу процессуального статуса подозреваемого³. При этом отдельные авторы указывают, что при формализации уведомления о подозрении в сферу доказывания проникают исключительно элементы объективной стороны состава преступления⁴. Полагаем, что подобный подход неоправданно ограничивает комплексность доказательственного процесса, исключая из него обстоятельства субъективной стороны совершённого преступления – мотивы, цель, умысел, – которые являются неотъемлемой частью уголовно-правовой оценки деяния и установления причастности конкретного лица к его совершению.

Однако некоторые авторы утверждают, что содержание уведомления о подозрении совпадает с содержанием постановления о привлечении лица в

¹ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/law/obzor-praktiki-rassmotreniia-sudami-khodataistv-ob-izbranii/> (дата обращения 20.05.2026).

² Манова Н.С. Об основаниях и процедуре выдвижения подозрения в российском уголовном процессе // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола, Москва, 19 декабря 2017 года / отв. ред. Ершов В.В. М.: РГУП, 2018. С. 116.

³ Николаева Т.А. Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Николаева Татьяна Анатольевна. Нижний Новгород, 2021. С. 16.

⁴ Федулов А.В. Уведомление о подозрении в современном уголовном процессе как юридическое основание начала действия презумпции подозрения // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 561.

качестве обвиняемого и что эти два решения идентичны по своей правовой природе¹. На наш взгляд, такая позиция вызывает принципиальные возражения. *Во-первых*, рассматриваемые решения не идентичны по своему содержанию, поскольку в каждом из них используются разные уровни доказательственной базы. *Во-вторых*, если уведомление о подозрении и постановление о привлечении в качестве обвиняемого совпадают по содержанию, возникает закономерный вопрос о целесообразности их одновременного существования в рамках одной процессуальной стадии, что противоречит логике последовательного развития уголовного преследования от подозрения к обвинению.

В теории выдвигается и позиция о схожести уведомления о подозрении с предъявлением обвинения, согласно которой в основе уведомления лежит предварительный вывод о виновности привлекаемого лица². Сторонники данной позиции рассматривают подозрение как выражение определённого эпистемологического отношения к вопросу о виновности лица. В их понимании оно включает предварительный вывод о возможной виновности и убеждённость правоприменителя в том, что имеющиеся факты достаточны для первоначального заключения о причастности лица к преступлению³.

Вместе с тем такой подход нуждается в уточнении. Подозрение по своей природе не тождественно обвинению и не должно описываться как вывод о виновности. Более корректно рассматривать его как предположение о возможной причастности лица к преступлению, основанное на проверяемых фактических данных. Апелляция к «выводу о виновности» размывает границу между подозрением и обвинением и создаёт риск преждевременной оценки лица

¹ Татьяна Л.Г., Бычкова К.Г. Указ. соч. С. 23.

² Власенко Д.В. Основания признания лица подозреваемым в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Власенко Денис Владимирович. Ставрополь, 2008. С. 24.

³ Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Калинин Алексей Владимирович. Саратов, 2016. С. 9.

как виновного на стадии, когда доказательственная база ещё не позволяет делать окончательные выводы.

В доктрине представлен и иной подход, согласно которому уведомление о подозрении основывается на убеждении дознавателя в совершении преступления определённым лицом¹. При таком понимании на первый план выходит индивидуальное убеждение должностного лица о том, что конкретный субъект является исполнителем преступного деяния. Однако и эта позиция вызывает вопросы: убеждённость дознавателя должна иметь не субъективный, а доказательно подтверждённый характер и не может подменять собой процессуальные критерии обоснованности подозрения. Данный подход ставит вопросы о том, как убеждённость дознавателя коррелирует с объективными обстоятельствами и фактами, как она может быть подвергнута процессуальной проверке и как влияет на последующие этапы уголовного процесса. Однако, субъективное убеждение дознавателя само по себе не может служить достаточным основанием для формирования подозрения – оно должно базироваться на объективных доказательственных данных, лежащих в основе предмета доказывания.

Законодательная конструкция признания лица подозреваемым на основе письменного уведомления о подозрении, предусмотренная п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, прямо предполагает необходимость наличия оснований подозревать лицо в совершении преступления и требует от органов уголовного преследования конкретных, проверяемых и обоснованных фактов. Как пишет О.А. Наumenко, исходя из анализа данной нормы, подозрение должно быть точно и подробно сформулировано². Точность и подробность формулирования подозрения в этом случае приобретают особое значение, поскольку уведомление о подозрении создаёт правовую определённость для подозреваемого относительно содержания выдвинутого в его адрес предположения о причастности к преступлению.

¹ Иванов Е.Е. Уведомление в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванов Евгений Евгеньевич. М., 2020. С. 155.

² Наumenко О.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Наumenко Оксана Александровна. Краснодар., 2014. С. 66.

В уведомлении о подозрении в совершении преступления должно содержаться описание преступления, включающее фактические обстоятельства, которые, как предполагается, составляют преступное деяние (п. 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ). Законодатель отдельно указывает на необходимость отражения места и времени совершения преступления – обстоятельств, призванных детализировать возможное местопребывание подозреваемого в определённый временной момент, что принципиально значимо для установления причастности. В уведомлении также требуется указывать иные обстоятельства, подлежащие доказыванию согласно п. п. 1 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, – то есть событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства) и характер и размер причинённого вреда.

Соответственно, все иные обстоятельства ст. 73 УПК РФ, по мнению законодателя, не включаются в предмет доказывания подозрения на данном этапе, поскольку становятся релевантными на более поздних моментах расследования. Однако именно здесь содержащиеся в п. 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ формулировки вызывают принципиальные критические вопросы: почему из предмета доказывания подозрения исключены обстоятельства, связанные с субъектом и субъективной стороной преступления? Концентрация доказывания подозрения исключительно на обстоятельствах объекта и объективной стороны преступления ведёт к ограниченности и односторонности познавательной деятельности. Особенно отчётливо эта проблема проявляется при расследовании сложных преступлений с участием нескольких лиц. Здесь для оценки роли конкретного участника могут понадобиться сведения об умысле, мотиве и характере его участия, то есть о субъективных признаках деяния. Если оставить их за пределами предмета доказывания подозрения, вывод о причастности рискует оказаться преждевременным или недостаточно обоснованным. Последствия затрагивают и права подозреваемого, и результативность уголовного преследования.

При формировании и проверке подозрения прежде всего необходимо выяснить, что связывает конкретное лицо с преступлением. Такие данные дают

основание для придания ему статуса подозреваемого и обоснования последующих решений о задержании, мере пресечения, следственных действиях и других мерах, связанных с расследованием. По сути, предмет доказывания подозрения должен охватывать доступные факты, совокупность которых позволяет сделать предварительный вывод о вероятной причастности лица. Это может быть его присутствие на месте преступления, наличие мотива, связь с орудиями преступления или с другими участниками. Перечень остаётся открытым: значение могут иметь и иные факты, относящиеся к инкриминируемому деянию, если оценивать их во взаимной связи.

Здесь необходимо разграничить обстоятельства причастности и обстоятельства виновности¹. Говоря о причастности, мы имеем в виду возможное участие лица в преступлении и его роль в нём. Виновность же представляет собой окончательный юридический вывод: лицо совершило преступление и несёт за него уголовную ответственность. В познавательном отношении установление причастности предшествует установлению виновности. Однако это не делает две группы обстоятельств взаимозаменяемыми, поскольку юридические и процессуальные последствия у них различны. На этом же различии основано соотношение подозрения и обвинения: первое опирается на установление причастности, второе предполагает доказанность виновности.

В практике, впрочем, это разграничение выдерживается не всегда. По одному из уголовных дел, возбуждённых по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, дознаватель просил суд прекратить дело по подозрению с назначением судебного штрафа. В ходатайстве отмечалось, что лицо признаёт совершение деяния небольшой тяжести, согласно с

¹ В некоторых современных исследованиях в теории уголовного процесса также обращается внимание на дифференциацию причастности и виновности. См., например: Костенко Р.В. Виновность лица в совершении преступления как обстоятельство, подлежащее доказыванию // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 50-летию образования кафедры уголовного процесса: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2022. Ч. 1. Стр. 220-226.

предъявленным подозрением, подтверждает обстоятельства произошедшего и раскрывается. Суд учёл согласие подозреваемого с изложенным подозрением и признание им фактических обстоятельств дела, после чего удовлетворил ходатайство¹. На наш взгляд, этот пример показывает небрежное обращение с категориями «обвинения» и «вины»: они переносятся на подозреваемого, хотя концептуально относятся к обвиняемому. Пока обвинение не сформулировано, говорить о признании подозреваемым вины нельзя. Он может подтвердить либо опровергнуть фактические обстоятельства, образующие предмет доказывания подозрения. Такое смешение терминологии свидетельствует о недостаточном понимании различий между предметом доказывания подозрения и предметом доказывания обвинения и создаёт риски нарушения прав подозреваемого.

В одном из дел суд кассационной инстанции указал, что постановление суда первой инстанции о заключении под стражу содержало формулировку о наличии в материалах достаточных данных, позволяющих сделать вывод о событии преступления и причастности к нему подозреваемой. По мнению кассационного суда, такая формулировка свидетельствовала о предreshении вопроса как о причастности лица, так и о самом наличии события преступления².

Такая позиция представляется спорной. Установление данных, указывающих на предполагаемую связь лица с преступным событием, образует предмет проверки обоснованности подозрения и выступает необходимым условием применения мер уголовно-процессуального принуждения. Судья, рассматривающий ходатайство об избрании меры пресечения, не вправе уклоняться от оценки этих данных, поскольку именно через такую проверку определяется, имеется ли достаточная фактическая основа для ограничения прав

¹ Постановление о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа Печорского городского суда (Республика Коми) от 12 мая 2020 г. по делу № 1-170/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Znu67Flf89O/> (дата обращения 20.05.2026).

² Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2021 г. № 77-1629/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=40474#ChH3ctTY7I6nIQ51> (дата обращения 20.05.2026).

лица. Предрешением вопроса о виновности было бы утверждение о том, что лицо совершило преступление. Иной характер имеет вывод о наличии сведений, подтверждающих возможную причастность лица к расследуемому событию: он относится не к окончательному разрешению дела, а к проверке разумности и обоснованности подозрения. Смешение этих понятий может привести к обратному эффекту, когда суды, опасаясь обвинений в предрешении, будут избегать полноценной оценки материалов при решении вопроса о мере пресечения.

Позиция Пленума Верховного Суда РФ также указывает на то, что обоснованность подозрения связана с наличием данных о причастности конкретного лица к преступному деянию. Поэтому при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу судья должен проверять, содержат ли представленные материалы конкретные и проверяемые сведения, позволяющие предварительно связать лицо с совершённым преступлением¹.

Высказанная Пленумом Верховного Суда РФ точка зрения имеет следующие импликации для понимания предмета доказывания подозрения. *Во-первых*, его содержание в значительной степени сосредоточено на фактах и обстоятельствах, указывающих на причастность, что принципиально отличает его от предмета доказывания обвинения, фокусирующегося на виновности. *Во-вторых*, предмет доказывания подозрения должен быть достаточно конкретным, чтобы обосновать причастность лица к совершённому преступлению, не требуя при этом той степени детализации и полноты, которая необходима для обвинения. Обстоятельства причастности позволяют установить лицо, которое может быть субъектом преступления, и получить сведения о его характере, мотивах и возможных намерениях. Тем самым они помогают выяснить субъективную сторону деяния. Значение этих сведений, однако, не

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 (действующая редакция) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий». [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ab71000913c606e8727d1a4cae1ad5e23511d954/ (дата обращения 20.05.2026).

ограничивается первоначальным подозрением. В дальнейшем от них могут зависеть выводы о степени участия лица в преступлении, его месте в преступной иерархии и об отнесении деяния к определённой категории преступлений.

Таким образом, под предметом доказывания подозрения мы понимаем совокупность обстоятельств, которые необходимо установить для выдвижения обоснованного подозрения в совершении преступления конкретным лицом. В эту совокупность должны входить как минимум четыре группы: обстоятельства события преступления; обстоятельства причастности лица; данные о личности подозреваемого; характер и размер причинённого преступлением вреда. Центральное место занимает причастность. Именно этот элемент отличает предмет доказывания подозрения от предмета доказывания обвинения.

В пользу такого подхода говорят и результаты проведённого нами опроса. Большинство практических работников (77,58%) согласились с тем, что предмет доказывания подозрения должен включать разные группы обстоятельств и рассматриваться в комплексе. Не считают необходимым включение всех названных групп 16,14% респондентов¹.

Рассмотренные элементы в совокупности обеспечивают всесторонность и обоснованность уголовного преследования подозреваемого, одновременно выступая гарантией его прав и законных интересов. При этом превращать их в закрытый, неизменный перечень было бы неверно. Конкретное деяние может потребовать установления иных обстоятельств, если они имеют значение для обоснования подозрения.

Предмет доказывания подозрения связан и с квалификацией деяния. Устанавливая входящие в него обстоятельства, правоприменитель получает фактическую основу для выбора соответствующих норм УК РФ. Если подозрение подтверждается при расследовании, эта основа позволяет перейти к детальной уголовно-правовой оценке деяния. Новые данные, появляющиеся в процессе расследования, могут изменить первоначальную квалификацию, что в

¹ См.: Приложение № 3.

свою очередь потребует пересмотра и детализации предмета доказывания подозрения. В целом предмет доказывания подозрения и квалификация деяния подозреваемого находятся в неразрывной взаимосвязи, образуя основу для юридически обоснованного и эффективного уголовного преследования.

В этом плане показателен опыт Республики Казахстан. УПК Казахстана содержит самостоятельную главу 25, регулиующую признание лица подозреваемым и определение квалификации деяния подозреваемого. Из положений данной главы следует, что при наличии сведений о совершении преступления определённым лицом и при отсутствии необходимости его задержания органы досудебного расследования выносят постановление о признании лица подозреваемым¹. Данный документ с прилагаемыми доказательствами направляется прокурору для согласования. При согласии прокурора соответствующее должностное лицо досудебного производства принимает мотивированное постановление о квалификации деяния, в связи с которым лицо приобретает статус подозреваемого. Такое постановление становится процессуальной основой для дальнейших действий по делу и определяет рамки последующей проверки выдвинутого подозрения. Если в ходе расследования появляются сведения, требующие изменения либо дополнения первоначальной квалификации, выносится новое постановление, которое также подлежит согласованию с прокурором. Если же подозрение не подтверждается, уголовное преследование прекращается в соответствующей части. Заинтересованных лиц уведомляют о принятом решении и в установленном порядке вручают им его копии.

В рассмотренной процедуре подозрение формируется поэтапно, и каждому этапу соответствуют свои требования. На наш взгляд, этот опыт заслуживает внимания при совершенствовании российского уголовно-процессуального законодательства. Он показывает, как можно подробнее урегулировать

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения 20.05.2026).

формирование подозрения и усилить прокурорский контроль, связав его с проверкой обоснованности подозрения и защитой прав лица.

Подведём итоги проведённого анализа.

1. Предмет доказывания подозрения – это совокупность обстоятельств, которые необходимо установить для выдвижения обоснованного подозрения в совершении преступления конкретным лицом. Мы выделяем в нём четыре группы: событие преступления, включая время, место, способ и иные обстоятельства; причастность лица к преступлению; данные о личности подозреваемого; характер и размер причинённого вреда. Причастность занимает среди них центральное, системообразующее место и отличает предмет доказывания подозрения от предмета доказывания обвинения. Однако этот перечень не следует считать исчерпывающим. В зависимости от особенностей деяния может потребоваться установление и других обстоятельств, значимых для обоснования подозрения.

2. В российской уголовно-процессуальной науке преобладает рассмотрение предмета доказывания через обвинение. Мы видим в этом методологическую проблему: такой подход не учитывает качественного различия между предположением о возможной причастности и утверждением о совершении преступления. В результате понимание познавательной деятельности в уголовном процессе оказывается суженным. За его пределами остаётся специфика начала уголовного преследования, когда требуется обосновать именно подозрение.

3. Процессуальные основания признания лица подозреваемым не вполне согласованы с требованиями к содержанию решений, оформляющих этот статус. Так, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица по замыслу законодателя должно одновременно фиксировать возникновение подозрения. Между тем ч. 2 ст. 146 УПК РФ не требует самостоятельно и развёрнуто излагать существо подозрения в постановлении о возбуждении дела. В этом и проявляется выявленное противоречие: статус возникает, а содержание подозрения не получает необходимого закрепления.

4. Основания задержания и избрания меры пресечения по-разному связаны с предметом доказывания подозрения. Обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, указывают на причастность лица к преступлению и входят в этот предмет. Другое значение имеют попытка скрыться, отсутствие постоянного места жительства и неустановленность личности, названные в ч. 2 ст. 91 УПК РФ. Непосредственной связи с причастностью к преступлению у них нет, поэтому они не относятся к обстоятельствам предмета доказывания подозрения. Такое же разграничение требуется при избрании меры пресечения. Здесь подлежат доказыванию три группы обстоятельств: указывающие на причастность лица, обосновывающие целесообразность меры пресечения и характеризующие личность подозреваемого.

5. Регламентация уведомления о подозрении, на наш взгляд, неоправданно сужает предмет его доказывания. Пункт 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ ограничивает содержание уведомления обстоятельствами объективной стороны состава преступления, оставляя за его пределами мотив, цель и умысел. Между тем без этих сведений в ряде случаев невозможно достаточно полно установить обстоятельства причастности. Особенно заметен этот недостаток при расследовании сложных преступлений с несколькими участниками, а также тогда, когда причастность конкретного лица требует установления субъективных признаков деяния.

6. Центральный элемент предмета доказывания подозрения – причастность лица к преступлению. Речь идёт о его возможном участии и роли в преступном событии. Эти обстоятельства следует последовательно отличать от виновности, которая выражает окончательный юридический вывод о совершении лицом преступления и об ответственности за него. Подмена одного другим стирает границу между подозрением и обвинением.

2.2. Пределы доказывания подозрения в уголовном процессе

В предыдущем параграфе мы определили, какие обстоятельства необходимо установить, чтобы обосновать подозрение в связи конкретного лица с совершённым преступлением. Однако определение круга таких обстоятельств само по себе не отвечает на вопрос о том, в какой степени они должны быть доказаны для признания подозрения обоснованным? Данный вопрос образует проблематику пределов доказывания подозрения: эта категория характеризует не содержательную сторону познавательной деятельности (что доказывается), а её количественно-качественный аспект (насколько должно быть доказано).

В российской уголовно-процессуальной науке сложилось доминирующее понимание пределов доказывания как степени доказанности обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела¹. Данная дефиниция, разделяемая большинством исследователей, акцентирует внимание на количественно-качественной характеристике познавательной деятельности, принципиально отличающей пределы доказывания от его предмета². Если предмет определяет

¹ См.: Анпилогова Т.С. Соотношение пределов доказывания на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства // Российский следователь. 2019. № 2. С. 3-5; Морозова Н.В., Малашенко П.К. Проблемы определения следователем пределов доказывания // Актуальные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях: сб. ст. по материалам круглых столов, Орел, 25 сентября 2019 года. Орел: Орловский юридический институт МВД РФ имени В.В. Лукьянова, 2020. С. 46-52; Торопов С.А., Сорокин Р.С. Оценка достаточности пределов доказывания на этапе окончания досудебного расследования // Крымский научный вестник. 2020. № 2 (27). С. 60-64; Брянская Е.В., Лантух Э.В., Хлыстова Н.Б. Пределы доказывания и достаточность в свете концепции ключевых доказательств в уголовном судопроизводстве России // сб. науч. работ серии "Право". 2021. № 4 (24). С. 215-227; Жук М.Я. Особенности и пределы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела // Правовая политика в современном обществе: сб. ст. Всеросс. науч.-практ. конф. к 85-летию доктора юридических наук, профессора З.З. Зинатуллина, Ижевск, 20 января 2023 года. Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2023. С. 132-136.

² См.: Буторина А.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // NovaUm.Ru. 2020. № 25. С. 169-173; Нечаев В.В. Актуализация категории «пределы доказывания» в системе уголовно-процессуальной деятельности // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф., пос. Старотеряево, 20 марта 2020 года. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2020. С. 161-164; Мартыненко С.Б. О пределах доказывания как степени доказанности обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития:

круг обстоятельств, подлежащих установлению, то пределы характеризуют уровень убедительности, которого должны достигнуть собранные доказательства для принятия соответствующего уголовно-процессуального решения.

В зарубежной уголовно-процессуальной науке можно встретить различные позиции по вопросу о пределах доказывания, адаптированные под определённые законодательные системы или правоприменительные практики. Данные концептуальные рамки представляют интерес для сравнительно-правового анализа и могут быть полезными для общего понимания того, как рассматривать пределы доказывания с разных точек зрения¹.

Пределы доказывания находятся в неразрывной связи с предметом доказывания, образуя с ним диалектическое единство познавательной деятельности в уголовном процессе. Традиционный подход отечественной доктрины исходит из того, что пределы доказывания детерминированы предметом: объём и характер обстоятельств, подлежащих установлению, непосредственно влияют на определение степени их доказанности, необходимой для принятия процессуального решения². На наш взгляд, применительно к подозрению эта связь проявляется в том, что установленный предмет

материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 2 декабря 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 180-184.

¹ См., например: Mariniello, T. (2015). Questioning the Standard of Proof: The Purpose of the ICC Confirmation of Charges Procedure. *Journal of International Criminal Justice*, 13 (3), Pages 579-599; Giannouloupoulos, D. (2018). *Improperly Obtained Evidence in Anglo-American and Continental Law*. Oxford: Hart Publishing. 292 Pages; Rozenbergs, J. (2022). Permissibility of the Reverse Burden of Proof and its Limits in Criminal Proceedings in the Context of the Presumption of Innocence. *Journal of the University of Latvia. Law*, 15, Pages 266-281.

² См.: Бирюков С.Ю. Понятие, цель, предмет и пределы доказывания // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики, Волгоград, 13 ноября 2020 года. Волгоград: ИП Черняева Ю.И., 2020. С. 47-52; Макеева И.В. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 60-67; Брижатов Е.А. Предмет и пределы доказывания в уголовных делах: понятие, содержание, проблемы определения // Научные высказывания. 2022. № 15 (23). С. 43-46; Гриценко Т.В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: проблемы правового регулирования // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2022. № 2 (47). С. 73-77; Суденко В.Е. Понятие предмета доказывания и его пределы // Военное право. 2022. № 4 (74). С. 208-215.

доказывания подозрения (событие преступления, причастность конкретного лица, данные о личности подозреваемого, характер и размер вреда) определяет границы познавательной деятельности, в рамках которых должна быть достигнута достаточная степень убеждённости в возможной причастности лица к преступлению.

Такое теоретическое положение находит подтверждение в специальных исследованиях института подозрения. Как справедливо отмечает Е.В. Сопнева, «понятие и содержание подозрения дают возможность заложить основы предмета установления подозрения и пределов деятельности. К предмету можно отнести обстоятельства, устанавливающие факт совершения преступления, указывающие на конкретное лицо, и подтверждающие причастность к преступлению этого лица. Пределы связаны с определением необходимой и достаточной совокупности данных, получаемых как в рамках процессуальной, так и вне (до) процессуальной деятельности»¹. Однако предложенное разграничение нуждается в уточнении: указание на то, что пределы связаны с определением необходимой и достаточной совокупности данных, ставит вопрос о критериях такой достаточности, который и образует центральную проблему исследования пределов доказывания подозрения.

По нашему мнению, существенным показателем пределов доказывания выступает достаточность данных или доказательств, обосновывающих границы доказанности значимых обстоятельств и фактов уголовного дела. Требуемое (достаточное) количество сведений отражает степень доказанности искомых обстоятельств и фактов. В ходе досудебного производства властные субъекты осуществляют процессуальные действия и принимают решения, большинство из которых является результатом оценки по внутреннему убеждению достаточности имеющихся оснований и условий. При этом оценка достаточности представляет собой сложную гносеологическую проблему,

¹ См.: Сопнева Е.В. Взаимодействие подозрения в международном, национальном и отечественном праве: монография / Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула». 2015. С. 35-36.

поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит объективированных критериев таковой достаточности. Такая неопределённость имеет вполне практические последствия. Если ясных критериев достаточности нет, закон может применяться неодинаково, а должностные лица получают возможность расширительно толковать свои полномочия в досудебном производстве. Возникает риск принятия решений без достаточно определённой фактической основы. Для лица, в отношении которого формируется подозрение, это означает угрозу нарушения его прав¹.

При определении пределов доказывания важно выяснить, какого знания об обстоятельствах дела достиг правоприменитель: вероятного или достоверного. Для подозрения это различие, на наш взгляд, имеет определяющее значение. Подозрение остаётся выводом о возможном. Обвинение же требует более высокой степени подтверждённости обстоятельств и формулируется уже как утверждение о том, что они имели место в действительности.

Вероятное знание, на котором строится подозрение, даёт лишь предварительное представление о возможной причастности лица к преступлению. Оно опирается на апостериорные, то есть эмпирические, источники, но полнота и однозначность полученных данных ещё вызывают вопросы. Поэтому остаются и сомнения, и необходимость дальнейшей проверки. Вывод о причастности на такой основе может быть только предположительным; насколько он надёжен, зависит от количества и качества сведений. Казалось бы, чем их больше, тем убедительнее подозрение. Впрочем, количественный показатель не всегда решает дело: одно полноценное доказательство, например результат генетической идентификации, нередко убедительнее множества неполных и неоднозначных сведений. Избыточный объём данных, напротив, может вызвать эффект «информационной перегрузки» и затруднить их анализ и оценку. Соответственно, задача субъекта доказывания состоит не в

¹ См.: Чабукиани О.А. Злоупотребление процессуальными правами и реализация дискреционных прав властными субъектами в досудебном производстве: понятие и соотношение // Закон. 2024. № 4. С. 40-51.

максимальном накоплении сведений, а в достижении их «критической массы» — того порогового уровня, при котором вероятное знание становится достаточно обоснованным для принятия уголовно-процессуального решения.

Достоверное знание, напротив, отражает убеждённость в правильности информации при исключении разумных сомнений; именно оно должно лежать в основе обвинения и обвинительного приговора. Переход от вероятного знания к достоверному происходит при собирании достаточных доказательств, подтверждающих правильность первоначальных предположений, и устранении всех сомнений. В рамках этого перехода пределы доказывания подозрения выступают нижней границей диапазона между вероятным знанием, достаточным для инициирования уголовного преследования, и достоверным знанием, необходимым для формулирования обвинения и направления уголовного дела в суд.

Подозрение актуализирует вопрос о пределах его доказывания на начальных этапах уголовного преследования. Данные пределы определяют, до какой степени необходимо выяснять обстоятельства и факты, составляющие предмет доказывания подозрения. На наш взгляд, указанная зависимость проявляется двояко. *С одной стороны*, расширение предмета доказывания подозрения требует исследования большего количества обстоятельств, что объективно повышает требования к объёму доказательственной информации и расширяет пределы доказывания — ситуация, характерная для сложных или многоэпизодных дел. *С другой стороны*, пределы доказывания всегда ограничены обстоятельствами, входящими в предмет доказывания подозрения: недопустимо требовать доказанности обстоятельств, выходящих за рамки этого предмета, равно как нельзя признать подозрение обоснованным при недоказанности существенных входящих в него обстоятельств¹.

¹ Например, основанием к отмене обвинительного приговора, вынесенного по ст. 228 УК РФ, послужило то, что в ходе задержания подозреваемого достаточными данными было установлено лишь место и время, а также обстоятельства изъятия у него наркотических средств, тогда как период и место их незаконного хранения не получили своего обоснования. См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2020 г. № 77-988/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

В данном контексте пределы доказывания подозрения выступают в роли процессуального ориентира, определяющего минимальный порог доказанности, который должен быть преодолен, чтобы органы уголовного преследования получили правовое основание для дальнейших процессуальных действий и решений в отношении подозреваемого. Данный порог не может быть произвольно низким, поскольку это создавало бы угрозу необоснованного вовлечения лиц в сферу уголовного преследования, но и не должен быть чрезмерно высоким – это парализовало бы своевременное реагирование на преступления и фактически приравнивало бы требования к обоснованности подозрения к требованиям обоснованности обвинения.

Необходимо подчеркнуть, что пределы доказывания подозрения в значительной мере зависят от оснований признания лица подозреваемым, предусмотренных ч. 1 ст. 46 УПК РФ. При возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица пределы доказывания ограничены теми средствами получения информации, которыми правоприменитель располагает на этой стадии. Допустимы лишь проверочные действия, предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Отсюда, по нашему мнению, и более низкий стандарт доказанности подозрения по сравнению с подозрением, формируемым после возбуждения дела. Другое дело, когда уголовное дело уже возбуждено: органы предварительного расследования могут использовать весь круг следственных и иных процессуальных действий, а пределы доказывания расширяются. За этим изменением стоит понятная закономерность. Чем шире процессуальные возможности получения знания, тем выше должны быть требования к обоснованности сделанных выводов.

При этом пределы доказывания подозрения ограничены способами собирания и оценки сведений, которые допускает УПК РФ. Нарушение предусмотренных законом способов доказывания влечёт признание полученных данных недопустимыми доказательствами, что исключает возможность их

использования для обоснования подозрения. Судебная практика последовательно подтверждает данное положение: кассационные суды неоднократно признавали недопустимыми пояснения, объяснения и иные документы, составленные до возбуждения уголовного дела по результатам опроса лица, фактически подозреваемого в совершении преступления, но не наделённого соответствующим процессуальным статусом и не предупреждённого о правах подозреваемого¹. Пределы доказывания подозрения не могут быть расширены за счёт использования процессуально недопустимых средств получения информации, даже если по содержанию такая информация указывает на причастность лица к преступлению.

На наш взгляд, надлежащий уровень пределов доказывания подозрения является значимой гарантией прав подозреваемого: он обеспечивает, что уголовное преследование основывается на конкретных доказательственных данных, а не на произвольных утверждениях, и что все следственные и иные процессуальные действия проводятся в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Несмотря на относительно невысокий (вероятный) уровень пределов доказывания подозрения по сравнению с обвинением, достигнутые пределы должны поддерживать необходимый баланс между эффективностью расследования и защитой прав подозреваемого, задавая «пороговый уровень» доказательственных средств, необходимых для дальнейшего движения уголовного дела².

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2021 г. № 77-2299/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=50436#a4QqUtTcBP4QZn> (дата обращения 20.05.2026); Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2021 г. № 77-781/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=32102#B6jqUtTWm5XII0N92> (дата обращения 20.05.2026); Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2021 г. по делу № 77-991/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=21591#IN6rUtTQZvJK78hc1> (дата обращения 20.05.2026).

² Теоретические разработки, которые послужили основой для этого вопроса, касаются проблематики такой сложной и важной категории, как стандарты доказывания (стандарты доказанности) в уголовном процессе. См.: Смирнов А.В. Стандарты доказанности:

Для понимания конкретных критериев данного порогового уровня необходимо обратиться к вопросу об определении «достаточности» данных как ключевого аспекта пределов доказывания. В теории предлагается рассматривать «разумные основания для подозрения»¹ с позиции именно пределов доказывания, где главный вопрос состоит в том, какой минимальный уровень убедительности должны иметь сведения, обосновывающие подозрение². Существует несколько доктринальных подходов к этому вопросу, ценность которых заключается в комплексном применении для более полного понимания данного явления³.

взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания // Уголовный процесс. 2021. № 12 (204). С. 86-94; Вознюк Е.П. «Стандарты доказывания» в российской правовой системе // Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы ежегод. Всеросс. науч.-практ. конф, Калининград, 20 мая 2022 г. / отв. ред. С.А. Старостина. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. С. 24-29; Машовец А.О. Стандарты и бремя доказывания: соотносимость понятий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. В 2-х ч., Краснодар, 17-18 марта 2022 г. / отв. ред. В.А. Семенцов. Том Часть 1. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 352-359; Минеева А.С., Филатов Д.О. Некоторые вопросы стандарта доказывания в уголовном судопроизводстве // Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: сб. ст. по материалам Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28 октября 2022 г. / под общ. ред. К.А. Корсакова, В.А. Шиплюка. СПб: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2023. С. 173-178; Мусин А.Р. Стандарты доказывания в уголовном процессе // Образование и право. 2023. № 2. С. 459-463.

¹ В разных юрисдикциях этот стандарт обозначается (называется) по-разному, но чаще всего он формулируется как «разумные основания для подозрения». См.: Робышев В.О. Свободная оценка доказательств или стандарты доказывания: российский и английский гражданский процесс // Законодательство. 2019. № 2. С. 65-70; Яльцев А.А. Стандарты доказывания в мире и перспективы их использования в доказательственном праве России // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 52-59; Карпова А.А. Принцип свободной оценки доказательств и стандарты доказывания: положения немецкой доктрины и правоприменительной практики и российская правовая действительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 138-163.

² См.: Чобитько М.Б. Стандарты доказывания в досудебном производстве и почему они не применяются при экстрадиции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4 (32). С. 67-72.

³ См.: Костенко Р.В. Состояние доказанности как оценочная категория в уголовно-процессуальном праве // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 2. С. 35-41; Михайлов А.А. Стандарты доказывания в современном уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / науч. ред.: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова. Отв. секретарь И.В. Чаднова. Том Часть 83. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 121-130; Вознюк Е.П. К

По нашему мнению, категории «разумных оснований для подозрения» и «достаточных оснований для подозрения» являются теми стандартами, которые позволяют перейти от подозрения к обвинению. Принципиально важно, что пределы доказывания подозрения и доказательственный стандарт – взаимосвязанные, но нетождественные понятия. Доказательственный стандарт представляет собой уровень убедительности, который должен быть достигнут для определённого процессуального решения (например, избрания меры пресечения, предъявления обвинения, вынесения приговора). Пределы доказывания – более широкая рамка, определяющая, какие доказательства и иные материалы могут быть получены, как они используются и какова должна быть их убедительность для различных уголовно-процессуальных решений. Таким образом, доказательственный стандарт выступает одним из элементов, входящих в пределы доказывания и конкретизирующих требования к качеству доказательственного материала.

Применительно к подозрению «разумные основания» отражают стандарт, который не требует абсолютной уверенности в причастности лица к преступлению, но и не допускает произвольного или необоснованного уголовного преследования: у органов уголовного преследования должны быть конкретные достаточные основания полагать, что определённое лицо могло совершить преступление, – основания, однако, не столь убедительные, как требуется для вынесения обвинительного приговора в суде¹.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит единых нормативных ориентиров, конкретно и универсально определяющих пределы доказывания подозрения. В предусмотренных УПК РФ случаях признания лица подозреваемым используются различные по содержанию

вопросу о критериях оценки достаточности доказательств в ходе досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 29-32.

¹ См. об этом более подробно: Гаджиев И.А. Современные подходы к доказыванию подозрения в уголовном процессе // Современные научные подходы в фундаментальных и прикладных исследованиях: сб. ст. Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, август 2024. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2024. С. 51-56.

формулировки. При возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица законодатель требует наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). При задержании лица должны наличествовать данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления (ст. 91 УПК РФ). Для признания лица подозреваемым через уведомление о подозрении закон требует достаточных данных, дающих основание подозревать его в совершении преступления (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ). Таким образом, единой формулы законодатель не использует. Различие в терминах отражает отсутствие общего подхода к пределам доказывания подозрения и создаёт предпосылки для неодинакового применения закона.

Здесь есть важный нюанс. Формула «достаточные основания полагать» из ч. 1 ст. 97 УПК РФ относится к иному вопросу – прогнозу поведения лица. Закон требует достаточных оснований полагать, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать преступную деятельность либо угрожать свидетелю и другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путём воспрепятствовать производству по делу. Во всех этих случаях оцениваются будущие риски, а не причастность к уже совершённым преступлениям. Поэтому видеть в ч. 1 ст. 97 УПК РФ самостоятельный стандарт доказанности подозрения, на наш взгляд, неверно. Обоснованное подозрение к этому моменту должно быть сформировано и процессуально закреплено: ч. 1 ст. 100 УПК РФ допускает избрание меры пресечения «в отношении подозреваемого». Ту же последовательность подчёркивает Пленум Верховного Суда РФ. До избрания заключения под стражу суд должен проверить обоснованность подозрения в причастности лица к преступлению; формальной ссылки на наличие у органов предварительного расследования достаточных данных для этого недостаточно¹.

¹ См.: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 (действующая редакция) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ab71000913c606e8727d1a4cae1ad5e23511d954/ (дата обращения: 20.05.2026).

Следовательно, речь идёт о двух самостоятельных условиях, проверяемых последовательно: обоснованности подозрения и наличии оснований, названных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Объединять их в один доказательственный стандарт нельзя.

Судебные примеры, на наш взгляд, позволяют увидеть в этих противоречиях системную проблему. В одном деле апелляционный суд отметил, что постановление о возбуждении уголовного дела содержало сведения о признаках конкретного преступления: данные об ущербе и обстоятельства, позволявшие отличить присвоение от других способов хищения¹. В другом деле мотивировочная часть постановления указывала на совершение преступления конкретным лицом, но дело было возбуждено по факту, в отношении неустановленного лица². Несогласованность обнаружилась и внутри резолютивной части ещё одного постановления: один её пункт предусматривал возбуждение дела по ч. 2 ст. 159 УК РФ, другой – в отношении конкретного лица по ч. 3 той же статьи³.

За этими различиями в решениях судов мы видим общий недостаток законодательной формулы о достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Она не даёт чётких критериев пределов доказывания подозрения при возбуждении дела в отношении конкретного лица. Одни суды требуют подробно раскрыть признаки состава преступления и доказать причинённый ущерб. Другие считают достаточным общее указание на возможное совершение преступления определённой категории. Сложность, впрочем, не исчерпывается судебным толкованием. Между ч. 2 ст. 140 УПК РФ, с одной стороны, и ст. 91,

¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 05.06.2018 г. по делу № 22К-848/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=104652#wnMwUtTMgcRUZyCu> (дата обращения 20.05.2026).

² Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 22.09.2021 г. по делу № 22-1818/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=105345#9HuxUtTCG7c6bCY31> (дата обращения 20.05.2026).

³ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 28.02.2020 г. № 22К-420/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=97888#QexyUtTgQSI2fFRA1> (дата обращения 20.05.2026).

ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ – с другой, есть и концептуальное расхождение. В первом случае внимание сосредоточено на объективной стороне преступления, на признаках запрещённого уголовным законом деяния. Во втором – на субъектном аспекте, то есть на данных о причастности конкретного лица. Отсюда возникает вопрос: одинаковы ли пределы доказывания подозрения при возбуждении дела, задержании и уведомлении о подозрении? Или за разными формулировками стоят разные стандарты доказанности на соответствующих этапах формирования подозрения?

На наш взгляд, различие этих формулировок говорит прежде всего о непоследовательности законодательного регулирования, а не о сущностно разных пределах доказывания подозрения. Мы исходим из того, что критерии достаточности доказательственной информации должны быть едиными при любом основании приобретения статуса подозреваемого. При этом они должны охватывать и обстоятельства преступного события, и сведения, позволяющие предварительно связать с ним конкретное лицо. Установление одних лишь признаков преступления без данных о возможной причастности определённого лица не может считаться достаточным для персонализации уголовного преследования.

В связи с отсутствием единого нормативного подхода к данной проблематике в отечественной науке авторы рассматривают пределы доказывания подозрения дифференцированно. Одни процессуалисты акцентируют внимание на важности развития процедур контроля задержания, которые позволяют проверить достаточность данных для задержания подозреваемого¹. Другие сосредоточены на проблемах пределов (стандартов) доказывания при применении к лицу мер пресечения². Отдельно выделяется

¹ См.: Даниленко И.А., Васильев Н.В., Щербакова А.А. Процедура контроля задержания habeas corpus: перспективы развития в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 4-1. С. 394-407.

² См.: Чикulina А.Р. Международно-правовые стандарты доказывания в вопросах обоснованности избрания мер пресечения // Аграрное и земельное право. 2021. № 7 (199). С. 117-121; Кобзарев Ф.М., Захарян А.А. Проблемы доказывания в процессе применения судами меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии предварительного

позиция, согласно которой доказывание подозрения, его пределы и стандарты зависят от качества судебного контроля за досудебным производством¹.

Сравнительно-правовой анализ свидетельствует о том, что ряд зарубежных правопорядков выработал нормативные подходы к определению пределов доказывания подозрения, заслуживающие внимания при совершенствовании российского уголовно-процессуального законодательства. В частности, п. 11 ст. 2 УПК Республики Грузия прямо предусматривает доказательственный стандарт «обоснованное предположение»². Под ним понимается совокупность информации, используемой для обоснования таких обстоятельств уголовного дела, чтобы субъект доказывания мог сделать вывод о возможном совершении преступления лицом. Предлагаемое определение выступает попыткой законодательно определить уровень убедительности, которого должны достигнуть полученные в ходе уголовного процесса сведения для вывода о причастности подозреваемого к преступлению, а также для предпринятия дальнейших следственных действий или мер принуждения. По существу, «обоснованное предположение» в УПК Грузии формализует то, что в других системах называется «разумными или достаточными основаниями для подозрения», и устанавливает конкретные пределы доказывания подозрения.

В зарубежной юриспруденции вопрос о пределах доказывания подозрения освещается через применение различных доказательственных стандартов в зависимости от этапа уголовного процесса. В англо-американской юриспруденции наиболее распространены стандарты *Reasonable Suspicion* (разумные основания для подозрения) и *Probable Cause* (вероятные основания).

расследования // Российское правосудие. 2022. № 9. С. 96-101; Чикулина А.Р. Стандарт доказывания при избрании мер пресечения, избираемых судом // Российский судья. 2023. № 9. С. 39-41.

¹ См.: Устинов А.А. Доказательственные стандарты при осуществлении судебного контроля за досудебным производством // Российское правосудие. 2020. № 9. С. 91-98.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия от 9 октября 2009 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=146> (дата обращения 20.05.2026).

Reasonable Suspicion – широко применяемый доказательственный стандарт в англо-американской юриспруденции, особенно в США, – служит для определения, когда у правоохранительных органов есть достаточные основания для кратковременного задержания подозреваемого лица. Данный стандарт базируется на конкретных фактах, которые убедили бы «разумного человека» в вероятной причастности лица к преступной деятельности¹, и, как правило, не требует высокого уровня достоверности доказательственного материала.

Probable Cause представляет собой доказательственный стандарт более высокого уровня, необходимый для производства ареста, обыска или конфискации имущества. Он предполагает наличие достаточно убедительных фактов, указывающих на то, что преступление совершено и что подозреваемый причастен к нему, – с оценкой с позиции «разумного человека», знакомого со всеми обстоятельствами дела².

В странах с континентальной системой права доказательственные стандарты в контексте пределов доказывания подозрения существенно отличаются от применяемых в англо-американской юриспруденции либо вовсе не закреплены в явном виде. К примеру, в УПК ФРГ используется термин *Anfangsverdacht* («первоначальное подозрение»)³, обозначающий начальный

¹ Термин «Reasonable Suspicion» тесно связан с Четвёртой поправкой к Конституции США, которая защищает граждан от необоснованных обысков, задержаний и арестов. В решениях Верховного Суда США, таких как «Terry v. Ohio», были определены контуры этого доказательственного стандарта. В указанном прецеденте сказано, что полицейский имеет право задержать и досмотреть лицо, если у него есть «разумные основания» полагать, что данный субъект вовлечён в преступную деятельность. См.: «Terry v. Ohio» (Терри против Огайо), 392 U.S. 1 (1968). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/392/1> (дата обращения 20.05.2026).

² Как и «Reasonable Suspicion», «Probable Cause» также связан с Четвертой поправкой к Конституции США. Одним из ключевых прецедентов является дело «Illinois v. Gates», в котором Верховный Суд США рассматривал вопросы, связанные с оценкой "вероятных оснований" для выдачи ордера на обыск. См.: «Illinois v. Gates» (Иллинойс против Гейтс), 462 U.S. 213 (1983). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/462/213/> (дата обращения 20.05.2026).

³ Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Вступительная статья профессора Уэ Хельцманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (дата обращения 20.05.2026).

этап уголовного процесса, когда в распоряжении правоохранительных органов имеются фактические основания для предположения о совершении преступления. Фактических данных должно хватать для вывода о том, что лицо могло совершить деяние, запрещённое уголовным законом. Но что именно означает достаточность в данном случае? Само это указание ответа не даёт. Оно требует наличия исходных сведений для начала уголовного преследования, однако не устанавливает конкретного доказательственного стандарта и не определяет пределы доказывания подозрения. По сути, формула обозначает начальный этап процессуальной проверки; самостоятельным нормативным критерием достаточности она не становится.

Рассмотренные подходы к пределам доказывания подозрения в УПК РФ складывались исторически и опираются на неоднородные доктринальные представления. Это объясняет их различия, но не снимает необходимости уточнить закон. На наш взгляд, его развитие должно идти в сторону более ясных нормативных ориентиров, позволяющих определить пределы доказывания подозрения. Такое уточнение необходимо для единообразного применения закона и для более последовательной защиты прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Важно, чтобы в УПК РФ использовалась единая терминология при описании процедур доказывания подозрения, что позволит избежать неоднозначности в трактовке закона. Вместо нескольких различающихся по содержанию конструкций, обозначающих обоснованность подозрения, – «достаточные данные, указывающие на признаки преступления», «данные, дающие основание подозревать», «достаточные данные, дающие основание подозревать» – необходимо чёткое, ясное и однозначно понимаемое всеми участниками уголовного судопроизводства определение.

По нашему мнению, возможным вариантом для унификации терминологии в отношении пределов доказывания подозрения в УПК РФ может стать понятие «обоснованные предположения для подозрения». Данный термин должен восприниматься универсально как наличие достаточного количества

фактических данных, которые, будучи оценёнными объективно и разумно, могут убедить в том, что существует вероятность совершения преступления конкретным лицом. Преимущество этого термина состоит в том, что он обеспечивает определённый стандарт для оценки информации, на основе которой формируется подозрение, и одновременно сохраняет необходимую гибкость для адекватного учёта обстоятельств и фактов конкретного уголовного дела, образующих предмет доказывания подозрения¹. При этом мы предлагаем унифицировать только критерий обоснованности подозрения. Основания, предусмотренные ч. 1 ст. 97 УПК РФ, сохраняют своё самостоятельное значение: они относятся к прогнозу поведения лица. Устанавливать их необходимо наряду с обоснованным подозрением, а не вместо него.

Впрочем, единая терминология ещё не решает вопроса об определении «достаточности» данных о возможной причастности лица. Это одна из наиболее сложных познавательных задач уголовного процесса. Пока УПК РФ не даёт чётких критериев, есть основания рассмотреть новые подходы, которые могли бы предложить методологически обоснованные средства её решения. К таким направлениям мы относим использование искусственного интеллекта (далее – ИИ), хотя перспективность этих технологий не устраняет споров об их применении².

¹ См.: Приложение № 1.

² См.: Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79-87; Папышева Е.С. О возможностях интегрирования искусственного интеллекта в уголовный процесс // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 5. С. 220-227; Ковалева О.Н., Рябова Л.В., Феодоридис Н.Ф. Принципы использования искусственного интеллекта в практике уголовного правоприменения и в сфере уголовно-процессуальной деятельности // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7, № 2. С. 119-121; Рябцева Е.В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 1. С. 73-80; Спесивов Н.В. От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологий при отправлении правосудия по уголовным делам? // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 2 (195). С. 81-90; Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 481-497; Костенко Р.В. Применение искусственного интеллекта для обеспечения прав адвокатов в уголовном судопроизводстве // Обеспечение процессуальных прав адвокатов в уголовном судопроизводстве: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Краснодар, 07 июля

Для оценки возможностей ИИ применительно к пределам доказывания подозрения следует обратиться к конкретным задачам анализа. Прежде всего такие системы способны обрабатывать большие массивы данных значительно быстрее следователя или дознавателя. Это позволяет выявлять неочевидные закономерности и корреляции, которые могут указывать на причастность лица к преступлению. В одном анализе могут учитываться разнородные сведения: следы на месте преступления, геоданные, метаданные коммуникаций. Тем самым появляются возможности для более комплексной и объективной оценки. Алгоритмы машинного обучения, обученные на ранее накопленных данных, теоретически способны помогать в оценке вероятности причастности лица. Статистические и вероятностные модели, в свою очередь, позволяют определять «весомость» отдельных данных применительно к конкретному уголовному преследованию.

Однако возможности ИИ нельзя обсуждать в отрыве от юридических, технологических и этических рисков. Алгоритм может ошибиться или выдать искажённый результат, в частности из-за недостатков обучающих данных. В уголовном процессе цена такой ошибки вполне конкретна. Неверная оценка возможной причастности лица способна повлечь незаконное задержание, необоснованное возбуждение уголовного дела либо избрание меры пресечения. Игнорировать эти последствия недопустимо.

Не менее важны прозрачность алгоритмических решений и ответственность за их использование. Кто отвечает за ошибочный вывод ИИ: разработчик, орган предварительного расследования или должностное лицо, принявшее с учётом этого вывода процессуальное решение? Однозначного ответа здесь не всегда можно найти. Кроме того, надёжность анализа прямо зависит от исходной информации. Если данные неполны, неточны или предвзяты, это неизбежно снижает качество работы системы.

Проведённое нами анкетирование показало, что правоприменители относятся к использованию ИИ для оценки вероятной причастности лица осторожно. Большинство опрошенных, 72,20 %, пока не поддерживают применение таких технологий в уголовном процессе. Мы связываем эту позицию с сохраняющимися опасениями по поводу точности алгоритмических выводов, правовых и этических рисков, а также возможных злоупотреблений при автоматизации решений. При этом 15,25 % респондентов допускают применение ИИ, признавая его потенциал для повышения эффективности и объективности расследования. Ответ «не знаю» выбрали 9,87 % опрошенных. По всей видимости, часть из них недостаточно осведомлена о возможностях ИИ либо затрудняется оценить последствия его использования¹.

Мы полагаем, что ИИ может быть полезен при решении отдельных задач уголовного судопроизводства, в том числе при определении обоснованных пределов доказывания подозрения. Но его роль должна оставаться вспомогательной, а применение – строго ограниченным надлежащими правовыми и этическими правилами. Специализированные программы способны повлиять на оценку обоснованности подозрения лишь при условии устранения ключевых рисков. Для этого необходимо сделать алгоритмы прозрачными и понятными участникам процесса, защитить конфиденциальные данные, предупредить алгоритмическую предвзятость и нормативно закрепить допустимые пределы применения таких технологий. Отдельные требования должны касаться достоверности исходных данных и проверяемости полученных выводов. На наш взгляд, предпочтителен комбинированный, или гибридный, подход. ИИ выполняет предварительный анализ и помогает оценить достаточность данных; окончательное же решение о наличии обоснованного подозрения принимает следователь или дознаватель по внутреннему убеждению, учитывая результаты алгоритмического анализа. Вычислительные возможности системы в таком случае дополняются человеческим суждением, способным

¹ См.: Приложение № 3.

учитывать нюансы дела и этические соображения. Личная ответственность за процессуальное решение остаётся у субъекта доказывания¹.

С процессуальной точки зрения такое распределение ролей имеет принципиальное значение. Внутреннее убеждение следователя или дознавателя при оценке достаточности данных трудно свести к формальным показателям. За ним могут стоять профессиональный опыт, навыки и суждения, которые не выражаются в числах. Именно в этом состоит существенное отличие от алгоритмического анализа. Учёт обстоятельств, не поддающихся формализации, и этических соображений остаётся необходимой частью доказывания; передать её автоматизированной системе нельзя.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Под пределами доказывания подозрения мы понимаем степень доказанности обстоятельств и фактов, входящих в его предмет, которая необходима для признания подозрения обоснованным и принятия соответствующего процессуального решения. Предмет отвечает на вопрос о том, что требуется установить. Пределы характеризуют количественно-качественную сторону этой деятельности: насколько убедительно должны быть доказаны соответствующие обстоятельства. Эти категории неразрывно связаны. От объёма и характера устанавливаемых обстоятельств непосредственно зависит необходимая для решения степень их доказанности.

2. Для понимания пределов доказывания подозрения необходимо различать вероятное и достоверное знание. Подозрение основывается на вероятном знании и потому остаётся предварительным, неокончательным выводом о возможной причастности лица к преступлению. Некоторая неопределённость знания здесь неизбежна. Напротив, обвинение должно базироваться на достоверном знании, отражающем убеждённость в правильности информации при устранении разумных сомнений. Переход от

¹ См. более подробно об этом: Гаджиев И.А. Пределы доказывания подозрения в уголовном процессе // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. Ч. 1. С. 106-110.

вероятного к достоверному знанию происходит при собирании достаточных доказательств и устранении всех сомнений, знаменуя качественное изменение познавательной ситуации от подозрения к обвинению. Пределы доказывания подозрения выступают нижней границей диапазона между вероятным знанием, достаточным для инициирования уголовного преследования, и достоверным знанием, необходимым для формулирования обвинения.

3. Действующее уголовно-процессуальное законодательство характеризуется отсутствием единых нормативных критериев определения пределов доказывания подозрения, что создаёт системную проблему правовой неопределённости. Обоснованность подозрения обозначена тремя различающимися конструкциями: «достаточные данные, указывающие на признаки преступления» при возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ); «данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления» при задержании (ст. 91 УПК РФ); «достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления» при уведомлении о подозрении (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ). На наш взгляд, это разнообразие указывает на непоследовательность законодательного регулирования, а не на сущностное различие пределов доказывания. Первая формулировка сосредоточена на объективной стороне преступления, две другие – на субъектном аспекте, на причастности конкретного лица. Другое значение имеет конструкция «достаточные основания полагать» (ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Она относится к прогнозу возможного поведения подозреваемого или обвиняемого и не устанавливает самостоятельного стандарта доказанности причастности. Поэтому при избрании меры пресечения необходимо последовательно проверить два условия: обоснованность подозрения и наличие оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Такая последовательность следует из ч. 1 ст. 100 УПК РФ, допускающей применение меры пресечения лишь «в отношении подозреваемого», и подтверждается правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ.

4. Для устранения выявленной неопределённости мы считаем необходимым унифицировать терминологию, которой УПК РФ обозначает пределы доказывания подозрения. Целесообразно введение единого понятия «обоснованные предположения для подозрения», понимаемого как наличие достаточного количества доказательственных данных, которые, будучи оценёнными объективно и разумно, могут убедить в том, что существует вероятность совершения преступления конкретным лицом. Вне зависимости от основания признания лица подозреваемым формирование подозрения должно базироваться на единых критериях достаточности доказательственной информации, охватывающих как обстоятельства события преступления, так и данные о возможной причастности конкретного лица к его совершению. Предлагаемая унификация касается исключительно критерия обоснованности подозрения и не затрагивает специальных оснований отдельных процессуальных решений, в частности предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Сравнительно-правовой опыт демонстрирует возможность нормативного закрепления подобных критериев и подтверждает универсальность стоящей перед российским законодателем задачи.

5. Перспективным направлением совершенствования механизма определения пределов доказывания подозрения является использование специализированных программ на базе ИИ в качестве вспомогательного инструмента для анализа доказательственной информации. Технологии ИИ способны анализировать большие массивы данных, выявлять скрытые закономерности и применять вероятностные модели для определения весомости различных данных. При этом использовать ИИ в данной сфере следует осмотрительно и в строго установленных пределах. Ошибки алгоритмов и структурная предвзятость могут привести к неправомерному задержанию и необоснованному уголовному преследованию. Поэтому мы отдаём предпочтение комбинированному подходу: система выполняет предварительный анализ и помогает оценить достаточность данных, а следователь или дознаватель принимает окончательное решение о наличии

обоснованного подозрения по внутреннему убеждению. Применение такого подхода требует комплексного правового регулирования, учитывающего риски и ограничения ИИ в правоприменительной практике.

Глава 3. Средства и способы доказывания подозрения в уголовном процессе

3.1. Средства доказывания подозрения в уголовном процессе

Какие сведения могут служить средствами доказывания подозрения? В уголовно-процессуальной науке этот вопрос остаётся предметом острых споров, и разногласия здесь связаны с несколькими обстоятельствами. Прежде всего, действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ не содержит чётких критериев относительно того, какие именно сведения могут служить основанием для формирования подозрения, что порождает разнородные доктринальные интерпретации. Расхождения во взглядах учёных обусловлены также тем, что процессуалисты нередко придерживаются диаметрально противоположных позиций относительно таких категорий, как «фактические данные», «сведения о фактах», «достаточные данные», «достаточные основания», «достаточные доказательства». К тому же в условиях технологического прогресса и всеобщей цифровизации происходит трансформация научной парадигмы: формируются более современные представления о том, что может быть признано приемлемым в качестве средств доказывания подозрения.

Исследование средств доказывания подозрения методологически предопределено результатами анализа его предмета и пределов, осуществлённого во второй главе нашей работы. Если предмет доказывания отвечает на вопрос о том, *что* подлежит установлению при формировании подозрения, а пределы определяют, *насколько* глубоко должны быть исследованы соответствующие обстоятельства, то средства доказывания раскрывают *посредством чего* осуществляется познание обстоятельств и фактов, образующих предмет доказывания подозрения. Данный вопрос, таким образом, выступает логическим продолжением предшествующего анализа.

Систематизация существующих в отечественной доктрине подходов к определению средств доказывания подозрения даёт возможность выделить три концептуально различающиеся позиции, основанные на разном понимании соотношения категорий «доказательства» и «данные» в контексте уголовно-процессуального познания.

Первую группу образуют учёные, исходящие из того, что средствами доказывания подозрения могут выступать исключительно уголовно-процессуальные доказательства в их традиционном понимании. Так, Л.Г. Татьяна и К.Г. Бычкова утверждают, что подозрение основывается на совокупности доказательств, которые дают возможность предположить о причастности лица к совершению преступления¹. Ю.В. Церковный полагает, что подозрение основывается на содержащихся в материалах уголовного дела доказательствах при одновременном отсутствии оснований для предъявления обвинения²; вместе с тем в иных публикациях он признаёт основаниями подозрения совокупность достаточных данных, указывающих на предполагаемую причастность соответствующего лица к совершению деяния. А.О. Зайцев считает, что достаточные доказательства дают возможность с высокой степенью вероятности сделать вывод об обоснованности подозрения в совершении преступления, предусмотренного уголовным законом³. И.М. Абазалиев рассматривает подозрение через деятельность стороны обвинения по установлению связи лица с деянием, содержащим признаки преступления. Отсюда и его требование к постановлению о признании лица подозреваемым: в нём следует указать предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательства, подтверждающие причастность лица к преступлению⁴. К конкретности

¹ См.: Татьяна Л.Г., Бычкова К.Г. Указ. соч. С. 21-23.

² См.: Церковный Ю.В. Об использовании терминов «подозрение» и «подозреваемый» в УПК // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 167-169.

³ Зайцев А.О. Международно-правовые стандарты относительно оснований для избрания меры пресечения обвиняемому в виде заключения под стражу // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 105.

⁴ См.: Абазалиев И.М. Проблемы процессуального положения подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Абазалиев Ильяс Муратович. Нижний Новгород, 2022. С. 13-15.

доказательственного обоснования обращается и Л.Д. Калинкина. Исследуя правовое регулирование и практику заключения подозреваемых под стражу, она подчёркивает, что сведения о причастности лица к преступлению должны быть конкретными и подтверждаться доказательствами¹. Сходную позицию занимает Е.Ю. Замураева². И.В. Смолькова, в свою очередь, прямо связывает конкретность подозрения с его опорой на определённые доказательства, предусмотренные УПК РФ³.

На наш взгляд, у этого подхода есть принципиальный методологический изъян. Если оценивать его с позиций теории уголовно-процессуального доказывания и гносеологии, становится видно, что требования к доказыванию обвинения переносятся на подозрение – качественно иную форму уголовного преследования. Это порождает ряд взаимосвязанных логических противоречий.

Прежде всего, если подозрение должно основываться только на доказательствах, то недостаточно учитывается специфика раннего этапа уголовного преследования, объективно требующего большей гибкости в отношении доказательственной базы. Кроме того, понимание подозрения как состояния, обязательно основанного на доказательствах при отсутствии оснований для предъявления обвинения, затрудняет разграничение подозрения и обвинения по уровню требуемой доказательственной базы. Такой подход не учитывает, что подозрение представляет собой проверяемую версию о возможной причастности лица к преступлению и на начальном этапе не всегда опирается на доказательства в их строгом уголовно-процессуальном смысле. Требование указывать такие доказательства уже в постановлении о признании

¹ См.: Калинкина Л.Д. Указ. соч. С. 93-96.

² См.: Замураева Е.Ю. Обоснованная причастность лица к совершению преступления как одно из общих условий применения мер пресечения // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 г. / сост. Э.Р. Миргородская. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 213-216.

³ См.: Смолькова И.В. Уведомление о подозрении в совершении преступления как основание признания лица подозреваемым // Академический юридический журнал. 2020. № 1 (79). С. 28-34; Смолькова И.В. Понятие и сущность подозрения в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 2. С. 172-183.

лица подозреваемым может неоправданно задерживать приобретение лицом соответствующего статуса, особенно когда доказательства ещё только формируются. По той же причине требование о наличии доказательств конкретных сведений о причастности лица при решении вопроса о заключении под стражу способно чрезмерно повысить стандарт доказывания для начального этапа расследования¹.

Приведённые аргументы свидетельствуют о том, что требование полноценных доказательств в качестве средств доказывания подозрения создаёт логическое противоречие: если для подозрения необходимы те же средства доказывания, что и для обвинения, то утрачивается сам смысл существования подозрения как самостоятельной формы уголовного преследования. В практической плоскости органы предварительного расследования нередко сталкиваются с ситуациями, когда на ранних этапах недостаточно доказательств для формулирования подозрения, а требование полноценных доказательств на данном этапе существенно затруднило бы оперативное реагирование на признаки преступной деятельности.

Отдельные процессуалисты (Н.М. Журавлёва², Т.А. Николаева³, И.В. Петров⁴, О.В. Петрова⁵) при определении доказательств в качестве средств доказывания подозрения отождествляют их с достаточными данными, и считают, что наличие достаточных данных (доказательств), полученных в соответствии с УПК РФ, даёт основание о причастности изобличаемого лица к совершению конкретного преступления.

¹ См. более подробно: Гаджиев И.А. О возможности признания доказательств основаниями подозрения в российском уголовном процессе // Закон и право. 2023. № 6. С. 197-201.

² См.: Журавлева Н.М. О возможных последствиях изменения подозрения в условиях производства дознания в сокращенной форме // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). С. 102-108.

³ Николаева Т.А. Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Николаева Татьяна Анатольевна. Нижний Новгород, 2021. С. 42.

⁴ См.: Петров И.В. Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 9. С. 131-137.

⁵ См.: Петрова О.В. Приобретение и утрата статуса подозреваемого // Правда и Закон. 2022. № 3 (21). С. 34-42.

Вторую группу составляют учёные, занимающие промежуточную позицию и допускающие, что в качестве средств доказывания подозрения могут использоваться как уголовно-процессуальные доказательства, так и иные данные, не отвечающие всем требованиям, предъявляемым к доказательствам. Данный подход отражает попытку учесть практические реалии досудебного производства, где на начальных этапах расследования не всегда имеется возможность сформировать полноценную доказательственную базу. В частности, Д.В. Власенко указывает, что подозрение представляет собой предположение следователя (дознавателя), основанное на фактических данных или имеющихся в деле доказательствах, недостаточных для привлечения в качестве обвиняемого¹. А. Давлетов и И. Ретюнских полагают, что подозрение базируется как на процессуальной, так и на непроцессуальной информации². Н.С. Манова допускает, что в основе подозрения могут быть как доказательства, так и непроцессуальная информация, полученная при проверке сообщения о преступлении и в ходе предварительного расследования³. А.В. Калинин считает, что подозрение основано на доказательствах и сведениях, полученных непроцессуальным путём⁴.

Близкую позицию занимает В.А. Семенцов, который допускает возможность формирования подозрения не только на основе доказательств в процессуальном смысле, но и с учётом иных достаточных сведений, в том числе полученных вне установленной доказательственной процедуры. Такой подход объясняется тем, что на первоначальном этапе расследования закон не связывает возникновение подозрения исключительно с наличием уже сформированных

¹ Власенко Д.В. Указ. соч. С. 7.

² Давлетов А., Ретюнских И. Указ. соч. С. 41.

³ Манова Н.С. Указ. соч. С. 114.

⁴ Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Калинин Алексей Владимирович. Саратов, 2016. С. 36.

уголовно-процессуальных доказательств¹. Сходные выводы встречаются и в работах других исследователей².

Указанная точка зрения отражает более гибкое понимание информационной основы подозрения. Вместе с тем она также требует критической оценки. Её методологический изъян состоит не в допущении того, что подозрение может опираться в том числе на доказательства, а в том, что доказательства и иные сведения ставятся в один ряд как две равноположенные категории средств доказывания, соотношение между которыми не устанавливается. Между тем указанные явления находятся в отношении не координации, а субординации. Доказательства обладают установленной законом формой, порядком получения и проверки, тогда как иные данные могут выполнять ориентирующую или предварительно-информационную функцию; при этом и те и другие охватываются более широким понятием достаточных данных, различаясь степенью процессуальной формализации и юридической силой. Отказ от выявления такой субординации оставляет неразграниченными юридическую силу каждого вида сведений, допустимые пределы их использования и требования, предъявляемые к каждому из них. Подобная неопределённость негативно сказывается на правоприменительной практике, порождая различные интерпретации одних и тех же норм. Кроме того, информация, полученная непроцессуальным путём, может столкнуться с проблемами допустимости при необходимости её процессуального использования.

¹ См.: Семенцов В.А. Подозрение в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 1. С. 101-108.

² См.: Григорьева Н.В., Прохорова Е.А., Угольников Н.В. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: фактическое подозрение или формальные основания? // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 50-54; Морозова О.С. Процессуальная природа подозрения в уголовном судопроизводстве // Криминалист. 2022. № 4 (41). С. 87-91; Павлов А.В. Уголовное преследование лица по подозрению в совершении преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 17-20.

Третью группу образуют процессуалисты, признающие средствами доказывания подозрения только достаточные данные (сведения, основания), не относящиеся к категории доказательств в строгом уголовно-процессуальном смысле. Данный подход исходит из того, что подозрение может рассматриваться как предварительное предположение о возможной причастности лица к совершённом преступлению, которое ещё должно быть подтверждено или опровергнуто в ходе дальнейшего расследования. Так, Е.В. Сопнева утверждает, что при наличии достаточных данных для предположения о причастности лица к преступлению допустимо его привлечь в качестве подозреваемого, и предлагает использовать достаточные данные как основания инициации подозреваемого в уголовном деле¹. С.С. Скабелин акцентирует внимание на различии между «достаточными доказательствами» и «достаточными данными», дифференцируя их по степени достоверности: «достаточные доказательства» обладают наивысшей степенью достоверности, «достаточные основания» могут рассматриваться как совокупность причин, позволяющих признать процессуальное решение обоснованным и мотивированным, тогда как «данные», полученные в процессе судопроизводства, характеризуются наименьшей степенью достоверности². Этот исследователь также обосновывает, что не все данные, собранные в ходе предварительного расследования и используемые для принятия процессуальных решений, выступают доказательствами в правовом смысле: например, сведения о наличии заграничного паспорта у подозреваемого не выступают доказательством его причастности к преступлению, однако могут использоваться для принятия такого процессуального решения, как избрание меры пресечения³.

¹ См.: Сопнева Е.В. Основания инициации подозреваемого в уголовном деле // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 179-180.

² См.: Скабелин С.С. Соотношение понятий «достаточные данные» и «достаточные доказательства» в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1750-1754.

³ См.: Скабелин С.С. Обоснованность использования термина «достаточные основания» в уголовно-процессуальном законодательстве // Евразийская адвокатура. 2016. № 3 (22). С. 82-86.

В гносеологическом отношении данная позиция находит подтверждение в теории аргументации: достаточные данные для подозрения относятся к категории *prima facie* свидетельств – сведений, которые на первый взгляд указывают на определённый вывод, но могут быть опровергнуты дальнейшими исследованиями. Такие свидетельства создают опровержимую презумпцию, которая сохраняется до тех пор, пока не будет получена опровергающая информация или пока они не будут трансформированы в полноценные доказательства. В классической эпистемологии это соответствует категории *doxa* (обоснованного вероятностного убеждения) в противовес *episteme* (обоснованного истинного убеждения): если доказательства формируют достоверное знание, то достаточные данные для подозрения представляют собой предварительное знание, которое ещё подлежит верификации. Данное разграничение, подробно рассмотренное нами применительно к пределам доказывания, имеет прямое нормативное выражение в УПК РФ, последовательно использующем применительно к подозрению категории «достаточные данные» и «достаточные основания», но не требующем наличия полноценных доказательств.

Анализ правовых позиций высших судебных инстанций обнаруживает определённую терминологическую неопределённость в вопросе о средствах доказывания подозрения. В постановлении Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 года № 24-П акцентируется внимание на том, что для выдвижения подозрения требуется собрать достаточные доказательства¹. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разъясняет, что в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154588/ (дата обращения 20.05.2026).

преследования в отношении подозреваемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа должны быть изложены доказательства, подтверждающие выдвинутое подозрение; при этом судья, рассматривающий соответствующее ходатайство, должен убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица подозрение подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу¹.

Как представляется, использование термина «доказательства» в данных актах высших судебных инстанций может объясняться стремлением обеспечить надлежащую защиту прав лиц, вовлекаемых в уголовное преследование, и исключить произвольность процессуальных решений. Впрочем, здесь возникает вопрос: не имеют ли высшие судебные инстанции в виду под «доказательствами» достаточные данные, позволяющие сформировать обоснованное подозрение? Возможно, в этих актах используется терминология, более привычная для судебной практики. Но такое прочтение остаётся интерпретацией; вопрос нуждается в научном осмыслении и разъяснении законодателя. При этом нельзя не признать достоинство обсуждаемого подхода. Подозрение, подкреплённое доказательствами, сводит к минимуму риск незаконного и необоснованного ограничения прав подозреваемого и обеспечивает непрерывность доказательственной основы от начала расследования до предъявления обвинения. Другое дело, что на раннем этапе уголовного преследования такое требование к доказательственной базе оказывается чрезмерным: действовать нередко приходится оперативно, когда имеющаяся информация ещё ограничена.

Анализ правоприменительной практики показывает, что суды достаточно часто признают в качестве средств доказывания оснований подозрения лица в совершении преступления именно совокупность доказательств. Например, в

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 (действующая редакция) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/?ysclid=ldvfupvsz3453211362 (дата обращения 20.05.2026).

апелляционном постановлении от 28 июля 2022 года по делу № 1-57/2022 суд констатировал, что выдвинутое подозрение в совершении преступлений средней тяжести подтверждается собранными доказательствами, надлежащим образом приведёнными в постановлении¹. Аналогичная формулировка воспроизводится в постановлениях по делам № 1-109/2021², № 1-115/2021³, № 1-111/2021⁴.

Вместе с тем судебная практика содержит и примеры, в которых приводится перечень конкретных доказательств. Так, в постановлении от 8 июня 2021 года по делу № 1-83/2021 зафиксировано, что подозрение подтверждается показаниями подозреваемого, потерпевшего, свидетелей; заявлением; протоколами явки с повинной, осмотра места происшествия, осмотра предметов⁵. В постановлении от 17 марта 2021 года по делу № 1-55/2021 выдвинутое подозрение, помимо признательных показаний подозреваемого,

¹ Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 28 июля 2022 г. по делу № 1-57/2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/FSqgd6cA2qV2/?regular-txt=подозрение®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1675843900293&snippet_pos=1730#snippet (дата обращения 20.05.2026).

² Постановление Шахунского районного суда Нижегородской области от 23 июля 2021 г. по делу № 1-109/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/xRE9JrBVfkrS/?page=8®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675844623895®ular-judge=&snippet_pos=5846#snippet (дата обращения 20.05.2026).

³ Постановление Шимановского районного суда Амурской области от 7 июля 2021 г. по делу № 1-115/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/haczJ0wRI6xs/?page=12®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675844836508®ular-judge=&snippet_pos=2484#snippet (дата обращения 20.05.2026).

⁴ Постановление Чулымского районного суда Новосибирской области от 2 июня 2021 г. по делу № 1-111/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/BbJJYG401AJK/?page=16®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675845138285®ular-judge=&snippet_pos=4006#snippet (дата обращения 20.05.2026).

⁵ Постановление Шебалинского районного суда Республики Алтай от 8 июня 2021 г. по делу № 1-83/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/0MJAv83SBzdL/?page=16®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675845138285®ular-judge=&snippet_pos=1554#snippet (дата обращения 20.05.2026).

подтверждается совокупностью согласованных доказательств – протоколами осмотра места происшествия и предметов, протоколами выемки, кассовым чеком, копией коробки от автомагнитолы, показаниями свидетелей и потерпевших¹.

Данные примеры из правоприменительной практики свидетельствуют о том, что часть судей воспринимает подозрение как достаточно обоснованное предположение, подкреплённое конкретными доказательствами. Нельзя, однако, исключать вероятность того, что в представленных решениях происходит смешение понятий: средства, достаточные для обоснования подозрения, отождествляются с теми, которые необходимы для возбуждения уголовного дела, задержания или избрания меры пресечения. Это смешение, по всей видимости, связано с трудностями в интерпретации сложных процессуальных требований и с прагматическим стремлением к быстрой и эффективной реакции на преступления.

Наряду с судебными решениями, оперирующими категорией «доказательства», в правоприменительной практике встречаются решения, в которых суды используют законодательно закреплённые формулировки. Например, в апелляционном постановлении от 2 ноября 2020 года по делу № 10-6/2020 суд констатировал, что в ходе дознания получены достаточные основания подозревать лицо в совершении преступления². В постановлении от 7 октября 2021 года по делу № 2-14/2021 суд отметил, что в материалах дела содержатся достаточные данные, подтверждающие обоснованность подозрения в

¹ Постановление Шучанского районного суда Курганской области от 17 марта 2021 г. по делу № 1-55/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/J0LvHiZ5fYbp/?page=19®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675845332506®ular-judge=&snippet_pos=2348#snippet (дата обращения 20.05.2026).

² Апелляционное постановление Шебалинского районного суда (Республика Алтай) от 2 ноября 2020 г. по делу № 10-6/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/mRwbIY9QDUdU/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+223.1.+Уведомление+о+подозрении+в+совершении+преступления%28УПК+ПФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1675842400930 (дата обращения 20.05.2026).

причастности к совершению инкриминированных преступлений¹. Таким образом, в судебной практике различие между доказательствами и достаточными данными (основаниями) как средствами доказывания подозрения всё же проводится. Это видно из приведённых решений.

Проведённое нами анкетирование следователей и дознавателей показало, что единого понимания средств доказывания подозрения у практических работников нет. Что интересно, сторонников двух основных ответов оказалось почти поровну: 33,63% опрошенных называют достаточные доказательства, а 34,98% – достаточные данные. Почти 28% респондентов считают, что речь должна идти о сочетании достаточных доказательств и данных. Результаты оперативно-розыскной деятельности указали лишь 3,59% опрошенных².

Мы видим здесь разрыв между законодательным регулированием и тем, как его воспринимают практические работники. Законодатель последовательно использует категорию «достаточные данные», тогда как значительная часть опрошенных по-прежнему отождествляет средства доказывания подозрения с доказательствами. Данное обстоятельство актуализирует необходимость научного осмысления рассматриваемой проблематики и выработки единообразного подхода к её разрешению.

На наш взгляд, в пользу позиции, признающей средствами доказывания подозрения достаточные данные, свидетельствует системный анализ норм УПК РФ. При этом достаточные данные следует понимать как родовую категорию, охватывающую всю совокупность сведений, способных обосновать вероятностный вывод о причастности лица к преступлению. Сведения, уже отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам, образуют её частный случай: их наличие подозрение не исключает и не обесценивает, однако

¹ Постановление Ярославского областного суда от 7 октября 2021 г. по делу № 2-14/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/LSuFWrMiuJxw/?page=6®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_id=1675844432738®ular-judge=&snippet_pos=2748#snippet (дата обращения 20.05.2026).

² См. Приложение № 3.

обязательным условием его формирования не выступает. Методологически некорректно, таким образом, не использование доказательств при обосновании подозрения, а обратное – возведение доказательств в ранг обязательного и единственного средства, при котором эпистемологический стандарт доказывания обвинения переносится на качественно иную форму уголовного преследования. На начальных этапах уголовного преследования зачастую не хватает времени и ресурсов для сбора полноценных доказательств; использование данных даёт возможность обеспечить оперативное реагирование на возможное преступление. Важно при этом, чтобы достаточные данные были убедительными и создавали разумные основания для обоснованного подозрения. В ходе дальнейшего расследования они должны либо трансформироваться в полноценные доказательства, прошедшие проверку на допустимость, относимость и достоверность, либо утратить свой доказательственный потенциал – что, в свою очередь, повлечёт пересмотр выдвинутого подозрения. Достаточные данные для подозрения, не являясь полноценными доказательствами, создают разумное основание для предположения о возможном совершении преступления конкретным лицом и стимулируют дальнейший поиск и анализ информации – что, с позиций критического мышления, выступает их ключевой процессуальной функцией¹.

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства актуализирует вопрос о расширении каталога средств доказывания подозрения за счёт включения новых типов информации. Данные геолокации, метаданные электронных коммуникаций, сведения из социальных сетей и облачных хранилищ существенно расширяют круг информации, на которой может основываться подозрение. Их доказательственный потенциал проявляется вполне конкретно. Данные GPS могут указывать, где находился подозреваемый

¹ См. более подробно об этом: Гаджиев И.А. Достаточные данные как средства доказывания подозрения в российском уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 253-255.

в определённое время; сообщения из социальных сетей – содержать сведения о его намерениях или поведении.

Впрочем, возможность получить такие сведения ещё не снимает вопросов об их использовании при доказывании подозрения. Здесь остаются и теоретические, и сугубо практические трудности. *Во-первых*, нужно определить процессуальную форму получения и фиксации цифровых данных: она должна позволять впоследствии проверить их и решить вопрос об их допустимости. *Во-вторых*, получение этих сведений затрагивает конституционные права на неприкосновенность частной жизни и тайну коммуникаций. Поэтому требование соразмерности должно соблюдаться уже при их получении. *В-третьих*, техническая сложность цифровых данных предопределяет необходимость привлечения специальных знаний для их интерпретации, что непосредственно влияет на оценку их достоверности. Поэтому интеграция цифровых данных в систему средств доказывания подозрения требует разработки специальных процессуальных механизмов, обеспечивающих баланс между эффективностью расследования и защитой прав личности, а также обновления существующего законодательства с тем, чтобы новые средства доказывания подозрения были сопоставимы с традиционными доказательственными средствами по своей юридической значимости.

Системный анализ ч. 1 ст. 46 УПК РФ даёт возможность сформулировать итоговый вывод о позиции законодателя по данному вопросу. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица статус подозреваемого основывается на достаточности собранных данных (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). При задержании лица в порядке ст. 91 УПК РФ средствами доказывания подозрения выступают данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления. Применение меры пресечения до предъявления обвинения предполагает наличие достаточных оснований полагать, что подозреваемый совершит одно из действий, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ; такие основания устанавливаются наряду с обоснованным подозрением, однако и здесь законодатель оперирует категорией «достаточные

основания», а не «доказательства». Письменное уведомление о подозрении в совершении преступления составляется при получении в ходе дознания достаточных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ). Следовательно, при существующем разнообразии мнений среди учёных УПК РФ в этом вопросе предельно последователен: ни одна из перечисленных норм не требует наличия полноценных доказательств в качестве средств доказывания подозрения, последовательно используя категории «достаточные данные» и «достаточные основания». Дивергенция в доктрине и практике по данной проблематике создаёт неоднозначность применения уголовно-процессуальных норм и требует единого подхода, нивелирующего расхождение между теорией и законодательством¹.

Сформулируем основные выводы по итогам параграфа.

1. Средствами доказывания подозрения являются достаточные данные, которые с гносеологической точки зрения представляют собой основания для вероятностного, а не достоверного знания о причастности лица к совершению преступления. Достаточные данные образуют родовую категорию, охватывающую всю совокупность сведений, способных обосновать такой вывод, включая и те из них, которые уже отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам; последние составляют частный случай данной категории и обязательным условием формирования подозрения не выступают. Этот вывод, на наш взгляд, подтверждается положениями ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 140, ст. ст. 91, 97, 223.1 УПК РФ. Применительно к подозрению законодатель последовательно обращается к категориям «достаточные данные» и «достаточные основания». Наличие полноценных доказательств на этом этапе уголовного преследования перечисленные нормы не требуют.

2. Отождествлять средства доказывания подозрения с уголовно-процессуальными доказательствами, по нашему мнению, методологически

¹ См. более подробно об этом: Гаджиев И.А. Средства доказывания подозрения в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 167-170.

неверно. При таком отождествлении теряется принципиальное различие между подозрением как вероятностным знанием и обвинением как знанием достоверным. По сути, признание доказательств единственным допустимым средством обоснования подозрения уравнило бы стандарты доказывания для двух качественно разных форм уголовного преследования. Это противоречило бы их процессуальной природе и гносеологическим основаниям уголовно-процессуального познания. Практические последствия были бы не менее существенными: оперативное реагирование на признаки преступной деятельности оказалось бы парализовано, а подозрение утратило бы самостоятельное значение в системе уголовного преследования. Некорректным при этом является именно отождествление, а не сама возможность обоснования подозрения сведениями, отвечающими требованиям, предъявляемым к доказательствам: такие сведения из числа средств доказывания подозрения не исключаются, но и обязательного условия его формирования не образуют.

3. Методологически уязвимой является и промежуточная позиция, признающая средствами доказывания подозрения одновременно и доказательства, и достаточные данные. Её изъян состоит не в допущении того, что подозрение может опираться в том числе на доказательства, а в том, что разнородные по эпистемологической природе явления ставятся в один ряд как равноположенные категории средств, соотношение между которыми не определяется. Между тем доказательства, формирующие достоверное знание, и иные сведения, создающие основания для знания вероятностного, находятся в отношении не координации, а субординации: и те и другие охватываются родовой категорией достаточных данных, различаясь степенью процессуальной формализации и юридической силой. Отказ от выявления данной субординации порождает терминологическую неопределённость, при которой остаются неустановленными критерии разграничения указанных видов сведений и требования, предъявляемые к каждому из них.

4. С позиций теории аргументации достаточные данные для подозрения относятся к категории *prima facie* свидетельств – сведений, которые на первый

взгляд указывают на определённый вывод, но могут быть опровергнуты при получении новой информации. На их основе возникает опровержимая презумпция причастности. Она сохраняется, пока не будет опровергнута либо пока исходные данные не превратятся в полноценные доказательства. При этом достаточность данных нельзя оценивать в отрыве от обстоятельств конкретного преступления. Они должны быть непосредственно связаны с криминальным событием, относиться к обстоятельствам причастности лица и быть достаточно убедительными, чтобы обосновать дальнейшее расследование.

5. Цифровая трансформация уголовного судопроизводства требует определить, как использовать при доказывании подозрения сведения о геолокации, метаданные электронных коммуникаций, информацию из социальных сетей и облачных хранилищ. На наш взгляд, здесь нужны специальные процессуальные механизмы, сочетающие эффективность расследования с защитой конституционных прав личности. Закон должен регулировать получение, фиксацию и оценку цифровых данных с учётом требований допустимости, относимости и достоверности.

3.2. Способы доказывания подозрения в уголовном процессе

Проведённое в предыдущем параграфе исследование средств доказывания подозрения создаёт необходимую теоретическую основу для анализа способов его доказывания. Если средства доказывания отвечают на вопрос о том, *посредством чего* устанавливаются обстоятельства, входящие в предмет доказывания подозрения, то способы доказывания раскрывают, *каким образом* осуществляется соответствующая познавательная деятельность. Данный вопрос завершает системный анализ доказывания подозрения в его логическом движении: от *предмета* (что доказывается) через *пределы* (насколько) и *средства* (посредством чего) к *способам* (как именно).

В уголовно-процессуальном контексте категория «способы доказывания» традиционно интерпретируется как совокупность процедурно-организационных

форм познавательной деятельности, направленной на получение, проверку и оценку доказательно значимой информации¹. Применительно к доказыванию обвинения данный подход предполагает отождествление способов доказывания с процессуальными действиями, регламентированными УПК РФ. Однако при анализе доказывания подозрения он требует существенной корректировки, обусловленной специфической эпистемологической природой подозрения как формы вероятностного знания.

По нашему мнению, специфика подозрения детерминирует расширительное толкование способов его доказывания. Обвинение формируется исключительно на основе доказательств, полученных процессуальным путём. С подозрением дело обстоит иначе: его могут обосновывать данные, которые ещё не приобрели статуса доказательств и получены как процессуальными, так и непроцессуальными способами. На начальном этапе уголовного преследования познавательная деятельность менее формализована. Здесь используется и информация, пока не отвечающая всем требованиям, предъявляемым к уголовно-процессуальным доказательствам. Именно этим объясняется процессуально-функциональная дихотомия способов доказывания подозрения. По сути, речь идёт о двух группах: следственных и иных процессуальных действиях, предусмотренных УПК РФ, и непроцессуальных оперативно-розыскных мероприятиях. В совокупности эти способы образуют комплекс

¹ См.: Кудрявцев В.Л., Лантух Н.В. Глава 10. Уголовно-процессуальное доказывание // Актуальные проблемы уголовного процесса: учебник для адъюнктов и магистрантов образовательных организаций системы МВД РФ. СПб.: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2022. С. 266-353; Титов П.С. Средства собирания доказательств в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Титов Павел Сергеевич. Екатеринбург, 2022. С. 15-120; Ахмедов У.Н., Леонов А.И. О методологических подходах к определению правовой сущности и доказательственного значения следственных, судебных и иных процессуальных действий // Правда и Закон. 2023. № 1 (23). С. 33-42; Лутошкина Т.В., Лутошкин Г.Ю. Актуальные проблемы собирания доказательств на стадии предварительного расследования в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации // Новеллы права, экономики и управления 2022: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Гатчина, 25 ноября 2022 года. Том 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 157-159; Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Юридическое издательство «Норма», 2023. 240 с.

действий, направленных на сбор, проверку и оценку информации о событии преступления и лице, возможно его совершившем.

Значимость данного вопроса определяется рядом взаимосвязанных факторов. Интеграция научно-технических достижений в процессуальную форму доказывания обуславливает трансформацию традиционных способов и формирование новых процедур получения доказательственной информации; цифровизация общественных отношений актуализирует переосмысление классических способов доказывания применительно к электронным носителям информации, использованию видео-конференц-связи, дистанционным формам производства процессуальных действий¹. Тенденция к гармонизации процессуальных стандартов в контексте международного правового сотрудничества ставит вопросы сопоставимости результатов познавательной деятельности, осуществлённой с использованием различных национальных процедур². Наконец, адаптация способов доказывания к эволюции форм преступной деятельности, включая трансграничную и киберпреступность,

¹ См.: Овсянников Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Овсянников Дмитрий Васильевич. Челябинск, 2015. С. 65-106; Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Черкасов Виктор Сергеевич. Хабаровск, 2022. С. 15-57; Добровлянина О.В. Цифровизация производства следственных действий // Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М.: ООО «Перспектив», 2022. С. 580-592; Иванова О.Г., Недбайлов П.А. Порядок собирания цифровой информации в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 326-329; Семенцов В.А., Глимеда В.В. Технология видео-конференц-связи и ее применение в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 2. С. 67-76, и др.

² См.: Попова И.А. Совершенствование законодательства, регламентирующего собирание доказательств в уголовном процессе Российской Федерации: актуальные направления современного этапа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Попова Ирина Алексеевна. М., 2014. С. 126-151; Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Пастухов Павел Сысоевич. М., 2015. С. 356-385; Стельмах В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Стельмах Владимир Юрьевич. Екатеринбург, 2021. С. 205-305.

требует корреляции между эффективностью уголовного преследования и гарантиями прав личности¹.

Результаты проведенного нами анкетирования следователей и дознавателей показывают, что большинство респондентов (54,71%) считают способами доказывания подозрения как следственные и иные процессуальные действия, так и оперативно-розыскные мероприятия. Более узкого понимания придерживаются 39,91% опрошенных: они относят к способам доказывания только уголовно-процессуальные действия. Лишь 5,38% респондентов считают единственным способом оперативно-розыскные мероприятия. Такую позицию, на наш взгляд, можно признать методологически ошибочной, поскольку она противоречит процессуальной природе уголовного преследования². Что интересно, преобладающий ответ допускает обе группы способов. Это показывает склонность практических работников к расширительному пониманию способов доказывания подозрения и подтверждает обоснованность предложенной выше концепции дихотомии.

На наш взгляд, при рассмотрении способов доказывания подозрения нужно прежде всего учитывать стадию производства по делу. Действующий УПК РФ регулирует их по-разному. На стадии возбуждения уголовного дела они ограничены перечнем ч. 1 ст. 144 УПК РФ. В ходе предварительного расследования набор используемых способов фактически не исчерпывается процессуальными инструментами, предусмотренными Кодексом.

¹ См.: Зуев С.В., Титова А.С. Слабые стороны информационного подхода в свете цифровизации уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1 (20). С. 49-54; Соколов Ю.Н. Уголовно-процессуальное доказывание как информационная технология // Евразийский юридический журнал. 2019. № 4 (131). С. 272-274; Власова С.В. К вопросу о различии досудебного (следственного) и судебного (состязательного) уголовно-процессуального доказывания // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 109-116; Костенко Н.С. Особенности процесса доказывания по уголовным делам, разрешаемым с помощью компромиссных процедур // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 9-12; Хорьяков С.Н. Исторически обусловленная трансформация понимания процесса доказывания // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 1 (39). С. 101-107.

² См.: Приложение № 3.

При проверке сообщения о преступлении допустимые действия перечислены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Можно получить объяснения от лиц, располагающих значимой информацией, истребовать и изъять документы и предметы, назначить судебную экспертизу и участвовать в её производстве. В этот же перечень входят осмотр места происшествия, документов, предметов и трупов, а также освидетельствование для выявления следов преступления. Предусмотрено и назначение документальных проверок, ревизий и исследований с привлечением специалистов. Наконец, органу дознания может быть поручено проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Впрочем, сам перечень ещё не решает вопроса о порядке проведения этих действий. Здесь, на наш взгляд, обнаруживается существенное противоречие между их процессуальной природой и тем, как они урегулированы законом. Самостоятельная регламентация в УПК РФ предусмотрена для следственных действий – осмотра, освидетельствования, назначения экспертизы. Остальные действия из перечня, в том числе получение объяснений, истребование документов и проведение ревизий, такой регламентации не имеют. Это означает, что порядок производства значительной части способов доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, процедурные гарантии прав лиц, в отношении которых они применяются, а также юридическая природа полученных результатов остаются нормативно неопределёнными. Данное обстоятельство актуализирует дискуссию о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела в её традиционном понимании с учётом опыта зарубежных юрисдикций, отказавшихся от подобной процессуальной конструкции в пользу непосредственного начала расследования¹.

После возбуждения уголовного дела в стадии предварительного расследования процессуальный арсенал способов доказывания подозрения

¹ Проблематика отказа от стадии возбуждения уголовного дела представляет собой отдельный серьёзный вопрос. Для его решения, как представляется, необходимо анализировать и сравнивать различные подходы в международном контексте, включая практики стран с континентальной и англосаксонской системами права. При этом требуется сбалансированный подход, направленный на усиление защиты прав и свобод подозреваемого, упрощение и ускорение досудебного этапа уголовного процесса.

существенно расширяется. Вместе с тем законодатель в отдельных нормах конкретизирует необходимость использования определённых следственных действий в качестве обязательных способов доказывания подозрения, что имеет принципиальное значение для оценки правомерности применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Пункт 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ допускает задержание лица по подозрению в совершении преступления при условии, что потерпевшие или очевидцы указали на него как на совершившее преступление. Законодательная формулировка имплицитно предполагает обязательность проведения допросов потерпевших и свидетелей-очевидцев: без осуществления указанных процессуальных действий применение меры уголовно-процессуального принуждения в виде задержания представляется юридически необоснованным.

В п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ формирование подозрения связывается с обнаружением явных следов преступления на лице, его одежде, при нём или в его жилище. Каким образом эти следы могут быть обнаружены и закреплены? Осмотр места происшествия (ст. 176 УПК РФ) позволяет зафиксировать материальную обстановку и выявить следы преступления. Обыск и личный обыск (ст. ст. 182, 184 УПК РФ) направлены на отыскание и изъятие предметов, документов и следов, имеющих значение для дела. Другое дело, когда достоверно известно, где находятся определённые предметы и документы: для их изъятия проводится выемка (ст. 183 УПК РФ).

Таким образом, в рассмотренных нормах мы видим систему процессуально необходимых способов доказывания подозрения. Значение имеет не только то, какие действия допустимы, но и то, какие из них необходимы для процедурного обоснования принуждения на начальном этапе уголовного преследования. Именно такую связь, по нашему мнению, устанавливает законодатель.

Наряду с процессуальными действиями, в теории многими авторами обоснованно отмечается, что оперативно-розыскные мероприятия оказывают значительное влияние на качество расследования и могут выступать в роли способов установления обстоятельств преступления, а также получения будущей

доказательственной базы¹. Вместе с тем проблематика использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в доказывании сохраняет свою актуальность как в доктрине², так и в правоприменительной практике.

Правоприменительная практика содержит примеры прямого признания судами оперативно-розыскных мероприятий в качестве способов доказывания подозрения. Так, Советский районный суд г. Томска зафиксировал, что оперативно-розыскное мероприятие «проверочная закупка» проводилось на основе имевшегося у сотрудников правоохранительных органов подозрения о сбыте наркотических средств³. Корсаковский городской суд Сахалинской

¹ См.: Сотникова Ю.В., Тисен О.Н. Оперативно-розыскные мероприятия как способ установления обстоятельств преступления // Евразийский союз ученых. 2020. № 4-10 (73). С. 70-73; Горбанев В.М., Малов Ю.В. Оперативно-розыскные мероприятия как средство оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью // Выявление и раскрытие преступлений коррупционной и экономической направленности: передовой опыт, проблемы и пути их решения: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28 мая 2021 года / сост.: М.Л. Родичев. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2021. С. 98-100; Омелин В.Н. Оперативно-розыскные мероприятия как правовой институт // Закон и право. 2021. № 7. С. 182-184; Омелин В.Н. Об общих условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий // Закон и право. 2023. № 2. С. 219-220; Шаров В.И. Оперативно-розыскные мероприятия при различных формах оперативно-розыскной деятельности // Ius Publicum et Privatum. 2022. № 5 (20). С. 176-183; Французов А.О., Молдавский М.В. Оперативно-розыскные мероприятия как способ познания в оперативно-розыскной деятельности // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 1 (9). С. 105-108; Шахматов А.В. Основные законодательные проблемы при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Ius Publicum et Privatum. 2023. № 1 (21). С. 205-211.

² См.: Бобрешова К.В. О проблемах использования оперативно-режимной информации в процессе доказывания на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Новосибирск, 01 июня 2022 года. М.: Московская академия Следственного комитета РФ, 2022. С. 9-12; Маевский С.С. Оперативно-розыскная информация и ее использование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: общие проблемы // Экономика. Социология. Право. 2022. № 4 (28). С. 111-117; Дзабиев У.К. Использование следователем результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Дзабиев Урузмаг Казбекович. Краснодар, 2023. С. 93-202; Мухина М.А., Орлова И.А., Вытовтов А.Е. Правовая основа предоставления в систему уголовного судопроизводства результатов оперативно-розыскной деятельности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (19). С. 23-29.

³ Приговор Советского районного суда г. Томска от 29 ноября 2018 г. по делу № 1-374/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/dUuSjXbWuj1O/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение+оперативно-

области констатировал, что органы предварительного следствия после проведения комплекса оперативно-розыскных и следственных мероприятий располагали достаточными данными о причастности лица к инкриминируемым деяниям¹. Приморский районный суд г. Новороссийска зафиксировал задержание лица в результате оперативно-розыскных мероприятий по подозрению в незаконном обороте наркотических средств².

Оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) в Российской Федерации регламентируются Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³. Статья 6 данного закона перечисляет ОРМ, включая опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемую поставку, оперативный эксперимент и получение компьютерной информации.

[розыскные+мероприятия&_ =1701782698189®ular-judge=&snippet_pos=10360#snippet](#) (дата обращения 20.05.2026).

¹ Приговор Корсаковского городского суда (Сахалинская область) от 28 июня 2019 г. по делу № 1-120/2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/NXX0KDmAHINX/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение+оперативно-розыскные+мероприятия&_ =1701782698189®ular-judge=&snippet_pos=7976#snippet (дата обращения 20.05.2026).

² Приговор Приморского районного суда г. Новороссийска от 30 января 2020 г. по делу № 1-456/2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/tfqZGM2AXfYL/?regular-txt=подозрение+оперативно-розыскные+мероприятия®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_ =1701781986561&snippet_pos=7364#snippet (дата обращения 20.05.2026).

³ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/?ysclid=lptnmiuqix227233695 (дата обращения 20.05.2026).

Методологически обоснованным представляется включение ОРМ в систему способов доказывания подозрения: они дают возможность получить первичные сведения о предполагаемой связи лица с преступным событием – результаты наблюдения, прослушивания, исследования документов способны указывать на вероятную причастность ещё до начала формального расследования. В п. 36.1 ст. 5 УПК РФ результаты ОРД определены как «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершённого преступления, а также о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление». Обратим внимание: законодатель говорит именно о сведениях. На наш взгляд, это определение позволяет рассматривать результаты ОРД как процессуально значимую информацию, назначение которой не обязательно сводится к установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию.

При этом использование информации, полученной в ходе ОРМ, в уголовном процессе связано с требованиями ст. 89 УПК РФ. Она определяет условия использования результатов ОРД в качестве доказательств. Здесь, однако, мы усматриваем неоправданное ограничение возможностей ОРД. Её результаты могут служить и для формирования подозрения, выбора направления расследования, идентификации субъектов процессуальных действий, решения иных познавательных задач. Поэтому их процессуальное значение нельзя свести к роли доказательств. Полученные в ходе ОРД сведения не всегда могут соответствовать строгим критериям допустимости доказательств, но при этом сохраняют релевантность для уголовного дела. Исключая возможность использования результатов ОРД в иных процессуальных качествах, ст. 89 УПК РФ потенциально снижает эффективность доказывания подозрения – особенно на начальных этапах расследования латентных и организованных форм преступности.

ОРМ, в отличие от следственных действий, выполняют функцию непроцессуальных способов доказывания подозрения, что актуализирует вопрос

о соотношении ОРМ со следственными действиями и возможных путях интеграции ОРМ в систему уголовно-процессуального доказывания. В доктрине данная проблема является сложной и многогранной¹, поскольку ОРМ обычно осуществляются до начала или параллельно с уголовным процессом и не регламентируются уголовно-процессуальным законодательством. Отдельные исследователи выступают за конвергенцию – сближение или объединение ОРМ с уголовно-процессуальной деятельностью в качестве отдельной разновидности следственных действий и предлагают оригинальные механизмы интеграции результатов ОРД в досудебное уголовное производство².

Для понимания возможных путей преодоления описанного противоречия необходимо обратиться к сравнительно-правовому анализу, который

¹ См.: Луковников Г.Д. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: изд-во «Юрайт», 2020. 290 с. (Высшее образование). Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/449179> (дата обращения 20.05.2026); Расулова Н.С., Миргородская Э.Р. Негласные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия как средство доказывания в уголовном процессе России и некоторых постсоветских республик // Правоохранительные органы: теория и практика. 2020. № 2 (39). С. 8-11; Семенцов В.А. Правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2020. С. 9-10; Суденко В.Е. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия и их соотношение в уголовном процессе // Военное право. 2020. № 5 (63). С. 161-167; Семенцов В.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2021. С. 62-63; Кольцов Д.В. Специальные методы расследования и оперативно-розыскные мероприятия. Вопросы соотношения // Научные труды Российской таможенной академии, Москва, 25 ноября 2022 года. М.: Российская таможенная академия, 2022. С. 141-144.

² См.: Закотянский А.С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Закотянский Алексей Сергеевич. Самара, 2015. С. 98-130; Семенцов В.А., Дзабиев У.К. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 161-165; Семенцов В.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном доказывании // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2. № 1 (1). С. 151-157; Кабаев А.В. К вопросу о необходимости законодательного закрепления понятия «оперативно-розыскные мероприятия» // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 04 мая 2021 года. Том 5 (47). М.: ООО "Интернаука", 2021. С. 132-139; Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: правовая основа и правоприменительная практика / А.С. Алексанин, И.А. Антонов, С.И. Захарцев [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ, 2022. 315 с.

обнаруживает две принципиально различные модели соотношения ОРМ и уголовно-процессуального доказывания.

Первая модель реализована в странах англо-американской правовой семьи и основана на концепции интегративного «*investigation*», объединяющего элементы предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности в единый гибкий механизм. В США и государствах – членах ЕС специализированные агентства проводят «*investigation*» для сбора разведывательных данных или предварительных сведений о преступлениях, однако для использования этих сведений в уголовном суде они должны быть преобразованы в доказательства в соответствии с требованиями национального законодательства. В странах общего права «*investigation*» охватывает как разновидности оперативных мероприятий (наблюдение, прослушивание и т.п.), так и традиционные следственные действия (допросы, обыски). Процедура расследования характеризуется большей гибкостью, может включать межведомственное сотрудничество и варьироваться в зависимости от характера и сложности дела. В ходе «*investigation*» на основе собранной информации формируется подозрение, способное трансформироваться в обвинение при наличии достаточных убедительных данных. Следовательно, в системах общего права «*investigation*» характеризуется меньшей степенью формализации, объединяя ОРМ и следственные действия в единую познавательную процедуру.

Вторая модель, получившая законодательное закрепление в ряде постсоветских государств, предполагает инкорпорирование в уголовно-процессуальное законодательство института негласных (специальных, тайных) следственных действий, представляющих собой процессуально регламентированную форму ОРМ. Именно эта модель представляется методологически предпочтительной для российского уголовного процесса с учётом его континентальной природы и развитой системы процессуальных гарантий.

Например, УПК Республики Казахстан устанавливает, что негласные следственные действия осуществляются по поручению органа досудебного

расследования уполномоченными подразделениями правоохранительных или специальных государственных органов с применением форм и методов ОРД; информация, полученная в ходе таких действий, подлежит исследованию и может быть использована в качестве доказательств¹. УПК Украины рассматривает негласные следственные действия как разновидность ОРМ, основанием для проведения которых служит возможность получения доказательств, способных существенно повлиять на выяснение обстоятельств преступления или определение виновных лиц². УПК Кыргызской Республики предусматривает специальные следственные действия в ситуациях, когда для получения сведений без разглашения заинтересованным лицам обычными следственными действиями установить необходимые обстоятельства невозможно, а результаты этих действий используются в процессе доказывания³. Наконец, УПК Грузии допускает производство тайных следственных действий в случаях, когда сбор доказательств, имеющих значение для расследования, иными способами невозможен или потребует необоснованно значительных усилий⁴.

По нашему мнению, при сбалансированном подходе и тенденции к постепенному сближению уголовно-процессуальной деятельности и ОРД методологически обоснованным для отечественного УПК представляется включение института негласных следственных действий. Общая логика данного предложения состоит в следующем. ОРМ де-факто уже используются как способы доказывания подозрения – это подтверждается и доктриной, и судебной

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения 20.05.2026).

² Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения 20.05.2026).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения 20.05.2026).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия от 9 октября 2009 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=151> (дата обращения 20.05.2026).

практикой, и анкетированием. Игнорирование этого факта на нормативном уровне не устраняет ОРМ из практики, а лишь порождает правовую неопределённость в отношении их процессуального статуса. Введение института негласных следственных действий позволит эту неопределённость устранить: ОРМ обретут чёткую процессуальную форму, что создаст гарантии прав лиц, в отношении которых они применяются, и обеспечит проверяемость и допустимость полученных результатов.

Для эффективной интеграции ОРМ в уголовный процесс России потребуются законодательные изменения, которые должны включать уточнение процессуального статуса данных, полученных в ходе негласных следственных действий, в том числе их использование в качестве средств для выдвижения подозрения. При этом гипотетическая конвергенция ОРМ со следственными действиями должна соблюдать баланс между результативностью расследования и защитой прав и свобод граждан, не нарушая конституционных принципов и международных стандартов прав человека¹.

Сформулируем основные выводы по итогам параграфа.

1. Категория способов доказывания подозрения в методологическом плане может рассматриваться как процедурно-организационную форму реализации познавательной функции уголовного процесса на начальных этапах уголовного преследования. Принципиальное отличие способов доказывания подозрения от способов доказывания обвинения заключается в их процессуально-функциональной дихотомии: они охватывают не только процессуальные действия, регламентированные УПК РФ, но и непроцессуальные оперативно-розыскные мероприятия. Указанная дихотомия отражает эпистемологическую природу подозрения, которое формируется на основе совокупности данных, не достигших статуса доказательств, но обладающих процессуальной релевантностью для обоснования уголовного преследования.

¹ См. более подробно об этом: Гаджиев И.А. Способы доказывания подозрения в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 3. С. 192-197.

2. Исследование способов доказывания подозрения в системной связи с предметом, пределами и средствами его доказывания обнаруживает их функциональное единство в структуре уголовно-процессуального познания. Если предмет доказывания подозрения определяет совокупность обстоятельств, подлежащих установлению, пределы – степень конкретизации и детализации этих обстоятельств, а средства – информационный субстрат доказывания, то способы раскрывают процедурные механизмы познавательной деятельности. Вместе эти четыре элемента образуют единую систему доказывания подозрения. На наш взгляд, именно их согласованное действие позволяет сочетать эффективность уголовного преследования с гарантиями прав личности на его начальном этапе.

3. Способы доказывания подозрения в действующем УПК РФ урегулированы по-разному в зависимости от стадии производства. Это отражает изменение познавательных задач по мере движения уголовного процесса. Однако на стадии возбуждения уголовного дела такое регулирование остаётся внутренне противоречивым. Часть 1 ст. 144 УПК РФ закрепляет исчерпывающий перечень действий, но значительная их часть не получила самостоятельной процессуальной регламентации. Порядок их производства и юридическая природа результатов нормативно не определены. Мы полагаем, что в этом проявляется концептуальная незавершённость данной стадии; вопрос о её реформировании требует обсуждения с учётом зарубежного опыта.

4. В ходе предварительного расследования возможности доказывания подозрения существенно расширяются. При этом в п. п. 2 и 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ законодатель связывает правомерность уголовно-процессуального принуждения с использованием определённых способов доказывания. Мы рассматриваем эти способы как процессуально необходимые, а не только допустимые. Допрос потерпевших и свидетелей, осмотр места происшествия, обыск и выемка в этом случае выступают условиями правомерности задержания. Здесь особенно отчётливо видна связь способов доказывания подозрения с процессуальными гарантиями прав личности.

5. При рассмотрении процессуального статуса оперативно-розыскных мероприятий как способов доказывания подозрения обнаруживается принципиальное противоречие: потребности эффективного уголовного преследования не согласуются с действующей моделью использования результатов ОРД. На наш взгляд, ст. 89 УПК РФ, ограничивая их использование исключительно ролью доказательств, не учитывает, что ОРМ выполняют несколько процессуальных функций. Результаты ОРД обладают процессуальной значимостью не только как потенциальные доказательства, но и как средства формирования подозрения, определения направления расследования, идентификации субъектов процессуальных действий. Действующая законодательная модель необоснованно сужает процессуальный потенциал ОРД, что снижает эффективность механизма доказывания подозрения.

6. Сравнительно-правовой анализ обнаруживает две принципиально различные модели соотношения ОРМ и уголовно-процессуального доказывания. Первая, реализованная в странах англо-американской правовой семьи, основана на концепции интегративного *«investigation»*, объединяющего ОРМ и следственные действия в единый гибкий механизм. Вторая, закреплённая в УПК Казахстана, Украины, Кыргызстана и Грузии, предполагает инкорпорирование в уголовно-процессуальное законодательство института негласных (специальных, тайных) следственных действий, представляющих собой процессуально регламентированную форму ОРМ. Для российского уголовного процесса мы считаем методологически предпочтительной вторую модель. Она ближе его континентальной природе и развитой системе процессуальных гарантий. Включение института негласных следственных действий в УПК РФ позволит устранить неопределённость процессуального статуса ОРМ как способов доказывания подозрения. При этом необходимым условием остаётся соблюдение конституционных принципов и международных стандартов прав человека.

Заключение

Проведённое исследование позволило представить доказывание подозрения как целостный механизм, а не как набор разрозненных процессуальных эпизодов. Доктринальные положения проверялись нормативным материалом, нормативные конструкции – судебной практикой и результатами анкетирования следователей и дознавателей. Итоги работы сводятся к следующему.

1. Главный теоретический результат – обоснование двухкомпонентной природы подозрения. Сложившиеся в отечественной доктрине подходы (процессуально-формальный, гносеологический и интегративный) при всех различиях страдают общим изъяном: каждый выдвигает на первый план одну сторону явления, и целое ускользает. Разграничение гносеологического и юридического компонентов эту фрагментарность снимает. Первый фиксирует вероятностную природу подозрения как предположения о причастности лица к преступлению, отличающегося от обвинения самим эпистемологическим стандартом познания. Второй отвечает за процессуально-правовую форму, в которой подозрение существует, – за его законность, подконтрольность, предварительную квалификацию деяния и обеспечение прав подозреваемого. Работают они только вместе. Подозрение, содержательно обоснованное, но процессуально не оформленное, правовых последствий не порождает; подозрение, оформленное безусловно, но произвольное по содержанию, лишено фактической основы. Эта неразрывность и задаёт логику всех дальнейших выводов.

2. На той же основе построено авторское определение: подозрение есть основанное на достаточных данных предварительное предположение уполномоченного субъекта уголовного преследования о возможной причастности конкретного лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом, выраженное в предусмотренной законом процессуальной форме и подлежащее проверке в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

Системообразующее слово здесь – «причастность»: именно оно связывает общие сведения о преступлении с подозрением, обращённым к конкретному лицу. Между тем легальной дефиниции в ст. 5 УПК РФ нет, и правоприменитель остаётся без нормативного ориентира – при том, что разъяснять существо подозрения закон его обязывает. Отсюда предложение дополнить ст. 5 УПК РФ определением подозрения как предположения о возможной причастности определённого лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом.

3. Регулирование статуса подозреваемого обнаруживает дефекты, которые толкованием не устраняются. В ч. 1 ст. 46 УПК РФ материальное основание статуса смешано с процессуальными формами его оформления: возникновение статуса поставлено в зависимость от процессуальных действий и решений, хотя логика должна быть обратной – сначала складывается подозрение, и лишь затем лицо признаётся подозреваемым. Последовательно эта логика проведена только в п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Не менее показательны право на информацию. Пункт 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ закрепляет право знать, в чём лицо подозревается, но обязанности разъяснить сущность подозрения не устанавливает, тогда как в отношении поручителя, командования воинской части, родителей несовершеннолетнего и залогодателя такая обязанность прописана прямо. Асимметрия получается странная: правовую информацию объясняют всем, кроме того, чьи интересы затронуты непосредственно. Наконец, п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ не называет среди охраняемых назначением судопроизводства интересов защиту от незаконного и необоснованного подозрения – при том что по правоограничительным последствиям подозрение сопоставимо с обвинением, а вероятностная его природа риск ошибочного вовлечения лица в уголовное преследование только повышает.

4. Сопоставление подозрения и обвинения вывело на противоречие в самом устройстве досудебного производства. Состязательная модель провозглашена, однако институт предъявления обвинения в ходе расследования (гл. 23 УПК РФ) унаследован от советской системы и приписываемых ему функций не выполняет. Статья 100 УПК РФ привязывает момент

формулирования обвинения к срокам применения мер пресечения, а не к завершению доказывания и сложившемуся убеждению следователя; возможность неоднократно изменять обвинение (ст. 171, 175 УПК РФ) превращает его в промежуточное предположение. При дознании законодатель от этого института фактически отказался, сохранив его для предварительного следствия, – рационального объяснения возникшему различию процессуальных гарантий не находится. Германский, французский, британский и американский правовые порядки, равно как законодательство Республики Казахстан и Украины, обнаруживают устойчивую тенденцию: обвинение служит границей между досудебным и судебным производством, а не промежуточным актом расследования. Отсюда предлагаемая модель. Подозрение охватывает весь период досудебного производства и обеспечивает лицу полный объем процессуальных прав независимо от формы расследования; обвинение формулируется по завершении расследования, когда сторона обвинения готова представить уголовное дело суду.

5. Предмет доказывания подозрения потребовал выйти за пределы традиции, связывающей предмет доказывания исключительно с обвинением: при таком сужении начальный этап уголовного преследования остаётся необъяснённым. В предмет доказывания подозрения входят четыре группы обстоятельств – событие преступления; причастность к нему конкретного лица; данные о личности подозреваемого; характер и размер причинённого вреда. Центральное место занимает причастность, и именно она отличает этот предмет от предмета доказывания обвинения, где в центре стоит виновность. Существеннее, впрочем, не сам перечень, а эпистемологический стандарт установления входящих в него обстоятельств. Отдельного упоминания заслуживает п. 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ. Отсылая лишь к пунктам 1 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, он оставляет за пределами уведомления о подозрении субъективную сторону деяния. При расследовании сложных и многосубъектных преступлений без мотива, цели и умысла связь конкретного лица с преступлением показать нечем.

6. Пределы доказывания подозрения задаются различием вероятного и достоверного знания и образуют нижнюю границу диапазона между ними: подозрение довольствуется предварительным, ещё не окончательным пониманием обстоятельств причастности, обвинение требует исчерпывающей проверки и устранения разумных сомнений. В законе, однако, обоснованность подозрения выражена тремя разными формулами: «достаточные данные, указывающие на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), «данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления» (ст. 91 УПК РФ) и «достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления» (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ). Различия эти не существенные – за ними стоит непоследовательность регулирования. Особняком держится формула «достаточные основания полагать» (ч. 1 ст. 97 УПК РФ): она обращена к прогнозу рисков поведения подозреваемого или обвиняемого, а не к доказанности причастности, и самостоятельным стандартом не выступает. Разграничение здесь принципиально: по ч. 1 ст. 100 УПК РФ мера пресечения избирается «в отношении подозреваемого», то есть подозрение к этому моменту уже должно быть сформировано и процессуально закреплено. Для устранения разнобоя предлагается закрепить в ст. 5 УПК РФ единое понятие «обоснованные предположения для подозрения» – наличие достаточного количества фактических данных, которые при объективной и разумной оценке убеждают в вероятности совершения преступления конкретным лицом. Унификация касается общего критерия обоснованности и специальных условий отдельных процессуальных решений не затрагивает. Рассмотренные в работе возможности искусственного интеллекта при оценке достаточности данных ограничены алгоритмической предвзятостью, непрозрачностью выводов и неясностью в распределении ответственности за ошибку; отсюда гибридная модель – предварительный анализ за системой, окончательное решение за следователем или дознавателем по внутреннему убеждению.

7. Средствами доказывания подозрения выступают достаточные данные. Системное толкование ч. 1 ст. 46, ч. 2 ст. 140, ст. 91, 97 и 223.1 УПК РФ

показывает, что полноценных доказательств ни одна из этих норм не требует: законодатель последовательно оперирует категориями «достаточные данные» и «достаточные основания». Достаточные данные – категория родовая, охватывающая все сведения, способные обосновать вероятностный вывод о причастности лица к преступлению; доказательства составляют её частный случай. Использовать их при обосновании подозрения, разумеется, ничто не мешает. Методологическая ошибка возникает в другом месте – когда доказательства объявляют обязательным и единственным средством, перенося тем самым эпистемологический стандарт доказывания обвинения на качественно иную форму уголовного преследования. Цифровая трансформация судопроизводства информационную основу подозрения расширяет: данные геолокации, метаданные электронных коммуникаций, сведения из социальных сетей и облачных хранилищ. Их получение, фиксация и оценка нуждаются в процессуальной форме, соразмерной вмешательству в частную жизнь.

8. Способы доказывания подозрения обнаруживают процессуально-функциональную дихотомию и меняются от стадии к стадии. На стадии возбуждения уголовного дела они ограничены проверочными действиями, предусмотренными ч. 1 ст. 144 УПК РФ, причём большинство из них, за исключением следственных, самостоятельной процессуальной регламентации не имеет – в чём и проявляется концептуальная незавершённость этой стадии. После возбуждения дела круг способов существенно расширяется, а в отдельных нормах законодатель прямо связывает правомерность уголовно-процессуального принуждения с использованием определённых способов доказывания, что делает их процессуально необходимыми, а не просто допустимыми. Нерешённым остаётся статус оперативно-розыскных мероприятий: ст. 89 УПК РФ запрещает использовать результаты оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, и тем самым сводит их роль к одной-единственной, не учитывая прочих функций этих сведений при доказывании подозрения. Из двух известных зарубежному праву моделей – интегративной, характерной для стран

англо-американской правовой семьи, и инкорпорационной, воспринятой УПК Республики Казахстан, Украины, Кыргызской Республики и Республики Грузия, – для российского уголовного процесса предпочтительна вторая: она ближе его континентальной природе и развитой системе процессуальных гарантий. Впрочем, переносить её без оговорок нельзя. Понадобятся детальная регламентация оснований и порядка производства негласных следственных действий, судебный контроль, фиксация происхождения полученных сведений, правила их хранения и раскрытия стороне защиты, а также действенный механизм обжалования.

Библиографический список использованных источников**Нормативные и официально-судебные материалы**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lqey6la0tj919968068
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) (ред. от 04.01.1999 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/3975252/>
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
5. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/?ysclid=lptnmiuqix227233695
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154588/
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 (действующая редакция) «О применении судами законодательства,

регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/?ysclid=ldvfupvsz3453211362

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (действующая редакция) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ab71000913c606e8727d1a4cae1ad5e23511d954/

Зарубежное уголовно-процессуальное законодательство

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия от 9 октября 2009 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=146>

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852

11. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004

12. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года (действующая редакция). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178

13. Уголовно-процессуальный кодекс Германии (Strafprozeßordnung, StPO) (от 1 февраля 1877 г. (RGBl. S. 253); в редакции объявления от 7 апреля 1987 г. (BGBl. I S. 1074, 1319); с изм., действующими по состоянию на 11.01.2026) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/>

14. Уголовно-процессуальный кодекс Франции (Code de procédure pénale) (действующая редакция; version en vigueur au 29.01.2026) [Электронный ресурс].

Режим

доступа:

https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/

Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии

15. Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия - Strafprozessordnung (StPO): Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Вступительная статья профессора Уэ Хельцманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf>
16. Дворжицкая М.А., Писаревская Е.А. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве: учеб. пособие. Казань: изд-во «Бук», 2024. 64 с.
17. Добровлянина О.В. Цифровизация производства следственных действий // Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М.: ООО «Проспект», 2022. 896 с.
18. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А.С. Александров и др. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2015. 299 с.
19. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Изд-во «Высш. образование», 2009. 343 с.
20. Луковников Г.Д. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Изд-во «Юрайт», 2020. 290 с. (Высшее образование). Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/449179>
21. Мазюк Р.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009. 216 с.
22. Пантелеев И.А. Подозрение в уголовном процессе России: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2001. 48 с.

23. Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Юридическое издательство «Норма», 2023. 240 с.
24. Семенцов В.А. Правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2020. 168 с.
25. Семенцов В.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2021. 160 с.
26. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: правовая основа и правоприменительная практика / А.С. Алексанин, И.А. Антонов, С.И. Захарцев [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ, 2022. 315 с.
27. Сопнева Е.В. Взаимодействие подозрения в международном, национальном и отечественном праве: монография / Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула». 2015. 213 с.

Статьи

28. Анпилогова Т.С. Соотношение пределов доказывания на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства // Российский следователь. 2019. № 2. С. 3-5.
29. Антонов И.А., Горленко В.А. Цели уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальной реформы на современном этапе развития российского государства // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3. С. 7-12.
30. Ахмедов У.Н., Леонов А.И. О методологических подходах к определению правовой сущности и доказательственного значения следственных, судебных и иных процессуальных действий // Правда и Закон. 2023. № 1 (23). С. 33-42.
31. Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79-87.

32. Бирюков С.Ю. Понятие, цель, предмет и пределы доказывания // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики, Волгоград, 13 ноября 2020 г. Волгоград: ИП Черняева Ю.И., 2020. С. 47-52.
33. Бобрешова К.В. О проблемах использования оперативно-режимной информации в процессе доказывания на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Новосибирск, 01 июня 2022 года. М.: Московская академия Следственного комитета РФ, 2022. С. 9-12.
34. Брижатов Е.А. Предмет и пределы доказывания в уголовных делах: понятие, содержание, проблемы определения // Научные высказывания. 2022. № 15 (23). С. 43-46.
35. Брянская Е.В., Лантух Э.В., Хлыстова Н.Б. Пределы доказывания и достаточность в свете концепции ключевых доказательств в уголовном судопроизводстве России // Сб. науч. работ серии «Право». 2021. № 4 (24). С. 215-227.
36. Бурцев С.Н., Якупова С.Р. Оценка обоснованности подозрения при принятии судом решения об избрании меры пресечения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Материалы межвуз. науч.-практ. конф., Тула, 16 марта 2020 года / отв. ред. Н.В. Кабакова. Тула: Тульский государственный университет, 2020. С. 37-42.
37. Буторина А.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // NovaUm.Ru. 2020. № 25. С. 169-173.
38. Валиуллини А.А. Привлечение лица в качестве обвиняемого в соотношении с предметом доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 132-135.
39. Власова С.В. К вопросу о различии досудебного (следственного) и судебного (состязательного) уголовно-процессуального доказывания // Научн. вест. Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3 (92). С. 109-116.

40. Вознюк Е.П. «Стандарты доказывания» в российской правовой системе // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы ежегод. Всеросс. науч.-практ. конф, Калининград, 20 мая 2022 г. / отв. ред. С.А. Старостина. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2022. С. 24-29.
41. Вознюк Е.П. К вопросу о критериях оценки достаточности доказательств в ходе досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 29-32.
42. Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2010. Вып. 5. С. 329-335.
43. Гаврилов Б.Я. Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в XXI веке // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 17-18 апреля 2014 г. / Под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2014. С. 20-21.
44. Гаджиев И.А. О предмете доказывания подозрения // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 210-213.
45. Гаджиев И.А. О возможности признания доказательств основаниями подозрения в российском уголовном процессе // Закон и право. 2023. № 6. С. 197-201.
46. Гаджиев И.А. Некоторые современные научные подходы к сущности подозрения в отечественной уголовно-процессуальной доктрине // Исследования и практика в социально-экономической и гуманитарной сфере: сб. ст. XX Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, 14 июня 2023 года. СПб.: ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ», 2023. С. 45-47.
47. Гаджиев И.А. Пределы доказывания подозрения в уголовном процессе // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной,

уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. Ч. 1. С. 106-110.

48. Гаджиев И.А. Достаточные данные как средства доказывания подозрения в российском уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 253-255.

49. Гаджиев И.А. Соотношение подозрения с обвинением // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 147-151.

50. Гаджиев И.А. Проблемы нормативного регулирования подозрения // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 3. С. 68-72.

51. Гаджиев И.А. Современные подходы к доказыванию подозрения в уголовном процессе // Современные научные подходы в фундаментальных и прикладных исследованиях: сб. ст. Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, август 2024. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2024. С. 51-56.

52. Гаджиев И.А. Средства доказывания подозрения в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 167-170.

53. Гаджиев И.А. Способы доказывания подозрения в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 3. С. 192-197.

54. Гапонова В.Н. Основные понятия уголовного процесса: критический анализ содержания статьи 5 УПК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 124-131.

55. Горбанев В.М., Малов Ю.В. Оперативно-розыскные мероприятия как средство оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью // Выявление и раскрытие преступлений коррупционной и экономической направленности: передовой опыт, проблемы и пути их решения: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28 мая 2021 года / сост.: М.Л. Родичев. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2021. С. 98-100.

56. Горбачев К.Н. Понятие и предмет уголовно-процессуального доказывания // Молодой ученый. 2020. № 17 (307). С. 184-187.

57. Григорьева Н.В., Прохорова Е.А., Угольников Н.В. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: фактическое подозрение или формальные основания? // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 50-54.
58. Гриценко Т.В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: проблемы правового регулирования // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2022. № 2 (47). С. 73-77.
59. Давлетов А., Ретюнских И. Подозрение и подозреваемый в современном уголовном процессе России // Уголовное право. 2008. № 6. С. 40-46.
60. Даниленко И.А., Васильев Н.В., Щербакова А.А. Процедура контроля задержания habeas corpus: перспективы развития в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 4-1. С. 394-407.
61. Демин Д.В., Алексеев И.М. К вопросу об институционализации подозрения // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 124-127.
62. Джафарова Э.С. Предмет доказывания в производстве по избранию меры пресечения судом // сб. ст. IV Междунар. науч.-исслед. конкурса в 2 частях, Пенза, 12 июня 2021 г. Том Ч. 2. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 129-132.
63. Дикарев И.С. Подозрение в уголовном процессе // Законность. 2013. № 8 (946). С. 20-22.
64. Дикарев И.С., Никонович С.Л. Выдвижение подозрения в уголовном процессе // Вестник военного права. 2021. № 3. С. 7-12.
65. Жук М.Я. Особенности и пределы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела // Правовая политика в современном обществе: сб. ст. Всеросс. науч.-практ. конф. к 85-летию д.ю.н., проф. З.З. Зинатуллина, Ижевск, 20 января 2023 года. Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2023. С. 132-136.
66. Журавлева Н.М. О возможных последствиях изменения подозрения в условиях производства дознания в сокращенной форме // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). С. 102-108.

67. Зайцев А.О. Международно-правовые стандарты относительно оснований для избрания меры пресечения обвиняемому в виде заключения под стражу // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 100-107.
68. Зайцев А.О. Международно-правовые стандарты относительно избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16, № 3. С. 59-64.
69. Зайцев А.О. Отдельные аспекты международно-правового стандарта обоснованности принятия судом решения о заключении лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, под стражу // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 167-170.
70. Замуруева Е.Ю. Обоснованная причастность лица к совершению преступления как одно из общих условий применения мер пресечения // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 г. / сост. Э.Р. Миргородская. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 213-216.
71. Зуев С.В., Титова А.С. Слабые стороны информационного подхода в свете цифровизации уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1 (20). С. 49-54.
72. Иванова О.Г., Недбайлов П.А. Порядок собирания цифровой информации в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 326-329.
73. Кабаев А.В. К вопросу о необходимости законодательного закрепления понятия «оперативно-розыскные мероприятия» // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения: сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 04 мая 2021 года. Том 5 (47). М.: ООО «Интернаука», 2021. С. 132-139.

74. Калинин А.В. Подозрение и обвинение как формы осуществления уголовного преследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 193-198.
75. Калинин А.В. Сущность и история становления института подозрения в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 236-242.
76. Калинкина Л.Д. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по заявлению, рассмотрению и разрешению ходатайств о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 93-96.
77. Карпова А.А. Принцип свободной оценки доказательств и стандарты доказывания: положения немецкой доктрины и правоприменительной практики и российская правовая действительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 138-163.
78. Кобзарев Ф.М., Захарян А.А. Проблемы доказывания в процессе применения судами меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии предварительного расследования // Российское правосудие. 2022. № 9. С. 96-101.
79. Ковалева О.Н., Рябова Л.В., Феодоридис Н.Ф. Принципы использования искусственного интеллекта в практике уголовного правоприменения и в сфере уголовно-процессуальной деятельности // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7, № 2. С. 119-121.
80. Колпакова Л.А. Предмет доказывания при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий // Актуальные проблемы предварительного расследования: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 17 апреля 2020 г. / Составители Т.В. Валькова, В.В. Долгаев. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2020. С. 81-85.
81. Кольцов Д.В. Специальные методы расследования и оперативно-розыскные мероприятия. Вопросы соотношения // Научные труды Российской таможенной академии, Москва, 25 ноября 2022 года. М.: Российская таможенная академия, 2022. С. 141-144.

82. Костенко Р.В. Состояние доказанности как оценочная категория в уголовно-процессуальном праве // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 2. С. 35-41.
83. Костенко Р.В. Виновность лица в совершении преступления как обстоятельство, подлежащее доказыванию // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 50-летию образования кафедры уголовного процесса: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2022. Ч. 1. Стр. 220-226.
84. Костенко Р.В. Применение искусственного интеллекта для обеспечения прав адвокатов в уголовном судопроизводстве // Обеспечение процессуальных прав адвокатов в уголовном судопроизводстве: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Краснодар, 07 июля 2023 года / Кубанский государственный университет. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 42-50.
85. Костенко Н.С. Особенности процесса доказывания по уголовным делам, разрешаемым с помощью компромиссных процедур // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 9-12.
86. Кругликов А.П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2 (122). С. 106-112.
87. Кудрявцев В.Л., Лантух Н.В. Глава 10. Уголовно-процессуальное доказывание // Актуальные проблемы уголовного процесса: учебник для адъюнктов и магистрантов образовательных организаций системы МВД РФ. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 266-353.
88. Куций В.В. Проблемы действия института обоснованного подозрения при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные вопросы публичного права: сб. тр. конф. XVIII Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 31 октября 2019 года.

Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2019. С. 594-601.

89. Лутошкина Т.В., Лутошкин Г.Ю. Актуальные проблемы собирания доказательств на стадии предварительного расследования в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации // Новеллы права, экономики и управления 2022: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Гатчина, 25 ноября 2022 года. Том 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 157-159.

90. Маевский С.С. Оперативно-розыскная информация и ее использование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: общие проблемы // Экономика. Социология. Право. 2022. № 4 (28). С. 111-117.

91. Майорова Л.В. Обоснованность подозрения в российском уголовном процессе // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Симферополь-Алушта, 24–25 апреля 2015 года. Симферополь-Алушта: Издательство Диайпи, 2015. С. 48-50.

92. Майорова Л.В., Плошкина Я.М. Соотношение понятий «задержание» и «подозрение» в уголовном процессе России и Германии // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч., Красноярск, 2-3 апреля 2020 г. Т. 1. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2020. С. 174-176.

93. Макаров Л.В., Портнов Ю.А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве – наследие прошлого или осознанная необходимость? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2010. Вып. 5. С. 191-192.

94. Макеева И.В. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 60-67.

95. Манова Н.С. Об основаниях и процедуре выдвижения подозрения в российском уголовном процессе // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола, Москва, 19 декабря 2017 года / отв. ред. Ершов В.В. М.: РГУП, 2018. С. 114-122.
96. Мартыненко С.Б. О пределах доказывания как степени доказанности обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 2 декабря 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 180-184.
97. Машовец А.О. Стандарты и бремя доказывания: соотносимость понятий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. В 2-х ч., Краснодар, 17-18 марта 2022 г. / отв. ред. В.А. Семенцов. Том Часть 1. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 352-359.
98. Мельников В.Ю. Философско-правовые основы понятий «подозрение» и «подозреваемый» в уголовном процессе России // Философия права. 2003. № 2 (8). С. 26-31.
99. Минеева А.С., Филатов Д.О. Некоторые вопросы стандарта доказывания в уголовном судопроизводстве // Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: сб. ст. по материалам Всеросс. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28 октября 2022 г. / Под общ. ред. К.А. Корсакова, В.А. Шиплюка. СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 173-178.
100. Михайлов А.А. Стандарты доказывания в современном уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / науч. ред.: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова. Отв. секретарь И.В. Чаднова.

Т. Ч. 83. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 121-130.

101. Морозова Н.В., Малашенко П.К. Проблемы определения следователем пределов доказывания // Актуальные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях: сб. ст. по материалам круглых столов, Орел, 25 сентября 2019 года. Орел: Орловский юридический институт МВД РФ имени В.В. Лукьянова, 2020. С. 46-52.

102. Морозова О.С. Подозрение в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сб. науч. ст. по итогам работы одиннадцатого круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 29-30 ноября 2020 г. Т. Ч 1. Шахты: ООО «КОНВЕРТ», 2020. С. 168-170.

103. Морозова О.С. Процессуальная природа подозрения в уголовном судопроизводстве // Криминалисть. 2022. № 4 (41). С. 87-91.

104. Мусин А.Р. Стандарты доказывания в уголовном процессе // Образование и право. 2023. № 2. С. 459-463.

105. Мухина М.А., Орлова И.А., Вытовтов А.Е. Правовая основа предоставления в систему уголовного судопроизводства результатов оперативно-розыскной деятельности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1 (19). С. 23-29.

106. Нечаев В.В. Актуализация категории «пределы доказывания» в системе уголовно-процессуальной деятельности // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф., пос. Старотеряево, 20 марта 2020 года. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2020. С. 161-164.

107. Овсянников И.В. Можно ли наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого путём применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения? // Закон и право. 2004. № 3. С. 42-45.

108. Омелин В.Н. Оперативно-розыскные мероприятия как правовой институт // Закон и право. 2021. № 7. С. 182-184.

109. Омелин В.Н. Об общих условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий // Закон и право. 2023. № 2. С. 219-220.
110. Павлов А.В. Развитие правового статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 134-141.
111. Павлов А.В. Уголовное преследование лица по подозрению в совершении преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 17-20.
112. Папышева Е.С. О возможностях интегрирования искусственного интеллекта в уголовный процесс // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 5. С. 220-227.
113. Петров И.В. Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 9. С. 131-137.
114. Петрова О.В. Приобретение и утрата статуса подозреваемого // Правда и Закон. 2022. № 3 (21). С. 34-42.
115. Петровский З.М. Предмет доказывания в уголовном процессе: понятие и содержание // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 1. С. 105-110.
116. Плошкина Я.М. Учение о подозрении в уголовных процессах России и Германии // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 1. С. 36-43.
117. Плошкина Я.М. Подозрение в немецком уголовном процессе // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2 (75). С. 93-97.
118. Поликарпова О.С., Шестакова С.Д. Развитие института подозрения как предпосылка к отказу от института предъявления обвинения // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 325-329.

119. Поликарпова О.С. Институт подозрения и начальная стадия уголовного процесса: взаимосвязанные перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 121-131.
120. Расулова Н.С., Миргородская Э.Р. Негласные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия как средство доказывания в уголовном процессе России и некоторых постсоветских республик // Правоохранительные органы: теория и практика. 2020. № 2 (39). С. 8-11.
121. Робышев В.О. Свободная оценка доказательств или стандарты доказывания: российский и английский гражданский процесс // Законодательство. 2019. № 2. С. 65-70.
122. Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 9-16.
123. Рябцева Е.В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 1. С. 73-80.
124. Семенцов В.А., Дзабиев У.К. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 161-165.
125. Семенцов В.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном доказывании // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2. № 1 (1). С. 151-157.
126. Семенцов В.А., Цацуро В.А. Трансформация научных представлений о предмете доказывания в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 6. С. 881-885.
127. Семенцов В.А., Глимейда В.В. Технология видео-конференц-связи и ее применение в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 2. С. 67-76.

128. Семенцов В.А. Подозрение в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 1. С. 101-108.
129. Синкин К.А., Емельянова Д.А. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве России // Российско-Азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 36-42.
130. Скабелин С.С. Соотношение понятий «достаточные данные» и «достаточные доказательства» в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1750-1754.
131. Скабелин С.С. Обоснованность использования термина «достаточные основания» в уголовно-процессуальном законодательстве // Евразийская адвокатура. 2016. № 3 (22). С. 82-86.
132. Смирнов А.В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания // Уголовный процесс. 2021. № 12 (204). С. 86-94.
133. Смолькова И.В. Уведомление о подозрении в совершении преступления как основание признания лица подозреваемым // Академический юридический журнал. 2020. № 1 (79). С. 28-34.
134. Смолькова И.В. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица как основание его признания подозреваемым (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4. С. 71-78.
135. Смолькова И.В. Понятие и сущность подозрения в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 2. С. 172-183.
136. Соколов Ю.Н. Уголовно-процессуальное доказывание как информационная технология // Евразийский юридический журнал. 2019. № 4 (131). С. 272-274.
137. Сопнева Е.В. Основания инициации подозреваемого в уголовном деле // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 179-180.

138. Сопнева Е.В. Назначение подозрения в уголовном процессе // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 205-208.
139. Сопнева Е.В. Основания принятия решения о подозрении и подозреваемом // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6 (29). С. 119-126.
140. Сотникова Ю.В., Тисен О.Н. Оперативно-розыскные мероприятия как способ установления обстоятельств преступления // Евразийский союз ученых. 2020. № 4-10 (73). С. 70-73.
141. Спесивов Н.В. От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологий при отправлении правосудия по уголовным делам? // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 2 (195). С. 81-90.
142. Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 481-497.
143. Суденко В.Е. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия и их соотношение в уголовном процессе // Военное право. 2020. № 5 (63). С. 161-167.
144. Суденко В.Е. Понятие предмета доказывания и его пределы // Военное право. 2022. № 4 (74). С. 208-215.
145. Тарасов А.А. К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Евразийская адвокатура. 2015. № 2 (15). С. 32-41.
146. Татьяна Л.Г., Бычкова К.Г. Место подозрения в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) // Вестник ОГУ. 2008. № 83. С. 21-23.
147. Торопов С.А., Сорокин Р.С. Оценка достаточности пределов доказывания на этапе окончания досудебного расследования // Крымский научный вестник. 2020. № 2 (27). С. 60-64.

148. Устинов А.А. Доказательственные стандарты при осуществлении судебного контроля за досудебным производством // Российское правосудие. 2020. № 9. С. 91-98.
149. Федулов А.В. Уведомление о подозрении в современном уголовном процессе как юридическое основание начала действия презумпции подозрения // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 559-561.
150. Французов А.О., Молдавский М.В. Оперативно-розыскные мероприятия как способ познания в оперативно-розыскной деятельности // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. № 1 (9). С. 105-108.
151. Хорьяков С.Н. Исторически обусловленная трансформация понимания процесса доказывания // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 1 (39). С. 101-107.
152. Цацуру В.А. Предмет доказывания в теории и практике современного уголовного судопроизводства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 70-76.
153. Церковный Ю.В. Об использовании терминов «подозрение» и «подозреваемый» в УПК // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 167-169.
154. Чабукиани О.А., Павлик М.Ю., Шепелева О.Р. Общие условия формирования доказательств в ходе предварительного расследования и в суде: понятие, тенденции // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 3 (73). С. 93-107.
155. Чабукиани О.А., Захарцев С.И. Защищены ли права и законные интересы подозреваемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве? // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 12. С. 103-110.
156. Чабукиани О.А. Поощрение правдивых показаний участников уголовного судопроизводства // Поощрение как метод уголовно-процессуального регулирования: сб. материалов Всеросс. кругл. стола с междунар. уч., Санкт-Петербург, 04 февраля 2023 года. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 158-164.

157. Чабукиани О.А. Злоупотребление процессуальными правами и реализация дискреционных прав властными субъектами в досудебном производстве: понятие и соотношение // Закон. 2024. № 4. С. 40-51.
158. Чекотков А.Ю. Перманентная дискуссия о процессуальном статусе уголовно преследуемого лица: возможно ли поставить точку? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 4. С. 65-83.
159. Черепанова Л.В. Процессуальный порядок придания уголовно преследуемому лицу статуса обвиняемого: сравнительный анализ современных российских процедур // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 138-144.
160. Черепанова А.А. Подозрение в германском и английском уголовных процессах // Студенческие научные исследования: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. в 2 частях, Пенза, 20 мая 2022 года. Том 2. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 68-71.
161. Чикулина А.Р. Международно-правовые стандарты доказывания в вопросах обоснованности избрания мер пресечения // Аграрное и земельное право. 2021. № 7 (199). С. 117-121.
162. Чикулина А.Р. Стандарт доказывания при избрании мер пресечения, избираемых судом // Российский судья. 2023. № 9. С. 39-41.
163. Чобитько М.Б. Стандарты доказывания в досудебном производстве и почему они не применяются при экстрадиции // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4 (32). С. 67-72.
164. Чурилов С.Н. Предмет доказывания в уголовном процессе: проблемы, пути решения // Образование и право. 2020. № 11. С. 281-285.
165. Шаров Д.В. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве: исторический опыт и современные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11 (48). С. 2603-2606.
166. Шаров В.И. Оперативно-розыскные мероприятия при различных формах оперативно-розыскной деятельности // Ius Publicum et Privatum. 2022. № 5 (20). С. 176-183.

167. Шахматов А.В. Основные законодательные проблемы при проведении оперативно-розыскных мероприятий // *Ius Publicum et Privatum*. 2023. № 1 (21). С. 205-211.

168. Широ́ва Э.Х., Вытовтов А.Е. Рассуждения о неотъемлемом праве на квалифицированную юридическую помощь лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2024. № 3. С. 252-263.

169. Яльцев А.А. Стандарты доказывания в мире и перспективы их использования в доказательственном праве России // *Адвокатская практика*. 2020. № 1. С. 52-59.

Диссертации и авторефераты диссертаций

170. Абазалиев И.М. Проблемы процессуального положения подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Абазалиев Ильяс Муратович. Нижний Новгород, 2022. 358 с.

171. Абесалашвили М.З. Подозреваемый как участник уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Абесалашвили Маринэ Зауровна. Ростов-на-Дону, 2005. 25 с.

172. Власенко Д.В. Основания признания лица подозреваемым в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Власенко Денис Владимирович. Ставрополь, 2008. 25 с.

173. Дзабиев У.К. Использование следователем результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Дзабиев Урузмаг Казбекович. Краснодар, 2023. 259 с.

174. Закотянский А.С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Закотянский Алексей Сергеевич. Самара, 2015. 241 с.

175. Иванов Е.Е. Уведомление в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванов Евгений Евгеньевич. М., 2020. 281 с.

176. Иванова О.Г. Уголовно-процессуальное производство по избранию судом

меры пресечения: уголовно-процессуальная форма и особенности доказывания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванова Ольга Геннадьевна. Красноярск, 2019. 203 с.

177. Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Калинин Алексей Владимирович. Саратов, 2016. 26 с.

178. Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Калинин Алексей Владимирович. Саратов, 2016. 240 с.

179. Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Колбеева Марина Юрьевна. М., 2013. 222 с.

180. Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Коновалов Сергей Геннадьевич. М., 2018. 220 с.

181. Наumenко О.А. Обеспечение прав личности при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Наumenко Оксана Александровна. Краснодар., 2014. 231 с.

182. Николаева Т.А. Теоретические и правовые проблемы определения статуса лица, в отношении которого осуществляется досудебное уголовное преследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Николаева Татьяна Анатольевна. Нижний Новгород, 2021. 317 с.

183. Овсянников Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Овсянников Дмитрий Васильевич. Челябинск, 2015. 192 с.

184. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Пастухов Павел Сысоевич. М., 2015. 454 с.

185. Петров И.В. Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Петров Илья Валентинович. Краснодар, 2012. 22 с.
186. Попова И.А. Совершенствование законодательства, регламентирующего собирание доказательств в уголовном процессе Российской Федерации: актуальные направления современного этапа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Попова Ирина Алексеевна. М., 2014. 206 с.
187. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Симагина Наталья Анатольевна. М., 2019. 203 с.
188. Стельмах В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Стельмах Владимир Юрьевич. Екатеринбург, 2021. 522 с.
189. Титов П.С. Средства собирания доказательств в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Титов Павел Сергеевич. Екатеринбург, 2022. 241 с.
190. Церковный Ю.В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Церковный Юрий Викторович. М., 2011. 26 с.
191. Церковный Ю.В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Церковный Юрий Викторович. М., 2011. 206 с.
192. Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Черкасов Виктор Сергеевич. Хабаровск, 2022. 210 с.

Материалы правоприменительной практики и официальной статистики

193. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 05.06.2018 г. № 22К-848/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=104652#wnMwUtTMgcRUZyCu>

194. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 28.02.2020 г. № 22К-420/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=97888#QexyUtTgQSI2fFRA1>

195. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 22.09.2021 г. № 22-1818/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSK&n=105345#9NuxUtTCG7c6bCY31>

196. Апелляционное постановление Московского городского суда от 03.08.2020 г. № 10-13810/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1302522#6CesbtTOKHRgEegY>

197. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 17 декабря 2020 г. № 3/10-237/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/dKA503DP01gP/>

198. Апелляционное постановление Шебалинского районного суда (Республика Алтай) от 2 ноября 2020 г. № 10-6/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/mRwbLY9QDUdU/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+223.1.+Уведомление+о+подозрении+в+совершении+преследования%28УПК+ПФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1675842400930

199. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 25 мая 2022 г. № 3/10-5/22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/ZcrLee3Z5f65/>

200. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 28 июля 2022 г. № 1-57/2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://sudact.ru/regular/doc/FSqgd6cA2qV2/?regular-txt=подозрение®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1675843900293&snippet_pos=1730#snippet

201. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2022 г. № 77-1510/2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=7138C7D0FA784ADB439461C70BA14E85&mode=fullsplus&SORTTYPE=0&BASENODE=28674-3&ts=KgGJJRTaufzCYySs&base=KSOJ002&n=75767&rnd=4NEJJRT0SRM5gbED1#U4LRJRTI71ajpMqR>

202. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2021 г. № 77-1629/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=40474#ChH3ctTY7I6nIQ51>

203. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2021 г. № 77-781/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=32102#B6jqUtTWm5XII0H92>

204. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2021 г. № 77-991/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=21591#1N6rUtTQZvJK78hc1>

205. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017). [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/law/obzor-praktiki-rassmotreniia-sudami-khodataistv-ob-izbranii/>

206. Обоснованность подозрения в причастности. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.consultant.ru/law/podborki/obosnovannost_podozreniya_v_prichastnosti

207. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.06.2020 г. № 77-988/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=13648#378jUtTcZ0QLKTD62>

208. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2021 г. № 77-2299/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=50436#a4QqUtTcBP4QZn>

209. Постановление Президиума Верховного Суда РФ о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств от 12 апреля 2023 г. № 137-П22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/vsrf/doc/HlHK1Jl2poQC/>

210. Постановление Чулымского районного суда Новосибирской области от 2 июня 2021 г. № 1-111/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/BbJJYG401AJK/?page=16®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675845138285®ular-judge=&snippet_pos=4006#snippet

211. Постановление Шахунского районного суда Нижегородской области от 23 июля 2021 г. № 1-109/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/xRE9JrBVfkrS/?page=8®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675844623895®ular-judge=&snippet_pos=5846#snippet

212. Постановление Шебалинского районного суда Республики Алтай от 8 июня 2021 г. № 1-83/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/0MJAv83SBzdL/?page=16®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675845138285®ular-judge=&snippet_pos=1554#snippet
213. Постановление Шимановского районного суда Амурской области от 7 июля 2021 г. № 1-115/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/haczJ0wRI6xs/?page=12®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675844836508®ular-judge=&snippet_pos=2484#snippet
214. Постановление Шучанского районного суда Курганской области от 17 марта 2021 г. № 1-55/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/J0LvHiZ5fYbp/?page=19®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675845332506®ular-judge=&snippet_pos=2348#snippet
215. Постановление Ярославского областного суда от 7 октября 2021 г. № 2-14/2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/LSuFWrMiuJxw/?page=6®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение&_=1675844432738®ular-judge=&snippet_pos=2748#snippet
216. Постановление о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа Печорского городского суда (Республика Коми) от 12 мая 2020 г. № 1-170/2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Znu67Flf89O/>
217. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13 июля 2005 года № 377п05. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/vas/126736>

218. Приговор Корсаковского городского суда (Сахалинская область) от 28 июня 2019 г. № 1-120/2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/NXX0KDmAHINX/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение+оперативно-розыскные+мероприятия&_=1701782698189®ular-judge=&snippet_pos=7976#snippet

219. Приговор Приморского районного суда г. Новороссийска от 30 января 2020 г. № 1-456/2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/tfqZGM2AXfYL/?regular-txt=подозрение+оперативно-розыскные+мероприятия®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1701781986561&snippet_pos=7364#snippet

220. Приговор Советского районного суда г. Томска от 29 ноября 2018 г. № 1-374/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/dUuSjXbWujlO/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt=подозрение+оперативно-розыскные+мероприятия&_=1701782698189®ular-judge=&snippet_pos=10360#snippet

Зарубежные источники на иностранном языке

221. Cohen, Dov Gilad. «The Extent and Scope of a Suspect's Caution as a Basis for Invalidating Confessions, Dropping or Converting Charges» SSRN Journal. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3308696

222. Giannouloupoulos, D. (2018). Improperly Obtained Evidence in Anglo-American and Continental Law. Oxford: Hart Publishing. 292 Pages.

223. Leo, R.A. (1996). Inside the Interrogation Room. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 86(2), 266-303. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/1144028?origin=crossref>
224. Mariniello, T. (2015). Questioning the Standard of Proof: The Purpose of the ICC Confirmation of Charges Procedure. *Journal of International Criminal Justice*, 13 (3), Pages 579-599.
225. Roewer, L. (2013). DNA fingerprinting in forensics: past, present, future. *Investigative Genetics*, 4(1), 22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://investigativegenetics.biomedcentral.com/articles/10.1186/2041-2223-4-22>
226. Rozenbergs, J. (2022). Permissibility of the Reverse Burden of Proof and its Limits in Criminal Proceedings in the Context of the Presumption of Innocence. *Journal of the University of Latvia. Law*, 15, Pages 266-281.
227. Zedner, L. (2005). Securing Liberty in the Face of Terror: Reflections from Criminal Justice. *Journal of Law and Society*, 32(4), 507-533. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/67202895/Securing_Liberty_in_the_Face_of_Terror_Reflections_from_Criminal_Justice
228. «Illinois v. Gates», 462 U.S. 213 (1983). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/462/213/>
229. «Terry v. Ohio», 392 U.S. 1 (1968). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/392/1>

**Проект Федерального закона
«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской
Федерации»**

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ следующие изменения:

1) часть первую статьи 5 дополнить пунктом 22.1 следующего содержания:

«22.1) обоснованные предположения для подозрения – достаточное количество фактических данных, которые, будучи оценёнными объективно и разумно, убеждают в том, что существует вероятность совершения преступления конкретным лицом;»;

2) часть первую статьи 5 дополнить пунктом 24.2 следующего содержания:

«24.2) подозрение – предположение о возможной причастности определённого лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом;»;

3) пункт 2 части первой статьи 6 изложить в следующей редакции:

«2) защиту личности от незаконного и необоснованного подозрения, обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод.»;

4) пункт 1 части первой статьи 46 изложить в следующей редакции:

«1) либо в отношении которого имеется обоснованное подозрение о причастности к совершению преступления и в связи с этим возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 настоящего Кодекса;»;

5) пункт 2 части первой статьи 46 изложить в следующей редакции:

«2) либо в отношении которого имеется обоснованное подозрение о причастности к совершению преступления и которое в связи с этим задержано в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса;»;

6) пункт 3 части первой статьи 46 изложить в следующей редакции:

«3) либо в отношении которого имеется обоснованное подозрение о причастности к совершению преступления и к которому в связи с этим применена мера пресечения в соответствии со статьёй 100 настоящего Кодекса;»;

7) пункт 1 части четвёртой статьи 46 изложить в следующей редакции:

«1) знать, в чём он подозревается, и получить разъяснение сущности подозрения, а также копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения, либо копию уведомления о подозрении в совершении преступления;»;

8) часть первую статьи 47 изложить в следующей редакции:

«1. Обвиняемым признаётся лицо, в отношении которого по окончании предварительного расследования составлено обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление.»;

9) в пункте 2 части четвёртой статьи 47 слова «копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого,» исключить;

10) часть вторую статьи 91 изложить в следующей редакции:

«2. При наличии иных обоснованных предположений для подозрения лицо может быть задержано, если оно пыталось скрыться, либо не имеет места жительства или места пребывания, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.»;

11) часть первую статьи 92 дополнить предложением следующего содержания:

«После задержания лица по подозрению в совершении преступления орган дознания, дознаватель или следователь устно объявляет задержанному, по подозрению в совершении какого преступления он задержан, разъясняет ему сущность подозрения и права, предусмотренные статьёй 46 настоящего Кодекса, о чём в протоколе задержания делается отметка.»;

12) в статье 100:

а) часть первую изложить в следующей редакции:

«1. В исключительных случаях при наличии обоснованных предположений для подозрения, оснований, предусмотренных статьёй 97 настоящего Кодекса, и с учётом обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого. При этом не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключён под стражу, – в тот же срок с момента задержания следователь, дознаватель обязан вынести мотивированное постановление о подтверждении подозрения, в котором излагаются существо подозрения и обосновывающие его данные. Если в этот срок такое постановление не вынесено, мера пресечения немедленно отменяется, за исключением случаев, предусмотренных частью второй настоящей статьи.»;

б) часть вторую изложить в следующей редакции:

«2. Постановление о подтверждении подозрения в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 209, 210, 210.1, 277, 278, 279, 281, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, а в условиях военного положения – в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления должно быть вынесено в отношении подозреваемого, к которому применена мера пресечения, не позднее 45 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключён под стражу, – в тот же срок с момента задержания. Если в этот срок такое постановление не будет вынесено, то мера пресечения немедленно отменяется.»;

13) часть вторую статьи 140 изложить в следующей редакции:

«2. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица – также обоснованных предположений для подозрения.»;

14) статьи 171–175 (глава 23 «Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения») признать утратившими силу;

15) в части первой статьи 223.1 слова «получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления» заменить словами «получены обоснованные предположения для подозрения лица в совершении преступления»;

16) часть третью статьи 224 признать утратившей силу.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»
кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора

Анкета-интервью

Уважаемые коллеги!

В рамках диссертационного исследования на тему «Доказывание подозрения в российском уголовном процессе» для разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, а также деятельности органов уголовного судопроизводства по проблемам доказывания подозрения необходима Ваша помощь.

Убедительно просим Вас дать ответы на вопросы настоящей анкеты-интервью. Анкетирование проводится анонимно; полученные данные будут использованы исключительно в обобщённом виде для научных целей.

Искренне благодарим Вас за оказанную помощь!

Сведения о респонденте

Должность: _____

Стаж работы: _____

Субъект Российской Федерации: _____

Вопросы для анкетирования:

1. Как отсутствие чёткого определения понятия «подозрение» в УПК РФ влияет на Вашу работу?

А: создаёт трудности;

Б: никак не влияет;

В: мало влияет;

Г: не знаю.

2. Поддерживаете ли Вы предложение о включении в УПК РФ следующего понятия: «Подозрение – предположение о возможной причастности определённого лица к совершению деяния, запрещённого уголовным законом»?

А: да;

Б: нет;

В: не знаю;

Г: иное (укажите): _____

3. Согласны ли Вы с предложением об упразднении процедуры признания лица обвиняемым в ходе предварительного расследования и переходе к подозрению и подозреваемому как единственному субъекту, подвергаемому уголовному преследованию до суда?

А: да;

Б: нет;

В: не знаю;

Г: иное (укажите): _____

4. На Ваш взгляд, существует ли разница между обстоятельствами, лежащими в основе подозрения, и обстоятельствами, лежащими в основе обвинения?

А: да;

Б: нет;

В: не знаю;

Г: иное (укажите): _____

5. Согласны ли Вы с тем, что предмет доказывания подозрения должен быть комплексным и включать в себя как минимум следующие группы обстоятельств: связанных с событием преступления; причастностью лица к преступлению; данными о личности подозреваемого; характером и размером вреда, причинённого преступлением?

А: да;

Б: нет;

В: не знаю;

Г: иное (укажите): _____

6. Поддерживаете ли Вы предложение об использовании возможностей искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента для определения достаточности данных, указывающих на вероятность совершения преступления конкретным лицом?

А: да;

Б: нет;

В: не знаю;

Г: иное (укажите): _____

7. Средствами доказывания подозрения в уголовном процессе являются:

А: достаточные доказательства;

Б: достаточные данные;

В: достаточные доказательства и данные;

Г: иное (укажите): _____

8. Способами доказывания подозрения в уголовном процессе являются:

А: следственные и процессуальные действия;

Б: оперативно-розыскные мероприятия;

В: следственные, процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия;

Г: иное (укажите): _____

Результаты обобщения анкетирования

Количество респондентов: 223, в том числе: 79 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 74 следователя органов внутренних дел Российской Федерации, 70 дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации.

Географический охват: Республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия (Алания), Чечня; Астраханская, Волгоградская, Ростовская области; Краснодарский и Ставропольский края (13 субъектов Российской Федерации).

№	Вопрос	Ответ А	Ответ Б	Ответ В	Ответ Г
1	Как отсутствие чёткого определения понятия «подозрение» в УПК РФ влияет на Вашу работу?	Создаёт трудности: 97 / 43,50%	Никак не влияет: 61 / 27,35%	Мало влияет: 21 / 9,42%	Не знаю: 44 / 19,73%
2	Поддерживаете ли Вы предложение о включении в УПК РФ понятия «подозрение»?	Да: 148 / 66,37%	Нет: 42 / 18,83%	Не знаю: 21 / 9,42%	Иное: 12 / 5,38%
3	Согласны ли Вы с предложением об упразднении процедуры признания лица обвиняемым в ходе предварительного расследования?	Да: 100 / 44,84%	Нет: 104 / 46,64%	Не знаю: 19 / 8,52%	Иное: 0 / 0%
4	Существует ли разница между обстоятельствами в основе подозрения и обвинения?	Да: 194 / 87,00%	Нет: 27 / 12,11%	Не знаю: 2 / 0,90%	Иное: 0 / 0%
5	Должен ли предмет доказывания	Да: 173 / 77,58%	Нет: 36 / 16,14%	Не знаю: 2 / 0,90%	Иное: 12 / 5,38%

	подозрения быть комплексным?				
6	Поддерживаете ли Вы использование ИИ для определения достаточности данных?	Да: 34 / 15,25%	Нет: 161 / 72,20%	Не знаю: 22 / 9,87%	Иное: 6 / 2,69%
7	Средства доказывания подозрения в уголовном процессе:	Достаточные доказательств а: 75 / 33,63%	Достаточные данные: 78 / 34,98%	Достаточные доказательств а и данные: 62 / 27,80%	Иное: 8 / 3,59%
8	Способы доказывания подозрения в уголовном процессе:	Следственные и процессуальн ые действия: 89 / 39,91%	Оперативно- розыскные мероприятия : 12 / 5,38%	Следственные , процессуальн ые действия и ОРМ: 122 / 54,71%	Иное: 0 / 0%

Примечание: общее количество ответов по каждому вопросу составляет 223 (100%). Процентные значения округлены до второго десятичного знака.

**Результаты изучения уголовных дел (материалов уголовных дел)
по вопросам доказывания подозрения (n = 214; 2022-2025 гг.)**

В рамках настоящего диссертационного исследования методом изучения уголовных дел и материалов уголовного судопроизводства проведён анализ 214 уголовных дел (их материалов), рассмотренных судами Южного федерального округа (ЮФО) и Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) в период с 2022 по 2025 год включительно. Мы изучали процессуальные документы, отражающие возникновение и реализацию статуса подозреваемого. К ним относились постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, протоколы задержания, постановления о применении мер пресечения до предъявления обвинения, уведомления о подозрении в совершении преступления, а также итоговые судебные решения по соответствующим уголовным делам. Для отбора дел использовали целевую (невероятностную) выборку. Критерий включения был следующим: в материалах дела должно быть зафиксировано участие лица в процессуальном статусе подозреваемого. Исследование охватило 14 субъектов Российской Федерации, входящих в два федеральных округа. В ЮФО это Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области, республики Адыгея, Калмыкия и Крым; в СКФО – Ставропольский край, республики Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чечня и Ингушетия. Такой территориальный охват позволил представить в выборке регионы с разной криминогенной нагрузкой и различиями в практике уголовного судопроизводства. Дела изучали по специально разработанной карточке. В ней были предусмотрены 8 критериев классификации, отражающих ключевые аспекты доказывания подозрения в российском уголовном процессе.

Критерий классификации	Кол-во дел (абс.)	Удельный вес (%)
I. Категория уголовного дела (по степени тяжести, ч. 2-5 ст. 15 УК РФ)		
Преступления небольшой тяжести	29	13,6
Преступления средней тяжести	63	29,4
Тяжкие преступления	81	37,9
Особо тяжкие преступления	41	19,2
II. Процессуальное основание возникновения статуса подозреваемого (ч. 1 ст. 46 УПК РФ)		
Задержание в порядке ст. 91-92 УПК РФ	112	52,3
Применение меры пресечения до предъявления обвинения (ст. 100 УПК РФ)	38	17,8

Критерий классификации	Кол-во дел (абс.)	Удельный вес (%)
Уведомление о подозрении при производстве дознания (ст. 223.1 УПК РФ)	49	22,9
Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица	15	7,0
III. Достаточность доказательственной базы на момент признания лица подозреваемым		
Совокупность доказательств признана достаточной (4 и более видов)	69	32,2
Ограниченная совокупность доказательств (2-3 вида)	101	47,2
Единичные доказательства (1 вид)	31	14,5
Фактическое отсутствие достаточных данных о причастности лица	13	6,1
IV. Виды доказательств и данных, зафиксированных на момент установления подозрения*		
Показания свидетелей и очевидцев	163	76,2
Результаты оперативно-розыскной деятельности	121	56,5
Вещественные доказательства	147	68,7
Заключения специалиста или эксперта	89	41,6
Видео- и фотоматериалы	97	45,3
Иные процессуальные документы (протоколы следственных действий)	181	84,6
V. Соблюдение процессуальных сроков при оформлении подозрения		
Сроки соблюдены в полном объеме	141	65,9
Нарушение 48-часового срока задержания (ч. 2 ст. 94 УПК РФ)	24	11,2
Несвоевременное направление уведомления о подозрении (ст. 223.1 УПК РФ)	22	10,3
Нарушение срока составления протокола задержания (ч. 1 ст. 92 УПК РФ)	17	7,9
Иные нарушения процессуальных сроков	10	4,7
VI. Нарушения процессуального порядка установления и оформления подозрения		

Критерий классификации	Кол-во дел (абс.)	Удельный вес (%)
Нарушений не выявлено	125	58,4
Ненадлежащее разъяснение прав подозреваемому (ч. 4 ст. 46 УПК РФ)	31	14,5
Нарушения при составлении протокола задержания (ст. 92 УПК РФ)	24	11,2
Необеспечение своевременного участия защитника	21	9,8
Несоответствие фактических оснований подозрения процессуальным требованиям	13	6,1
VII. Продолжительность статуса подозреваемого		
До 48 часов (период задержания без продления)	98	45,8
От 3 до 30 суток	61	28,5
От 1 до 2 месяцев	38	17,8
Свыше 2 месяцев	17	7,9
VIII. Процессуальный результат в отношении лица, имевшего статус подозреваемого		
Предъявлено обвинение (лицо приобрело статус обвиняемого)	166	77,6
Прекращение уголовного преследования по реабилитирующим основаниям	22	10,3
Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям	18	8,4
Дело выделено в отдельное производство	8	3,7
Итого изучено уголовных дел	214	100,0

* Сумма удельных весов по разделу IV превышает 100,0% вследствие одновременного наличия нескольких видов доказательств по одному уголовному делу.